

Дозв. ценз. Сиб. 14 Июля 1893 г.

Фотогития В. И. Штейна. Сиб. М. Морская 20

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОВІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫПУСКЪ XVI-й.

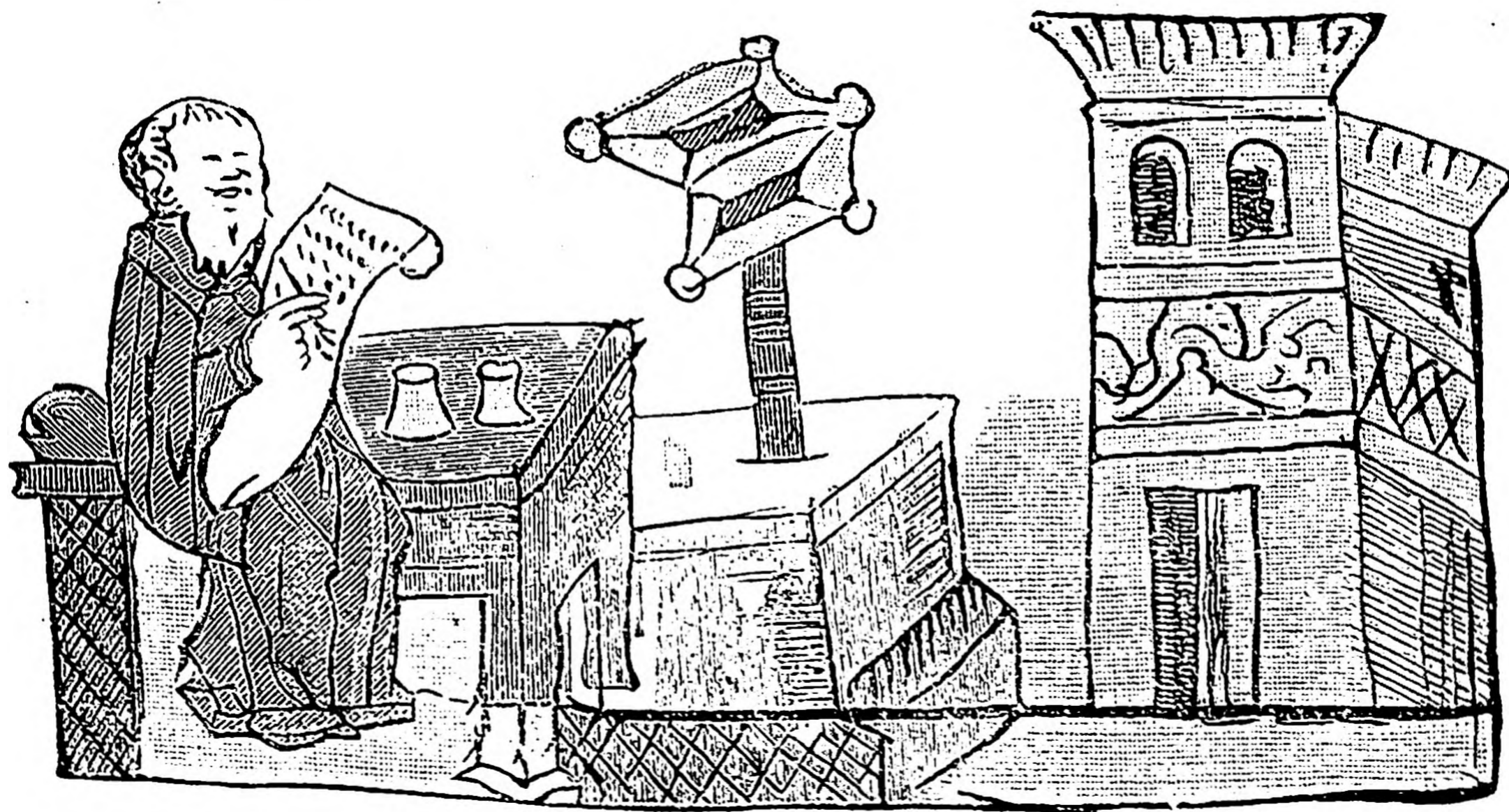
ЛѢТОШИСЬ НЕСТОРА

СО ВКЛЮЧЕНІЕМЪ

ПОУЧЕНІА ВЛАДИМИРА МОНОМАХА.

5924.
Текстъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, съ примѣчаніями.—Поученіе
Владимира Мономаха.—Три объяснительныя статьи.—Словарь.

Изданіе И. Глазунова.

„Лѣтописецъ“ — изъ Кенигсбергскаго списка древней лѣтописи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІА ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1893.

Предисловіе.

Содержаніе настоящаго выпуска составляетъ важнѣйшая часть нашего лѣтописнаго свода — повѣсть временныхъ лѣтъ, оканчивающаяся 1110 годомъ. Текстъ напечатанъ по Лаврентьевскому списку въ томъ видѣ, т. е. съ тѣми исправленіями и дополненіями по другимъ спискамъ, какія сдѣланы въ послѣднемъ изданіи этого памятника, предпринятомъ археографической комиссіей (Спб. 1872) подъ редакціей А. Θ. Бычкова. Изданіе это отличается слѣдующими особенностями: текстъ воспроизведенъ буква въ букву съ сохраненіемъ даже грамматическихъ неправильностей, раскрыты лишь титла, гласныя: оу, ѡ, ѡ, ѡ и ѡ замѣнены: у, о, я, е, и разставлены знаки препинанія, какъ того требуетъ смыслъ. Кромѣ того, внесены изъ побочныхъ списковъ пропущенныя мѣста, исправлены мѣста, явно испорченныя, и восстановлены слова и выраженія искаженныя. Въ настоящемъ учебномъ изданіи, мы позволили себѣ лишь исключить: мѣста, неудобныя въ педагогическомъ отношеніи, и тѣ немногія мѣста, содержаніе которыхъ, не представляя особеннаго значенія, могло быть выпущено безъ нарушенія цѣльности памятника. Наиболѣе необходимыя поясненія къ тексту приведены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Для объясненія отдѣльныхъ словъ и выраженій, въ концѣ книги, помѣщенъ небольшой словарь.

„Поученіе Владиміра Мономаха“, по примѣру гр. Мусина-Пушкина (Спб. 1793), обыкновенно выдѣляемое изъ текста лѣтописи многими его позднѣйшими издателями и печатаемое отдѣльно, въ нашемъ изданіи помѣщено въ срединѣ повѣствованія о людяхъ, заточенныхъ Александромъ Македонскимъ въ горахъ, т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно находится въ Лаврентьевскомъ спискѣ и гдѣ оставлено въ изданіи археографической комиссіи. Поученіе Мономаха и слѣдующее за нимъ Посланіе его-же къ Олегу Святославичу дошли до насъ въ единственной извѣстной намъ передачѣ лѣтописца, позаимствовавшаго ихъ, вѣроятно, изъ какого-нибудь сборника. Они составляютъ поэтому неотъемлемую принадлежность нашего лѣтописнаго свода и одно изъ лучшихъ въ немъ мѣстъ; выдѣлить ихъ въ особое произведеніе значило-бы совершенно произвольно нарушить цѣлость нашего знаменитаго памятника, лишивъ столь существенной его части. Кромѣ того, изучая Поученіе, какъ отдѣльное произведеніе, учащіеся могли-бы составить себѣ не вполне точное понятіе какъ объ этомъ памятникѣ, такъ и о содержаніи и составѣ самой лѣтописи.

„Поученіе“ Владиміра Мономаха имѣетъ прямую преемственную связь съ различнаго рода Домостроями, одной изъ редакцій которыхъ посвящена отдѣльная книга въ серіи „Русской Класной Библіотеки“ (№ 3). Поэтому при изученіи этой части нашей лѣтописи, весьма было-бы полезно обратиться къ Домострою Сильвестра и сравнить между собою эти два памятника, въ связи съ приведенными у насъ образцами древне-классическаго и западно-европейскихъ Домостроевъ. Что же касается нѣкоторыхъ поученій изъ апокрифической литературы, Изборника Святослава и пр., которыя имѣютъ связь съ Поученіемъ

Мономаха, то какъ ни интересно было-бы включить и ихъ въ общій кругъ сравниваемыхъ памятниковъ, мы полагаемъ, однако, что для этого едва-ли можетъ найтись достаточно времени у преподавателя средне-учебнаго заведенія; поэтому въ настоящемъ выпускѣ мы не помещаемъ никакихъ иныхъ произведеній для изученія сравнительно съ лѣтописью.

Въ качествѣ объяснительныхъ статей, избраны три отрывка изъ изслѣдованій: Терновскаго, Сухомлинова и Протопопова, посвященныя вопросу объ источникахъ лѣтописи, выясненію ея характера, содерженія и значенія и, затѣмъ, „Поученію“ Владиміра Мономаха.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	I
Лѣтопись Нестора	1—150
Поученіе Владиміра Мономаха	117—129

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

1) Источники лѣтописи, <i>Ф. А. Терновскаго</i>	150
2) Составъ и характеръ лѣтописи, <i>М. Н. Сухомлинова</i>	159
3) Значеніе Поученія Владиміра Мономаха, <i>С. Протопонова</i>	176
4) Словарь	191

ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРА

ПО СПИСКУ МОНАХА ЛАВРЕНТІЯ.

Се повѣсти времяньныхъ ¹⁾ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть.

Се начнемъ повѣсть сию.

По потоцѣ триє сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афеть. И яся вѣстокъ Симови: (перечень восточныхъ странъ). Хамови же яся полуденьная страна: (перечень южныхъ странъ). Афету же яшася полунощныя страны и западныя: (перечисленіе сѣверныхъ и западныхъ странъ).

Симъ же, и Хамъ, и Афеть, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никомуже въ жребий братень, и живяху кождо въ своей части; бысть языкъ единъ. И умножившемся чловѣкомъ на земли, и помыслиша создати столпъ до небесе, въ дни Нектана и Фалека. И собрашася на мѣстѣ Сенаръ поли здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ; и создаша столпъ ть за 40 лѣтъ, и не свершенъ бысть. И сниде Господь Богъ видѣти градъ и столпъ, и рече Господь: се родъ единъ и языкъ единъ. И съмѣси Богъ языки, и раздѣли на 70 и 2 языка, и расъсѣя по всей земли. По размѣшенъи же языкъ, Богъ вѣтромъ великимъ разруши столпъ, и есть останокъ его промежю Асюра и Вавилона, и есть въ высоту и въ ширину локоть 5433 локти, и в лѣта многа хранимъ останокъ. По размѣшенъи же столпа и по раздѣленъи языкъ, прияша сынове Симови вѣсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны, Афетови же прияша

¹⁾ Прошлыхъ, прошедшихъ.

западъ и полунощныя страны. Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнскъ, отъ племени Афетова, Нарци, еже суть Словѣне ¹⁾).

По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ; яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Маравѣ, и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни: Хорвате Бѣлии, и Серебь, и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайския, и сѣдшемъ в нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ; а друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, и по Сулѣ, и нарекошася Сѣверь. И тако разидеся Словѣньскій языкъ, тѣмже и грамота прозвася Словѣньская.

Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, из негоже озеро потечетъ Волховъ и вѣтечетъ в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понтъ море, въ неже втечетъ Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Волковьскаго лѣса, и потечетъ на полъдне, а

¹⁾ Древ. форма, вм. Славяне (ѣ=я).

Двина ис того же лѣса потечеть, а идетъ на полунощье и внидетъ в море Варяжское; ис того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и вѣтечетъ семьюдесять жерель в море Хвалисьское. Тѣмже и из Руси можетъ ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на вѣстокъ дойти въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима-же и до племени Хамова. А Днѣпръ втечетъ в Понетское море ¹⁾ жереломъ, еже море словоеть Руское, по немуже училъ святыи Ондрѣй ²⁾, братъ Петровъ, якоже рѣша ³⁾.

Ондрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь, увѣдѣ, яко ис Корсуны ⁴⁾ близъ устье Днѣпрское, и вѣсхотѣ поити в Римъ и проиде въ вустье Днѣпрское, и оттоле поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. И заутра вѣставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: „видите ли горы сия? яко на сихъ горахъ восияетъ благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать“. И вѣшедъ на горы сия, благослови я, и постави крестъ, и помоливъся Богу, и сѣлѣзъ съ горы сея, идѣже послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ ⁵⁾. И приде въ Словѣни, идеже нынѣ Новгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, п како ся мыють, и хвощются, и удивися имъ. И иде въ Варяги, и приде в Римъ, и исповѣда, елико научи и елико виде, и рече имъ: „дивно видѣхъ въ землѣ Словеньстѣ идущю ми сѣмо; видѣхъ бани древены, и пережыгутъ я рамяно, и совлокутъся, и будутъ нази, и облѣются квасомъ уснианомъ, и возмутъ на ся прутье младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, едва слѣзутъ лѣ живи, и облѣются водою студеною, и тако оживутъ ⁶⁾; и то творять по вся дни немучими ни-

¹⁾ Понть-море, Черное море.

²⁾ Мѣстное произношеніе имени Андрей.

³⁾ Какъ говорятъ.

⁴⁾ Синопъ и Корсунъ—греческія поселенія въ Крыму.

⁵⁾ Вверхъ по Днѣпру.

⁶⁾ Ироническое описаніе бани.

кимже, но сами ся мучать, и то творять мовенъе собѣ, а не мученъе“. Слышащеі же се дивляхуся. Онъдрѣи же, бывъ в Римѣ, приде в Синопию.

Полемъ же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ. И быша 3 братья, единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Сѣдѣше Кий на горѣ, идѣ же нынѣ оувозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдѣше на горѣ, идѣ же нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоривица; и створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. И бѣше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловаща звѣрь ¹⁾, бяху мужи мудри и смыслени, и нарицахуся Поляне, отъ нихъ же суть Поляне в Киевѣ и до сего дне.

Ини же не свѣдуше рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Кіева бо бѣше перевозъ тогда с оной стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше въ родѣ своемъ; и приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приялъ есть отъ царя, при котормъ приходивъ цари; идущю же ему вспять, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто и срубилъ ²⁾ градокъ малъ, и хотѣше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живушии; еже и донынѣ наричють Дунайци городище Киевецъ. Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животъ свой скончаша; и братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася.

И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъе в Поляхъ, а в Деревляхъ ³⁾ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Поло-

¹⁾ Бяху ловаща—ловили.

²⁾ Выстроилъ.

³⁾ Древянахъ.

чане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдять наверхъ Волги, и наверхъ Двины и наверхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленскъ; тудѣ бо сѣдять Кривичи. Таже сѣверъ отъ нихъ на Бѣлѣозерѣ сѣдять Весь, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря же. А по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ втечетъ въ Волгу, Мурома языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Морѣдва свой языкъ. Се бо токмо Словѣнскъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же Велыняне. А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Морѣдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь ¹⁾; си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ.

Словѣнску же языку, якоже рекохомъ, живуцю на Дунаи, придоша отъ Скуѣ²⁾, рекше отъ Козарь, рекоміи Болгаре, и сѣдоша по Дунаеви, и населници³⁾ Словѣномъ быша. Посемъ придоша Угри Бѣлии, и наслѣдиша землю Словѣнску; си бо Угри почаша быти при Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя царя Перьскаго. Въ си же времяна быша и Обри⁴⁾, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же Обри воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, аще поѣхати будяше Обърину, не дадыше въпрячи коня, ни вола, но велаше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ въ телѣту и повезти Обърѣна; и тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обърѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, и помроша вси, и не остана ни единъ Объринъ и есть притѣча в Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдѣка. По сихъ же придоша

¹⁾ Перечисленіе народовъ, относящихся къ племенамъ—славянскимъ, литовскимъ и финскимъ.

²⁾ Скиѣ.

³⁾ Поселенцы.

⁴⁾ Обри—народъ рослый; самое имя у западн. славянъ служитъ нарицательн. великана. Иначе Авары.

Печенѣзи; паки идоша Угри Чернии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ¹⁾.

Поляномъ же живущимъ особѣ, якоже рекохомъ, сущимъ отъ рода Словѣньска, и нарекошася Поляне, а Деревляне отъ Словѣнъ же, и нарекошася Древляне; Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ Бяста бо 2 брата в Лясѣхъ, Радимъ, а другой Вятко; и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи. И живяху в мирѣ Поляне, и Деревляне, и Сѣверъ, и Радимичи, Вятичи и Хорвате. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне Велыняне, а Улучи и Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, и суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѣ.

Имяху бо обычаи свои, и законъ отець своихъ и преданья, каждо свой нравъ. Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ... брачныи обычаи имяху: не хожаше зять²⁾ по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху по ней что владуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху уводы³⁾ дѣвица. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣхъ, якоже и всякий звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами, а браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съ вѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. И аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и посемь творяху кладу⁴⁾ велику, и възложашуть и на кладу мертвеца сожъжаху, и по-

¹⁾ При *Ольгѣ*, отъ *Ольгѣ*.

²⁾ Женихъ.

³⁾ Обычай умыканія, т. е. похищенія невѣсты у воды.

⁴⁾ Костеръ.

семь собравше кости, вложяху в судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи и прочии погании, не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ.

Глаголетъ Георгій (Амартолъ) въ лѣтописаньи: ибо коемуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычай, зане законъ безаконьникомъ отечьствіе мнится (перечисляются законы и обычаи разныхъ народовъ). Мы же хрестіане, елико земля, иже вѣрують въ святую Троицю и въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имама единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся.

По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея, быша обидимы Древлями и инѣми околними, и найдоша я Козарѣ сѣдѣющая на горахъ сихъ в лѣсѣхъ, и рѣша Козари: „платите намъ дань“. Съдумавше-же Поляне и вдаша отъ дыма¹⁾ мечь, и несоша Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ своимъ и рѣша имъ: „се налѣзохомъ дань нову“. Они же рѣша имъ: „откуда?“ они же рѣша: „въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрьскою“. Они же рѣша: „что суть вѣдали?“ Они же показаша мечь. И рѣша старци Козарьстии: „не добра дань, княже! мы ся доискахомъ оружьемъ одною стороною остромъ, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ“. Се же сбысться все; не отъ своя воля рекоша, но отъ Божья повелѣнья. Яко и при Фаравонѣ цари Еюпетьстѣмъ, егда приведоша Моисѣя предъ Фаравона, и рѣша старѣйшина Фараоня: сей хочеть смирити область Еюпетскую, якоже и бысть: погибоша Еюптяне отъ Моисѣя, а первое быша работающе имъ; тако и си владѣша, а послѣже самѣми владѣють; якоже и бысть, володѣють бо Козары Русьскіи князи и до днешняго дне.

852. Въ лѣто 6360, индикта²⁾ 15 день, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руская земля. О семь бо

¹⁾ Дымъ—жилье, домъ.

²⁾ Періодъ въ 15 лѣтъ.

увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ. Тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ. (Далѣе слѣдуетъ хронологія).

853. Въ лѣто 6361.

854. Въ лѣто 6362.

855. Въ лѣто 6363.

856. Въ лѣто 6364.

857. Въ лѣто 6365.

858. Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изиде с воеи брегомъ и моремъ на Болгары; Болгаре же увидѣвше, яко не могоша стати противу, креститися просиша и покоритися Грекомъ. Царь же крести князя ихъ и боляры вся, и миръ сотвори с Болгары.

859. Въ лѣто 6367. Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на Всѣхъ и на Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма.

860. Въ лѣто 6368.

861. Въ лѣто 6369.

862. Въ лѣто 6370. Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: „поищемъ собѣ князя, иже бо володѣлъ нами и судилъ по праву“. И идоша за море к Варягомъ, к Руси, сиче бо тѣи зваху ся Варязи Русь, яко се друзи зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, друзи Гѣте тако и си. Рѣша Руси Чюдъ, и Словѣни, и Кривичи и вси: „земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣти княжитъ и володѣти нами“. И избрашася 3 братья съ роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ Новгородѣ, а другий Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третий Изборъстѣ Труворѣ. И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля, Новгородьци, ти суть людье Новгородьци отъ рода Варяжъска,

преже бо бѣша Словѣни. По двою же лѣту Синеусъ умре и братъ его Труворъ; и прія власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а перьвии насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, въ Полотѣстѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ. И бяста у него два мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо, и узрѣста на горѣ градокъ и упрошаста и рѣста: „чій се градокъ?“ Они же рѣша: „была суть 3 брата, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокось, и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань родомъ ихъ Козаромъ“. Асколдъ же и Диръ остаа въ градѣ семъ, и многи Варяги свокуписта, и начаста владѣти Польскою землею. Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ.

863. Въ лѣто 6371.

864. Въ лѣто 6372.

865. Въ лѣто 6373.

866. Въ лѣто 6374, иде Асколдъ и Диръ на Греки, и придоша въ 14 лѣто Михаила цесаря. Цесарю же отшедшю на Огаряны²⁾ и дошедшю ему Черные рѣки, вѣсть епархъ посла к нему, яко Русь на Царьгородъ идетъ, и вратися царь. Си же внутрь Суду³⁾ вшедше, много убійство крестьяномъ створиша, и въ двою сту корабль Царьградъ оступиша. Царь же едва въ градъ вниде, и съ патреярхомъ съ Фотьемъ приде къ сущей церкви святѣй Богородицѣ Влахѣрнѣ и всю ноць молитву створиша, таже божественую святыя Богородица ризу с пѣсньми изнесъше в рѣку омочиша, тишинѣ сущи и морю укротившюся, абье буря вѣста с вѣтромъ, и волнамъ вельямъ вѣставшимъ засобъ безбожныхъ Руси ко-

¹⁾ Финское племя Весь.

²⁾ Арабы.

³⁾ Гавань цареградская.

рабля смяте, и к берегу приверже, и изби я, яко мало ихъ отъ таковыя бѣды избѣгнути, и въсвоеси възвратишася.

867. Въ лѣто 6375.

868. Въ лѣто 6376. Поча царствовати Василій.

869. Въ лѣто 8377. Крещена бысть вся земля Болгарская.

870. Въ лѣто 6378.

871. Въ лѣто 6379.

872. Въ лѣто 6380.

873. Въ лѣто 6381.

874. Въ лѣто 6382.

875. Въ лѣто 6383.

876. Въ лѣто 6384.

877. Въ лѣто 6385.

878. Въ лѣто 6386.

879. Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови, предасть княженъе свое Олгови, отъ рода ему суща, въдавъ ему сынъ свой на рудѣ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми.

880. Въ лѣто 6388.

881. Въ лѣто 6389.

882. Въ лѣто 6390. Поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чюдъ, Словѣни, Мерю, Вель, Кривичи, и приде къ Смоленску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свои; оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужъ свои. И придоста къ горамъ Киевскимъ, и увѣда Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, и похорони вои в лодьяхъ, а другія назади остави, а самъ приде нося Игоря дѣтска. И приплу подъ Угорское, похоронивъ вои своя, и посла ко Асколду и Дирови, глаголя: „яко гость¹⁾ есмь, и идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича; да придѣта к намъ к родомъ своимъ“. Асколдъ же и Диръ придоста, и выскакаша вси прочии изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: „вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа,“ и

¹⁾ Купецъ.

вынесоша Игоря, „а се есть сынъ Рюриковъ“. И убиша Асколда и Дира, и несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветъ Угорское, кдѣ нынѣ Ольминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною. И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: „се буди мати градомъ Русьскимъ“. И бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью. Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери, и устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривень¹⁾ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ.

883. Въ лѣто 6391. Поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ а имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ.

884. Въ лѣто 6392. Иде Олегъ на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны, и възложи на нь дань легьку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити рекъ: „азъ имъ противенъ, а вамъ нечему“.

885. Въ лѣто 6393. Посла къ Радимичемъ рька: „кому дань даете?“ Они же рѣша: „Козаромъ“. И рече имъ Олегъ: „не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте“, и въдаша Ольгови по щлягу, якоже и Козаромъ даяху. И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны, и Сѣверены и Радимичи, а съ Уличи и Тѣверци имаше рать.

886. Въ лѣто 6394.

887. Въ лѣто 6395. Левонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и братъ его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6.

888—897. Въ лѣто 6396. Въ лѣто 6397. Въ лѣто 6398. Въ лѣто 6399. Въ лѣто 6400. Въ лѣто 6401. Въ лѣто 6402. Въ лѣто 6403. Въ лѣто 6404. Въ лѣто 6405. Въ лѣто 6406. Идоша Угри мимо Кіевъ горою, еже ся зоветъ нынѣ Угорское, и пришедъше къ Днѣпру сташа вежами²⁾; бѣша бо ходяще аки

¹⁾ Гривна—древне русская монетная единица.

²⁾ Шатрами.

се Половци. Пришедше отъ вѣстока и устремившася черезъ горы великія, яже прозвашася горы Угорскія, и почаша воевати на живущая ту Волохи и Словѣни. Сѣдяху бо ту преже Словѣни, и Волохове пріяша землю Словѣнскую; по семъ же Угри прогнаша Волѣхи, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ Словѣны, покоривше я подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорская. И начаша воевати Угри на Греки, и поплѣниша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня; и начаша воевати на Мораву и на Чехи. Бѣ единъ языкъ Словѣнскъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри, и Моравы, и Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Симъ бо первое предложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Словѣнская, яже грамота есть в Руси и в Болгарѣхъ Дунайскихъ.

Словѣномъ живущимъ крещенымъ и княземъ ихъ Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцель послаша ко царю Михаилу, глаголюще: „земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ, и протолковалъ святаыя книги; не разумѣемъ-бо ни Гречьску языку, ни Латыньску; они бы ны инако учать, а они бо ны и инако; тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ. И послѣте ны учителя, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ“. Се слышавъ царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся Словѣнскихъ князь. И рѣша философы: „есть мужъ въ Селуни, именемъ Левъ, и суть у него сынове разумиви языку Словѣнскую, хитра два сына у него философа“. Се слышавъ, царь посла по ня въ Селунь ко Львови, глаголя: „посли к намъ въскорѣ сына своя Меѳодія и Костянтина“. Се слышавъ Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: „се прислалася ко мнѣ Словѣнская земля, просящи учителя собѣ, иже бы моглъ имъ протолковати святаыя книги; сего бо желаютъ“. И умолена быста царемъ, и посла я въ Словѣнскую землю къ Ростиславу, и Святополку, и Къцьлови. Сима же приходъшема, начаста съставляти писмена азъбуковъная Словѣнски, и предложиста Апостолъ и

Еуангелъе; и ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ. Посемъ же преложиста Псалтырь и Охтайкъ, и прочая книги. И всташа нѣци на ня ропщюще и глаголюще: „яко не достоитъ некоторому же языку имѣти буквѣвъ своихъ, развѣ Еврѣи, и Грекъ, и Латинъ, по Пилатову писанью, еже на крестѣ Господни написа“. Се же слышавъ папежь Римскій, похули тѣхъ, иже ропщють на книги Словѣнскія, река: „да ся исполнить книжное слово, яко въсхвалять Бога вси языци; другое же: вси възъглаголють языки величья Божья, якоже дастъ имъ святыи Духъ отвѣщевати; да аще кто хулитъ Словѣнскую грамоту, да будетъ отлученъ отъ церкви, донде ся исправитъ; ти бо суть волци, а не овца, яже достоитъ отъ плода знати я и хранитися ихъ. Вы же, чада Божья, послушайте ученья и не отрините наказанья церковнаго, якоже вы наказалъ Меѳодій учитель вашъ“. Костянтинъ же възвратися въспять, и иде учить Болгарьскаго языка, а Меѳодій оста в Моравѣ. Посемъ же Коцель князь постави Меѳодья епископа въ Паніи, на столѣ святаго Онѣдроника апостола единого отъ 70, ученика святаго апостола Павла. Меѳодій же посади 2 попа скорописца зѣло, и преложи вся книги исполнь отъ Гречьска языка въ Словѣнскъ 6-ю мѣсяць, наченъ отъ марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день октября мѣсяца. Окончавъ же достойну хвалу и славу Богу въздасть, дающему такую благодать епископу Меѳодью, настоянику Анѣдроникову. Тѣмже Словѣнску языку учитель есть Анѣдроникъ апостоль, въ Моравы бо ходилъ: и апостоль Павель училъ ту; ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостоль Павель, ту бо бѣша Словѣне первое. Тѣмже и Словѣнску языку учитель есть Павель, отъ него же языка и мы есмо Русь, тѣмже и намъ Руси учитель есть Павель, понеже училъ есть языкъ Словѣнскъ и поставилъ есть епископа и намѣстника по себѣ Андроника Словѣнску языку. А Словѣнскый языкъ и Рускый одно есть, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словѣне; аще и Поляне звахуся, но Словѣнская рѣчь бѣ. Полями же

прозвани быша зане въ полѣ сѣдяху, а языкъ Словѣньски имъ единъ.

898—901. Въ лѣто 6407. Въ лѣто 6408. Въ лѣто 6409. Въ лѣто 6410. Леонъ царь на Угры на Болгары, Угре же нашедше всю землю Болгарьску плѣноваху; Семионъ же увѣдѣвъ на Угры възвратися, и Угре противу поидоша и побѣдиша Болгары, яко одва Семионъ въ Дерѣстрѣ убѣжа.

902. Въ лѣто 6411. Игоревѣ-же възрастьшю, и хожаше по Олзѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Пьскова, именемъ Олгу.

903—906. Въ лѣто 6412. Въ лѣто 6413. Въ лѣто 6414. Въ лѣто 6415. Иде Олегъ на Греки, Игоря оставивъ Киевѣ; поя же множество Варягъ, и Словѣнъ, и Чюдъ, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны¹⁾, и Радимичи, и Поляны, и Сѣверо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци яже суть *Толковины*²⁾: си вси звахуться отъ Грекъ Великая Скуѣ. И съ сими со всѣми поиде Олегъ на конѣхъ и на кораблѣхъ, и бѣ числомъ кораблей 2000, и прииде къ Царюграду; и Греци замкоша Судъ³⁾, а градъ затвориша. И выиде Олегъ на берегъ, и воевати нача, и много убійство сотвори около града Грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви; а ихъ же имаху плѣнники, овѣхъ посѣкаху, другия же мучаху, иныя же растрѣляху, а другия въ море вметаху, и ина многа златворяху Русь Грекомъ, елико же ратнии творять. И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставити на колеса корабля; и бывшую покосну вѣтру, възпяша парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше Греци и убояшася и рѣша, выславше ко Олгови: „не погубляй града, имемъся по дань, якоже хочещи“. И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не прія его; бѣ бо устроено со отравою. И убояшася Греци и рѣша: „вѣсть се Олегъ, но святыи Дмитрей,

¹⁾ Деревляны—полногласная форма, вм. древяне.

²⁾ Строевъ читаетъ „Волянне“.

³⁾ Судъ—цареградская гавань. См. стр. 9.

посланъ на ны отъ Бога“. И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривень на человѣкъ, а въ корабли по 40 мужь; и яшася Греци по се, и почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецкые земли. Олегъ же мало отступивъ отъ града, нача миръ творити со царьма Грецкима, со Леономъ и Александромъ, посла къ нима въ градъ Карла, Фарлооа, Вельмуда, Рулава и Стемида ¹⁾, глаголя: „имите ми ся по дань“. И рѣша Греци: „чего хочещи дамы ти“. И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 корабль, по двѣнадцатъ гривень на ключъ ²⁾, и потомъ даяти уклады на Рускыя грады: первое на Кіевъ, таже на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полтѣскъ ³⁾, и на Ростовъ, и на Любечъ и на прочая города, по тѣмъ бо городомъ сѣдяху велиции князи подъ Ольгомъ суще; „да приходячи Русь слюбное⁴⁾ емлють, елико хотячи, а иже придуть гости, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць, „хлѣбъ, и вино, и мясо, и рыбы, и овощь; и да творять имъ „мовь ⁵⁾, елико хотять; пойдучи же домовъ, въ Русь, да емлють у царя нашего на путь брашно, и якори, и ужа ⁶⁾, и „парусы, и елико имъ надобе“. И яшася Греци, и рѣста царя и боярство все: „аще прїидуть Русь безъ купли, да не взимають мѣсячины; да запретитъ князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селѣхъ в „странѣ нашей; приходяще Русь да витають у святаго Мамы ⁷⁾, и послеть царство наше, и да испишють имена ихъ, „и тогда возмутъ мѣсячное свое,—первое отъ города Кіева, „и паки изъ Чернигова и изъ Переяславля, и прочіи гради; „и да входятъ в градъ одними вороты со царевымъ мужемъ,

¹⁾ Германскія имена членовъ варяжской дружины.

²⁾ Т. е. на корабль, имѣвшій багоръ, которымъ судно притягивалось къ берегу.

³⁾ Полоцкъ.

⁴⁾ Отъ *сзль*—посоль: слѣдующее посламъ.

⁵⁾ Мовь—омовеніе, баня.

⁶⁾ Ужа, канатъ, веревка.

⁷⁾ Предмѣстье города.

„без оружья, мужь 50, и да творять куплю, якоже имъ
„надобе, не платяче мыта ни в чемъ же. Царь же Леонъ ¹⁾
„со Олександромъ миръ сотвориста со Олгомъ, имшеся по дань
„и ротъ ²⁾ заходивше межи собою, цѣловавше сами крестъ, а
„Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася
„оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ
„скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ“. И рече Олегъ: „ис-
шийте парусы паволочиты Руси, а Словеномъ кропиньныя“,
и бысть тако; и повѣси щитъ свой въ вратехъ, показуа по-
бѣду, и поиде отъ Царяграда. И воспяша Русь парусы па-
волочиты, а Словене кропиньны, и раздра а вѣтръ; и рѣша
Словени: „имемся своимъ толстинамъ, не даны суть Словѣ-
„номъ прѣ кропинныя“. И приде Олегъ к Киеву, неся золото,
и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша
Олга вѣщій: бяху бо людіе погани и невѣголоси ³⁾.

907—910. Въ лѣто 6416. Въ лѣто 6417. Въ лѣто 6418.
Въ лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западѣ копейнымъ
образомъ.

911. Въ лѣто 6420. Посла мужи свои Олегъ построити
мира и положити рядъ межю Русью и Греки, глаголя: „Равно
другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же цархъ Лва и Але-
ксандра. Мы отъ рода Рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлоѡъ,
Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Руаръ,
Актеву, Труанъ, Лидуль, Фостъ, Стемидъ, иже послани отъ
Олга, великаго князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ
рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь, и его великихъ
боярь, к вамъ, Лвови и Александру и Костянтину, вели-
кимъ о Бозѣ самодержьцемъ, царемъ Греческимъ, на удер-
жание и на извѣщение отъ многихъ лѣтъ межи Христианы и
Русью бывъшую любовь, похотѣнемъ нашихъ великихъ князь

¹⁾ Левъ VI Философъ, сынъ императора Василя Македонянина, импе-
раторъ Византійскій.

²⁾ Рота—клятва.

³⁾ Погани (pagani)—язычники и невѣжды.

и по повелѣнію отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси. Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшую межи Хрестьяны и Русью многожды, право судихомъ, не точью просто словесемъ, но и писаніемъ и клятвою твердою кленшеся оружьемъ своимъ, такую любовь утвердити и известити по вѣрѣ и по закону нашему. Суть, яко понеже мы ся имали о Божьи вѣрѣ и о любви, главы таковыя: по первому убо слову да умиримся с вами, Греки, да любимъ другъ друга отъ всеа душа и изволения, и не вдадимъ, елико наше изволение, быти отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ никакому же соблазну или винѣ; но подщимся, елико по силѣ, на сохранение прочихъ и всегда лѣтъ съ вами, Греки, исповѣданіемъ и написаніемъ со клятвою извѣщаемую любовь непревратну и непостыжну. Такоже и вы, Греки, да храните таку же любовь ко княземъ нашимъ свѣтлымъ Рускимъ и ко всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего, несоблазну и непреложну всегда и въ вся лѣта. А о главахъ, иже ся ключить проказа, урядимся сиче: да елико явѣ будетъ показаніи явлеными, да имѣють вѣрное о тацѣхъ явленіи; а ему же начнутъ не яти вѣры; да кленеться часть та, иже ищетъ неятю вѣры; да егда кленеться по вѣрѣ своей, и будетъ казнь, якоже явиться согрѣшенье о семъ. Аще кто убьетъ или хрестьянина Русинъ или хрестьянинъ Русина, да умретъ, идѣже аще сотворитъ убійство. Аще ли убѣжитъ сотворивый убійство, да аще есть домовитъ, да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да возметъ ближний убьенаго, а и жена убившаго да имѣетъ толицемъ же пребудетъ по закону; аще ли есть неимовитъ сотворивый убой и убѣжавъ, да держитъся тяжи дондеже обрящеться, яко да умретъ. Аще ли ударитъ мечемъ или убьетъ кацѣмъ любо сосудомъ, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону Рускому; аще ли неимовитъ тако сотворивый, да вдасть елико можетъ, и да соиметь съ себе и ты самыя порты, в нихъ же ходитъ, да о процѣ да ротѣ хо-

5924

дить своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребываетъ тяжа отолѣ не взыскаема о семъ. Аще украдетъ что Русинъ любо у хрестянина, или паки хрестянинъ у Русина, и ятъ будетъ в томъ часѣ тать, егда татбу сътворить, отъ погубившаго что любо, аще пригготовиться, тать творяй, а убьенъ будетъ, да не взищеться смерть его ни отъ хрестянь, ни отъ Руси; но паче убо да возметъ свое, иже будетъ погубилъ. Аще вдасть руцѣ свои украдый, да ятъ будетъ тѣмъ же, у него же будетъ украдено, и связанъ будетъ, и отдасть тое, еже смѣ створити и сотворить триичи о семъ. Аще кто отъ хрестянь, или отъ Руси мученья образомъ искусь творити, и насильемъ явѣ возметъ что любо дружне, да въспятить троиче. Аще вывержена будетъ лодья вѣтромъ великимъ на землю чюжю, и обрящуть ся тамо иже отъ насъ Руси, да аще кто идетъ снабдѣти лодію с рухломъ своимъ и отослати паки на землю хрестяньскую, да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже приидеть въ бестрашное мѣсто; аще ли таковая лодья ли отъ буря, или бороненія земнаго боронима, не можетъ возборонитися въ своа си мѣста, спотружаемся гребцемъ тоя лодья мы, Русь, допроводимъ с куплею ихъ поздорову, ти аще ключитъ ся близъ земля Грецкаа; аще ли ключитъ ся такоже проказа лодьи Руской, да проводимъ ю в Рускую землю, да продають рухло тоя лодьи, и аще что можетъ продати отъ лодья, во волочимъ мы, Русь; да егда ходимъ въ Греки, или с куплею, или въ солбу ко цареву вашему, да пустимъ с честью проданное рухло лодьи ихъ; аще ли ключитъ ся кому отъ лодьи убьену быти отъ насъ, Руси, или что взято любо, да повинни будутъ то створшии прежереченною епитемьею, отъ тѣхъ. Аще полоняникъ обою страну держимъ есть или отъ Руси или отъ Грекъ, проданъ въ ону страну, аще обрящеться ли Русинъ ли Гречинъ, да искупятъ и възратятъ искупное лице въ свою сторону, и возмутъ цѣну его купящии, или мнитъ ся в куплю на день челядиннаа цѣна; такоже аще отъ рати ятъ будетъ отъ тѣхъ Грекъ, такоже да воз-

ратится въ свою страну, и отдана будетъ цѣна его, якоже речено есть, якоже есть купля. Егда же требуетъ на войну ити, и сѣи хотятъ почтити царя вашего, да аще въ кое время елико ихъ придетъ, и хотятъ остатися у царя вашего своею волею да будутъ. Отъ Руси отъ полоненіи, множайши отъ коея любо страны пришедшимъ в Русь и продаемымъ въ хрестьяны, и еще же и о хрестьянехъ о полоненныхъ отъ коеа любо страны приходящимъ в Русь, се продаемы бывають по 20 золота, и да придуть въ Греки. О томъ аще украденъ будетъ челядинъ Рускый, или ускочить, или по нужи проданъ будетъ, и жаловати начнутъ Русь, да покажетъ ся таковое отъ челядина и да поимуть и в Русь; но и гостие аще погубиша челядинъ и жалуютъ, да ищутъ, обрѣтаемое да поимуть е; аще ли кто искушенъа сего не дастъ створити, мѣстникъ да погубить правду свою. И о работающихъ бо Грекохъ Руси у хрестьянскаго царя. Аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци своихъ не имать, да възратится имѣніе к малымъ ближикамъ в Русь; аще ли сотворить обряжение таковой, возметъ уряженое его, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье его, да наслѣдитъ е отъ взимающихъ куплю Руси отъ различныхъ ходящихъ во Греки и удолжающихъ. Аще злодѣй не възратится в Русь, да жалуютъ Русь хрестьянскому царству, и ятъ будетъ таковой и възвращенъ будетъ, не хотя, въ Русь. Си же вся да створять Русь Грекомъ, идѣже аще ключится таково. На утвержденъе же неподвижние быти меже вами хрестьяны и Русью, бывший миръ сотворихомъ Ивановымъ написаниемъ на двою харатью, царя вашего и своею рукою, предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истинаго Бога вашего извѣсти и дать нашимъ посломъ; мы же кляхомся ко царю вашему иже отъ Бога суще яко Божие здание по закону и по закону языка нашего, не преступити намъ, ни иному отъ страны нашея отъ уставленныхъ главъ мира и любви. И таковое написание дахомъ царства вашего на утвержение обоему пребывати таковому совѣщанию,

на утверждение и на извѣщаніе межѣ вами бывающаго мира. Мѣсяца сентебры 2, недѣли 15, въ лѣто созданія мира 6420“.

Царь же Леонъ почти послы Рускыя дарми, златомъ, и паволоками, и фофудьами¹⁾ и пристави к нимъ мужи свои показати имъ церковную красоту, и полаты златыя и въ нихъ сущаа богатество, злато много и паволоки и камъне драгое, и страсти Господня, и вѣнецъ, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святыхъ, учаще я к вѣрѣ своей и показующе имъ истинную вѣру, и тако отпусти а во свою землю с честию великою. Послании же Олгомъ послы приидоша ко Олгови и повѣдаша вся рѣчи обою царю, како сотвориша миръ, и урядъ положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не преступити ни Грекомъ, ни Руси. И живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити и не всѣдати на нь²⁾, бѣ бо въпрашалъ волхвовъ и кудесникъ: „Отъ чего ми есть умерети?“ И рече ему кудесникъ одинъ: „княже! конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умерети“. Олегъ же примъ въ умъ, си рече: „николи же всяду на нь, ни вижу его болѣ того;“ и повелѣ кормити и ине водити его к нему, и пребы нѣколико лѣтъ не видѣ его, дондеже на Греки иде. И пришедшу ему к Киеву и пребывъшу 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, отъ него же бяхуть рекли волсви умерети, и призва старейшину конюхомъ, рече: „кое есть конь мѣй, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?“ Онъ же рече: „умерлъ есть“. Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, река: „то ти неправо глаголють волсви, но все лжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ“. И повелѣ осѣдлати конь: „а то вижу кости его“. И прииде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде с коня, и посмѣяся рече: „отъ сего ли лба смѣрть было взяти мнѣ?“ и вѣступи ногою на лобъ; и вы-

¹⁾ Одежды.

²⁾ Нь—ъ. вм. и, съ призвукомъ н—него.

никнувши змиа изо лба и уключу в ногу, и съ того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачемъ великимъ, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголется Щековица; есть же могила его и до сего дни, словоць могила Ольгова¹⁾. И бысть всѣхъ лѣтъ княжения его 33.

Се же дивно, яко отъ волхвованья собывается чародѣйство, якоже бысть во царство Доментіаново: нѣкій волхвъ, именемъ Аполоній Тіяннинъ, знаемъ бѣяше шествуя и творя всюду и въ градѣхъ и въ селехъ бѣсовьскаа чюдеса: отъ Рима бо пришедъ въ Византію, умоленъ бывъ отъ живущихъ ту, сотвори сія: отгнавъ множество змий и скоропий изъ града, яко не врежатися человѣкомъ отъ нихъ; ярость коньскую обуздавъ, егда ссхожахуся боаре. Такоже и во Антиохию пришедъ, и умоленъ бывъ отъ нихъ, томимомъ бо Антиахияномъ отъ скоропий и отъ комаръ, сотворивъ мѣдянь скоропий и погребе его в земли, и малъ столпъ, мраморенъ постави надъ нимъ, и повелѣ трость держати человѣкомъ, и ходити по городу и звати, тростемъ трясомомъ: „безъ комара граду“, и тако исчезнуша изъ града скоропия и комарье. И просиша же пакы о лежащимъ на градѣ трусѣ въздохну, списа на дщицѣ сія: „увы тобѣ, оканьный граде, яко потрясешися много, и огнемъ одержимъ будеши, оплачетъ же ты и при березѣ сый Оронтий. О немъ же и великій Анастасій Божья града рече: „Аполонию же даже и донынѣ на нѣцехъ мѣстехъ собываются створенаа стоащаа, ова на отвращение

¹⁾ Такое же сказаніе встрѣчается и въ скандинавскихъ сагахъ о Норвежскомъ Оддурѣ. Послѣ многолѣтняго отсутствія, воротившись въ Норвегію, Оддуръ сказалъ своей дружинѣ: „Посмотримъ на погразшій въ болото курганъ, подъ которымъ погребли мы коня Факса“. Пришедши же къ кургану, сказалъ: „теперь нѣтъ уже никакой опасности отъ предсказанія ворожеи, угрожавшей мнѣ смертію отъ Факса“. Между тѣмъ, загорѣлось болото и никакихъ слѣдовъ не осталось отъ кургана: лежала только голая гнилая голова коня. Увидѣвъ ее, опъ сказалъ: „Узнаете ли голову коня?“ Кругомъ стоящіе подтвердили. „И это Факсова голова!“ Тутъ выскочила изъ конской головы змѣя (ящерица) и уязвила его въ пяту, отчего все тѣло его заразилось ядомъ. (Буслаевъ.)

животенъ четверногъ, птицамъ, могущимъ вредити человекѣмъ, другыя же на воздержаніе струамъ рѣчнымъ, невоздержанно, текущимъ, но ина нѣкаа на тлѣнне и вредъ человекомъ сущая на побѣженіе стоать. Неточью бо за живота его така и таковая сотвориша бѣсове его ради, но и по смерти его пребывающе у гроба его знамени творяху во имя его на прелщение оканнымъ человекомъ, больма крадомымъ на таковаа отъ дьявола“. Кто убо что речеть о творящихъ ся волшвенимъ прелщениемъ дѣлехъ? яко таковой гораздъ бысть волшебствомъ, яко выну зазряще вѣдый Аполоний, яко неистовъ на ся философескую хитрость имуще; подобашеть бо ему, рещи, якоже азъ словомъ точью творити, ихже хотяше, а не свершениемъ творити повелѣваемаа отъ него. Такоже и вся ослабленемъ Божьимъ и творениемъ бѣсовскимъ бываетъ, таковыми вещьми искушати наша православныя вѣры, аще тверда есть и крѣпка, пребывающи Господеви и не влекома врагомъ мечетныхъ ради чюдесъ и сотонинъ дѣлъ, творимыхъ отъ врагъ и слугъ злобы. Еще же но именемъ Господнимъ пророчествоваша нѣдии, яко Валамъ, и Сауль, и Каиафа, и бѣси паки изгнаша, яко Іюда и сынове Скевави. Убо и не на достойныхъ благодать дѣйствуетъ многажды, да етеры свидѣтельствуеть, ибо Валамъ обоихъ бѣщюжь, житья изящна и вѣры, но о обаче съдѣйствова в немъ благодать ивѣхъ ради смотрѣниа. И Фараонъ таковой бѣ, но и тому будущаа предпоказа. И Навходоносоръ законопреступный, но и сему паки по мнозѣхъ сущихъ послѣдѣже родѣхъ открь, тѣмъ являя, яко мнози, прекостни имуще умъ, предъ образомъ Христовымъ знамени творять иною кознью на прелестъ человекомъ не разумѣвающимъ добраго, якоже бысть Симонъ волхвъ, и Менандръ и ини таковы, ихъ ради, по истинѣ, рече: не чюдесы прелщати.

913. Въ лѣто 6421. Поча княжити Игорь по Олзѣ. В се же время поча царьствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. И Деревляне затворишася отъ Игоря по Олговѣ смерти.

914. Въ лѣто 6422. Иде Игорьъ на Деревляны, и побѣдивъ а, и возложи на ня дань болши Олговы. Въ то же лѣто прииде Семионъ Болгарьскіи на Царьградъ, и сотворивъ миръ и прииде восвояси.

915. Въ лѣто 6423. Придоша Печенѣзи первое на Рускую землю, и сотворивше миръ со Игоремъ, и придоша къ Дунаю. Въ си же времена прииде Семионъ плѣняя Θракію, Греки же послаша по Печенѣги; Печенѣгомъ пришедшимъ и хотящимъ на Семеона, разсваришася Греческыя воеводы; видѣвше Печенѣзи, яко сами на ся рать имуть, отъидоша въсвояси, а Болгаре со Греки соступишася, и пересѣчени быша Греки. Семионъ же прия градъ Ондрѣнь, иже первое Арестовъ градъ нарицашеся, сына Агамемнонъ, иже во трехъ рѣкахъ купався недуга избы, ту сего ради градъ во имя свое нарече, послѣди-же Андрианъ кесарь и обнови, въ свое имя нарече Андрианъ, мы же зовемъ Андрѣянемъ градомъ.

916—920. Въ лѣто 6424. Въ лѣто 6425. Въ лѣто 6426. Въ лѣто 6427. Въ лѣто 6428. Поставленъ царь Романъ въ Грекохъ. А Игорьъ воеваше на Печенѣги.

921—929. Въ лѣто 6429. Въ лѣто 6430. Въ лѣто 6431. Въ лѣто 6432. Въ лѣто 6433. Въ лѣто 6434. Въ лѣто 6435. Въ лѣто 6436. Въ лѣто 6437. Приде Симевонъ на Царьградъ, и поплѣни Фракію и Макидонью, и приде ко Царюграду въ силѣ въ велицѣ, въ гордости, и створи миръ съ Романомъ царемъ, и възратися въсвояси.

930—934. Въ лѣто 6438. Въ лѣто 6439. Въ лѣто 6440. Въ лѣто 6441. Въ лѣто 6442. Первое придоша Угре на Царьградъ, и плѣноваху всю Фракію; Романъ сотвори миръ со Угры.

935—941. Въ лѣто 6443. Въ лѣто 6444. Въ лѣто 6445. Въ лѣто 6446. Въ лѣто 6447. Въ лѣто 6448. Въ лѣто 6449. Иде Игорьъ на Греки, яко послаша Болгаре вѣсть ко царю, яко идутъ Русь на Царьградъ скѣдій ¹⁾ 10 тысящъ. Иже придо-

¹⁾ Судна.

ша, и приплуша и почаша воевати Вифиньскія страны, и воеваху по Понту до Ираклия и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую поплѣнивше, и Судъ весь пожьгоша; ихъ же емше, овѣхъ растинаху, другія аки странъ ¹⁾ поставляюще и стрѣляху въ ня, изимахуть, опаки рудѣ съвѣзываютъ, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть имъ; много же святыхъ церквий огневи предаша, монастырѣ и села пожьгоша, и имѣнья немало отъ обою страну взяша. Потомъ же пришедшемъ воемъ отъ вѣстока, Панфиръ деместикъ съ 40-ми тысящъ, Фока же патрекій съ Макидоны, Ѳедоръ же стратилать съ Фраки, съ ними же и сановници боярѣстни, обидоша Русь около. Съвѣщаша Русь, изидоша въружившеся, на Греки, и брани межю ими бывши зѣли одва одолѣша Гръци; Русь же възратишася къ дѣружинѣ своей къ вечеру, и на ночь влѣзоша в лодыи и отбѣгоша. Феофанъ же ²⁾ сустрѣте я въ олядехъ со огнемъ, и пуцати нача трубами огнь на лодѣ Рускія, и бысть видѣти страшно чюдо. Русь же видящи пламянь, вметахуся въ воду морьскую, хотяще убрести; и тако прочіи възвратишася въсвося. Тѣмже пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху каждо своимъ о бывшемъ и о лядьнѣмъ огни: „якоже молонья“, рече, „иже на небесѣхъ, Гръци имуть у собе, и се пуцающе жежагаху насъ, сего ради не одолѣхомъ имъ“. Игорь же пришедъ нача совкупляти воѣ многи, и посла по Варяги многи за море, вабя е на Греки, паки хотя пойти на ня.

942. Въ лѣто 6450. Семеонъ иде на Храваты, и побѣженъ бысть Храваты, и умре, оставивъ Петра князя, сына своего Болгаромъ.

943. Въ лѣто 6451. Паки придоша Угри на Царьградъ, и миръ створивше съ Романомъ, возвратишася въсвося.

944. Въ лѣто 6452. Игорь же совкупивъ вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьцѣ, и Пече-

¹⁾ Цѣль.

²⁾ Грекъ, патрицій.

нѣги на а, и тали¹⁾ у нихъ поя, поиде на Греки в лодьяхъ и на конихъ, хотя мѣстити себе. Се слышавше Корсунци, послаша къ Раману, глаголюще: „се идутъ Русь безъ числа корабль, покрыли суть море корабли“. Такоже и Болгаре послаша вѣсть, глаголюще: „идутъ Русь, и наjali суть к собѣ Печенѣги“. Се слышавъ царь, посла к Игорю лучіѣ болярс, моля и глаголя: „не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, придамъ и еще къ той дани“. Такоже и къ Печенѣгомъ посла паволоки и злато много. Игорь же дошедъ Дуная, созва дружину и нача думати, и повѣда имъ рѣчь цареву. Рѣша же дружина Игорева: „да аще сиче глаголетъ царь, то что хотимъ болѣ того, не бившеса имати злато, и сребро, и паволоки? егда кто вѣсть, кто одолѣеть, мы ли, онѣ ли? ли съ моремъ кто свѣтенъ? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй; обѣча смерть всѣмъ“. Послуша ихъ Игорь, и повелѣ Печенѣгомъ воевати Болгарьску землю; а самъ вземъ у Грекъ злато и паволоки и на вся воя, и възратися въспять, и приде къ Кіеву въсвоеси.

945. Въ лѣто 6453. Присла Романъ, и Костянтинъ и Степанъ слы къ Игореву построити мира первого; Игорь же глагола съ ними о мирѣ. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману, Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша Рускія слы, и велѣша глаголати и писати обоихъ рѣчи на харатьѣ: (Далѣе текстъ договора).

Послании же сли Игоремъ придоша к Игореву со слы Гречьскими и повѣдаша вся рѣчи царя Романа. Игорь же призва слы Гречьскія, рече имъ: „глаголите, что вы казалъ царь?“ И рѣша сли цареви: „се посла ны царь, радъ есть миру, хочеть миръ имѣти со княземъ Рускимъ и любѣве; твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водить тебе и мужъ твоихъ“. Обѣщася Игорь сиче створити. Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кдѣ стояше Перунъ, и покладаша оружье свое, и щиты и золото, и ходи

¹⁾ Заложникъ.

Игорь ротѣ и люди его, елико поганныхъ Руси; а хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ, конецъ Пасынчѣ бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ собраная церкви, мнози бо бѣша Варязи хрестеяни. Игорь же утвердивъ миръ съ Греки, отпусти слы, одаривъ скорою ¹⁾ и чалядью и воскомъ, и отпусти я; сли же придоша ко цареви, и повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь юже къ Грекомъ. Игорь же нача княжити въ Киевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань.

945. Въ лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина Игоревы: „отроки Свѣнльжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы“. И послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ, и мужи его; возъемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущу же ему въспяты, размысливъ рече дружинѣ своей: „идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще“. Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же Деревляне, яко опять идетъ, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: „аще ся въвадитъ волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить“, и послаша к нему, глаголюще: „почто идеши опять? поималъ еси всю дань“. И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкорьстѣня ²⁾ Деревлене убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искорьстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне. Вольга же баше въ Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскомъ Святославомъ, и кормилецъ ³⁾ его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнеддъ, то же

¹⁾ Шкурами животныхъ, мѣхами.

²⁾ Искоростень, главный г. Древлянъ, нынѣ въ память его наз. Искорость мѣстечко въ Волынской губ.

³⁾ Воспитатель.

отецъ Мистишинъ. Рѣша же Деревляне: „се князя убихомъ Рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ, и Святослава, и створимъ ему, якоже хожемъ“. И послаша Деревляне лучшіе мужи, числомъ 20, в лодыи к Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в лодыи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевскія, и на Подолыи не сѣдяху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Киевъ, идѣже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь баше в городѣ, идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище ¹⁾ бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другой, идѣже есть дворъ Демьстиковъ ²⁾ за святою Богородицею; надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ камень. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша; и возва я Ольга къ собѣ и рече имъ: „добри гостье придоша“; и рѣша Деревляне: „придохомъ, княгине“. И рече имъ Ольга: „да глаголете, что ради придосте сѣмо?“ Рѣша же Деревляне: „посла ны Дерьвѣска земля, рекущи сице: мужа твоего убихомъ, баше бо мужъ твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли ³⁾ суть Дерьвѣску землю, да поиди за князь нашъ за Малъ“; бѣ бо имя ему Малъ, князю Дерьвѣску. Рече же имъ Ольга: „люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрия предъ людymi своими, а нынѣ идѣте в лодью свою и лязите в лодыи величающесе, и азъ утро послю по вы, вы же рыцѣте: не ѣдемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодѣ; и възнесутъ вы в лодыи“; и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку, на дворѣ теремѣстѣмъ, внѣ града. И заутра Волга, сѣдящи въ теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ, глаголюще: „зоветь вы Ольга на честь велику“. Они же рѣша: „не ѣдемъ на конихъ, ни на

¹⁾ Мѣсто для ловли птицъ.

²⁾ Доместикъ (домѣстикос)—установщикъ церковнаго пѣнія.

³⁾ Князья *пасуть* свой народъ. См. у Гомера названіе царя—пастухъ народовъ.

возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны в лодыи“. Рѣша же Кияне: „намъ неволя; князь нашъ убьенъ, а княгини наша хочеть за вашъ князь“; и понесоша я в лодыи. Они же сѣдяху в перегѣбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся; и принесоша я на дворъ к Ользѣ, и несѣше, вринуша е въ яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: „добра ли вы честь?“ они же рѣша: „пуще ны Игоревы смерти“; и повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я. И пославши Ольга к Деревлянѣмъ, рече имъ: „да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашъ князь, еда¹⁾ не пустятъ мене людье Киевьстии“. Се слышавше Деревляне, избраша лучьшии мужи, иже деръжаху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревлянѣмъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рѣкуще сиче: „измывшеся придите ко мнѣ“. Они же пережъгоша истопку²⁾, и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобѣку, и повелѣ зажечи я отъ дверей, ту изгорѣша вси. И посла къ Деревлянѣмъ, рѣкущи сиче: „се уже иду к вамъ, да пристроите меды многи въ градѣ, идѣже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему“. Они же то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, и възвариша. Ольга же, поимше мало дружины, легъко идуще приде къ гробу его, и плакася по мужи своемъ; и повелѣ людемъ своимъ съсуги могилу велику, и яко соспоша, и повелѣ трызну творити. Посемъ сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними; и рѣша Деревляне къ Ользѣ: „кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?“ она же рече: „идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего“. И яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ своей сѣчи Деревляны; и исѣкоша ихъ 5000. А Ольга възвратися Киеву, и пристрой вои на прокъ ихъ.

¹⁾ Не то.

²⁾ *Истопка*, отсюда *истѣба* и наше *изба*.

Начало княженія Святославля, сына Игорева.

946. Въ лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры, и иде на Дервьвску землю. И изидоша Деревляне противу, и сънемъшемася обѣма полкома на скупь, суну копьемъ Святославъ на Деревляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневы, и удари в ноги коневы, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: „князь уже почалъ; потягнѣте, дружина, по князѣ“. И побѣдиша Деревляны, Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣе бяху убили мужа ея, и ста около града съ сыномъ своимъ, а Деревляне затворишася въ градѣ и боряхуся крѣпко изъ града, вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, и не можаше взяти града, и умысли сиче: посла ко граду глаголющи: „что хотите досѣдѣти? а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хотите изъмерети голодомъ, не имучеся по дань“. Деревляне же рекоша: „ради ся быхомъ яли по дань, но хоцещи мьщати мужа своего“. Рече же имъ Ольга: „яко азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третѣе когда творихъ трызну мужевы своему; а уже не хоцю мьщати, но хоцю дапъ имати помалу, и смирившися съ вами поиду опять“. Рекоша же Деревляне: „што хоцещи у насъ? ради даемъ медомъ и скорою“. Она же рече имъ: „нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ прошю: дадите ми отъ двора по 3 голуби да по 3 воробьи; азъ бо не хоцю тяжьки дани възложити, якоже и мужь мой, сего прошю у васъ мало, вы бо есте изънемогли в осадѣ, да сего у васъ прошю мала“. Деревляне же ради бывше, и собраша отъ двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с поклономъ. Вольга же рече имъ: „се уже есте покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, а я завтра отступлю отъ града и поиду въ градо съи“. Де-

ревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людье въ градъ. Волга же раздая во емъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ къ комуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь, обертывающе въ платки малы, нитъкою поверзывающе къ комуждо ихъ; и повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи во емъ своимъ. Голуби же и воробьеви полетѣша въ гнѣзда своя, голуби въ голубники, вробѣе же подъ стрѣхи; и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора, идѣже не горяше, и не бѣ лъзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга во емъ своимъ имати я, яко взя градъ и пожъже и; старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. И възложи на ня дань тяжьку, 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Дервьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; и суть становища еѣ и ловища. И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино.

947. Въ лѣто 6455, иде Вольга Новугороду и уставы по Мьстѣ повосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и повосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ея Ольжичи и доселѣ. И изрядивши възратися къ сыну своему Киеву и пребываше с нимъ въ любви.

948—955. Въ лѣто 6456. Въ лѣто 6457. Въ лѣто 6458. Въ лѣто 6459. Въ лѣто 6460. Въ лѣто 6461. Въ лѣто 6462. Въ лѣто 6463! Иде Ольга въ Греки и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь Костянтинъ, сынъ Леоновъ; и приде к нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививъся царь разуму ея, бесѣдова к ней и рекъ ей: „подобна еси царствовати въ градѣ с нами“. Она же разумѣв-

ши рече ко царю: „азъ пагана есмь, да аще мя хоцещи крестити, то крести мя самъ; аще ли ни, то не крещюся“, и крести ю царь с патреархомъ. Просвѣщена же бывъши, радовашеся душею и тѣломъ; и поучи ю патреархъ о вѣрѣ, и рече ей: „благословена ты въ женахъ Рускихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави; благословити тя хотятъ сынове Рустіи и в послѣдній родъ внукъ твоихъ“. И заповѣда ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста; она же поклонивши главу, стояше аки губа напаяема, внимающи ученья; и поклонившися патреарху, глаголющи: „молитвами твоими, владыко, да схранена буду отъ сѣти непріязньны“. Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати великаго Костянтина. И благослови ю патреархъ и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь и рече ей: „хоцю ты пояти собѣ женѣ“. Она же рече: „како хочещи мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею? а въ хрестеянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси“. И рече царь: „переклюкала мя еси, Ольга“; и дасть ей дары многи, злато и сребро, поволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дъщерью собѣ. Она же хотящи домови, приде къ патреарху, благословенья просящи на домъ, и рече ему: „людье мои погани и сынъ мой, дабы мя Богъ съблюлъ отъ всякого зла“. И рече патреархъ: „чадо вѣрное! во Христа крестилася еси, и во Христа облечеся, Христосъ иматъ схранити тя; якоже схрани Еноха въ первыя роды, и потомъ Ноя въ ковчезѣ, Аврама отъ Авимелеха, Лота отъ Содомлянъ, Моисѣя отъ Фараона, Давыда отъ Саула, 3 отроци отъ пеши, Данила отъ звѣрий, тако и ты избавить отъ непріязни и отъ сѣтий его; и благослови ю патреархъ, и иде с миромъ въ свою землю, и приде Киеву. Се же бысть, якоже при Соломанѣ приде царица Еѳиопьская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знамянья: такоже и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости Божья, но она человѣчески, а си Божья. Ищющи бо мудрости обрящють, премудрость на ис-

ходищихъ поется, на путехъ же деръзновенъе водить, на краихъ же забральныхъ проповѣдаетъ, во вратѣхъ же градныхъ дерзаючи глаголетъ: елико бо лѣтъ незлобивии держатся по правду, не постыдятся. Си бо отъ възраста блаженная Ольга искаше мудростью все въ свѣтѣ семъ, налѣзе бисеръ многоцѣненъ, еже есть Христось. Рече бо Соломанъ: желанье благовѣрныхъ наслаждаетъ душу; и приложиши сердце твое в разумъ; азъ любящая мя люблю, и ищюции мене обрящють мя. Господь рече: приходящаго ко мнѣ не изжену вонъ. Си же Ольга приде Киеву, и присла къ ней царь Гречьскій, глаголя: „яко много дарихъ ты; ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возъвращюся в Русь, многи дары прислюти: челядь, воскъ и скъру, и вои в помощь“. Отвѣщавши Ольга, и рече къ слову: „аще ты“, рьци, „такоже постоиши у мене в Почайнѣ, якоже азъ в Суду, то тогда ти дамъ“; и отпусти слы съ рекъши. Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашеть и мати креститися, и не брежаше того ни во уши приимати; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуса тому. Невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродство есть; не смыслиша бо, ни разумѣша во тьмѣ ходящии, и не вѣдять славы Господня, одебелѣша бо сердца ихъ, ушима тяжько слышати, а очима видѣти. Рече бо Соломанъ: дѣла нечестивыхъ далече отъ разума; понеже звахъ вы и не послушасте мене, прострохъ словеса, и не внимасте, но отметасте моя свѣты, моихъ же обличений не внимасте; възненавидѣша бо премудрость, а страха Господня не изволиша, ни хотяху моихъ внимати свѣтъ, подражаху же мои обличенья. Якоже бо Ольга часто глаголашеть: „азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь“. Онъ же не внимаше того, глаголя: „како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? а дружина моя сему смѣяться начнутъ“. Она же рече ему: „аще ты крестишися, вси имуть тоже створити“. Онъ же не послушаматере, творяше норовы поганьскія, не вѣдый, аще кто матере не послушаетъ, въ бѣду впадаетъ; якоже рече: аще

кто отца, ли матери не послушаетъ, то смерть приметъ. Се же кътому гнѣвашеся на мать. Соломанъ бо рече: кажай злыя приемлетъ собѣ досаженъе, обличаяй нечестиваго поречеть себе; обличенья бо нечестивымъ мозолие суть; не обличай злыхъ, да не възненавидятъ тебе. Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, рѣкущи: „воля Божья да будетъ; аще Богъ хоцетъ помиловати рода моего и землѣ Рускѣ, да възложитъ имъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ Богъ дарова“. И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся ноци и дни, кормящи сына своего до мужьства его и до возраста его.

956—964. Въ лѣто 6464 — 6472. Князю Святославу възрастьшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя аки пардусъ ¹⁾ войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котъла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядыше, ни шатра имяше, но подъкладъ поставъ и сѣдло в головахъ; такоже и прочии вои его вси бяху. И посылаше къ странамъ, глаголя: „хочю на вы ити“. И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: „кому дань даете?“ они же рѣша: „Козаромъ по щялягу отъ рала ²⁾ даемъ“.

965. Въ лѣто 6473. Иде Святославъ на Козары; слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася битися; и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлувѣжю взя. И Ясы побѣди и Касогы.

966. Въ лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи.

967. Въ лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бившемъся обоимъ, одолѣ Святославъ Болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеви, и сѣде, княжа ту в Переяславци, емля дань на Гръцѣхъ.

¹⁾ Пардусъ (пардос съ латинскимъ окончаніемъ us)—барсъ.

²⁾ Отъ каждой сохи.

968. Въ лѣто 6476. Придоша Печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бѣше Переяславци, и затворися Волга въ градѣ со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ. И оступиша Печенѣзи градъ в силѣ велицѣ, бещислено множество около града, и не бѣ лѣзѣ изъ града вылѣзти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людѣе голодомъ и водою. Собравшеся людѣе оная страны Днѣпра в лодьяхъ, обѣ оную страну стояху, и не бѣ лѣзѣ внити в Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. И вѣстужиша людѣе въ градѣ и рѣша: „нѣсть ли кого, иже бы моглъ на оную страну дойти и рещи имъ: аще не подступите заутра, предатися имамы Печенѣгомъ?“ И рече единъ отрокъ: „азъ преиду“; и рѣша: „иди“. Онъ же изиде изъ града с уздою, и ристаше сквозѣ Печенѣги, глаголя: „не видѣли коня никтоже?“ бѣ бо умѣя Печенѣжъски, и мняхуть и своего. И яко приближися к рѣцѣ, свергъ порты сунуся въ Днѣпръ, и побреде; видѣвше же Печенѣзи, устремишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видѣвше с оная страны, и прѣхаша в лодьи противу ему, и взяша и в лодью и привезоша и къ дружинѣ; и рече имъ: „аще не подступите заутра къ городу, предатися хотять людѣе Печенѣгомъ“. Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичъ: „подъступимъ заутра в лодьяхъ, и попадше княгиню и княжичѣ умчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ“. Яко бысть заутра, всѣдъше в лодьи противу свѣту и вѣструбиша вельми, и людѣе въ градѣ кликнуша; Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разнѣ отъ града; и изиде Ольга со унуки и с людми к лодьямъ. Видѣвъ же се князь Печенѣжъскій, вѣзратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю и рече: „кто се приде?“ и рече ему: „людѣе оная страны“. И рече князь Печенѣжъскій: „а ты князь ли еси?“ онъ же рече: „азъ есмь мужъ его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ¹⁾, и по мнѣ идетъ полкъ со княземъ,

¹⁾ Въ сторожевомъ отрядѣ, авангардѣ.

безъ числа множество“; се же рече, грозя имъ. Рече же князь Печенѣжскій къ Прѣтичю: „буди ми другъ“; онъ же рече: „такъ створю“. И подаста руку межю собою, и въдасть Печенѣжскій князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечъ. И отступиша Печенѣзи отъ града, и не бяше лъзѣ коня напоити: на Лыбеди Печенѣзи. И послаша Кияне къ Святославу, глаголюще: „ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ, малы бо насъ не взяша Печенѣзи, и мать твою и дѣти твои; аще не поидеши, ни обратиши насъ, да паки ны возмутъ, аще ти не жаль отчины своя, ни матере стары суща, и дѣтий своихъ“. То слышавъ Святославъ вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова мать свою и дѣти своя, и съжалися о бывшемъ отъ Печенѣгъ; и собра вои, и прогна Печенѣги в поли, и бысть миръ.

868. Въ лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: „нелюбо ми есть въ Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середѣ земли моеи, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угорь сребро и комони, изъ Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь“. Рече ему Волга: „видиши мя болну сущю; камо хощеши отъ мене ити? бѣ бо разболѣлася уже;“ рече же ему: „погребъ мя, иди яможе хощеши“. По трехъ днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея и людье вси плачемъ великомъ, и несоша и погребоша ю на мѣстѣ; и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имущи презвутерь¹⁾, сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущия²⁾ крестьянъстѣй³⁾ земли аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо съяше аки луна в ноци, тако и си в невѣрныхъ челоуѣцѣхъ свѣтящеса

¹⁾ Вм. пресвитеръ, священникъ.

²⁾ Предтеча, предвѣстникъ.

³⁾ Вм. христіанской, согласно древне-русскому произношенію.

аки бисеръ въ калѣ; калъни бо бѣша грѣхомъ, неомовени крещеньемъ святымъ. Си бо омыся купѣлью святою, и совлечеса грѣховныя одежа ветхаго чловѣка Адама, и въ новый Адамъ облечеса, еже есть Христось. Мы же рцемъ к ней: радуйся, Руской земли познанье, къ Богу начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное отъ Руси, сію бо хвалятъ Рустие сынове, аки начальницу; ибо по смерти моляше Бога за Русь. Праведныхъ бо душа не умирають: якоже рече Соломанъ похваляему праведному възвеселятся людье, безсмертье бо есть память его, яко отъ Бога познавается и отъ чловѣкъ. Се бо вси чловѣци прославляютъ, видяще лежащю в тѣлѣ на многа лѣта; рече бо Пророкъ: прославляющая мя прославлю. О сяковыхъ бо Давидъ глаголаше: в память вѣчную праведникъ будетъ, отъ слуха зла не убоится; готово сердце его уповати на Господа, утвердися сердце его и не подвижется. Соломанъ бо рече: праведници вѣвѣки живутъ, и отъ Господа мзда имъ есть и строенье отъ Вышняго; сего ради примуть царствие красотѣ и вѣнецъ добротѣ отъ руки Господня, яко десницею покрыеть я и мышцею защититъ я. Защитиль бо есть сію блажену Вольгу отъ противника и супостата дьявола.

970. Въ лѣто 6478. Святославъ посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в Деревѣхъ. В се же время придоша людье Ноугородьстїи, просяще князя собѣ: „аще не поидете к намъ, то палѣземъ князя собѣ;“ и рече к нимъ Святославъ: „абы пошелъ кто к вамъ“. И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ; и рече Добрыня: „просите Володимера¹⁾.“ Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрыни, отецъ же бѣ има Малкъ Любечанинъ, и бѣ Добрына уй Володимеру. И рѣша Ноугородьци Святославу: „вѣдай ны Володимера“; онъ же рече имъ: „вотъ вы есть“. И пояша Ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимеръ съ Добрынею уемъ своимъ Ноугороду, а Святославъ Переяславьцю.

¹⁾ Вм. Владиміръ, по древне-русскому произношенію.

971. Въ лѣто 6479. Приде Святославъ в Переяславецъ, и затворишася Болгаре въ градѣ. И излѣзоша Болгаре на сѣчу противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одоляху Болъгаре; и рече Святославъ во емъ своимъ: „уже намъ сдѣ пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!“ И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ Грекомъ глаголя: „хочю на вы ити, и взяти градъ вашъ, яко и сей“. И рѣша Гръци: „мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны сколько васъ, да вдамы по числу на главы“. Се же рѣша Гръци, лѣстяче подъ Русью; суть бо Греци лѣтвивы и до сего дни. И рече имъ Святославъ: „есть насъ 20 тысящъ“, и прирече 10 тысящъ, бѣ бо Руси 10 тысящъ толко. И пристроиша Гръци 100 тысящъ на Святослава, и не даша дани; и поиде Святославъ на Греки, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася зѣло множьства вой, и рече Святославъ: „уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посраимъ землѣ Рускѣ, но ляжемъ костьюми ту, мертвые бо срама не имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою“; и рѣша вой: „идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ“. И исполчшася Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша Гръци; и поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоятъ и до днешняго дне пусты. И созва царь боляре своя в полату, и рече имъ: „что створимъ, яко не можемъ противу ему стати?“ И рѣша ему боляре: „посли к нему дары, искусимъ и, любьзливъ ли есть злату, ли паволокамъ?“ И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, рѣша ему: „глядай взора, и лица его, и смысла его;“ онъ же вземъ дары, приде къ Святославу. И повѣдаша Святославу, яко придоша Гръци с поклономъ, и рече: „въведѣте я сѣмо“. Придоша и поклоншася ему, и положиша предъ нимъ злато и паволоки; и рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: „схороните“.

Они же придоша ко царю, и созва царь боляры, рѣша же послании: „яко придохомъ к нему и вдахомъ дары, и не възрѣ на ня, а повелѣ схоронити“. И рече единъ: „искуси и еще, послѣ ему оружье“. Они же послушаша его, и послаша ему мечъ и ино оружье, и принесоша ему: онъ же примѣ, нача хвалити и любити, и цѣловати царя. Придоша опять ко царю, и повѣдаша ему вся бывшая, и рѣша боляре: „лютъ се мужъ хоцетъ быти, яко имѣнья не брежетъ, а оружье емлетъ; имися по дань“. И посла царь, глаголя сиче: „не ходи къ граду, возми дань, еже хоцещи“, за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убьенныя, глаголя: „яко родъ его возметъ“. Взѣ же и дары многы, и възратися в Переяславецъ с похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своея, рече в собѣ: „еда како прельстивше изъбьютъ дружину мою и мене“, бѣша бо многи погibli на полку; и рече: „пойду в Русь, приведу болѣ дружины“. И посла слы ко цареви въ Деревъстрѣ¹⁾, бо бѣ ту царь, рѣка сиче: „хоцу имѣти миръ с тобою твердъ и любовь“. Се же слышавъ царь, радъ бысть и посла къ нему дары больша первыхъ. Святославъ же прия дары и поча думати съ дружиною своею, рѣка сиче: „аще не створимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступятъ ны въ градъ; а Руска земля далека, а Печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможетъ? но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди довольно намъ; аще ли почнетъ не управляти дани, да изнова изъ Руси, совкупивше вои множайша, поидемъ Царюгороду“. Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко цареви; и придоша въ Деревъстрѣ, и повѣдаша цареви. Царь же наутрия призва я, и рече царь: „да глаголють сли Рустіи“. Они же рѣша: „такъ глаголетъ князь нашъ: хоцю имѣти любовь со царемъ Гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта“. Царь же радъ бысть и повелѣ писцю пи-

¹⁾ Нынѣшняя Силистрія.

сати вся рѣчи Святославѣ на харатью; нача глаголати соль
вся рѣчи, и нача писецъ писати. Глагола сице:

Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ вели-
цѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣналдѣ, писано при Фефелѣ
Синкелѣ и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскію, царю Гречь-
скому, въ Дерестрѣ, мѣсяца іюля, индикта въ 14, въ лѣто
6479. Азъ Святославъ князь Рускій, якоже кляхъся, и
утвержаю на свѣщаньѣ семъ роту свою: хочю имѣти миръ
и свершену любовь со всякимъ великимъ царемъ Гречьскимъ,
съ Васильемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновенными цари,
и со всѣми людьми вашими, и иже суть подо мною Русь,
боляре и прочии, до конца вѣка. Яко николиже помышлю на
страну вашу ни собираю вой, ни языка иного приведу на
страну вашу и елико есть подъ властью Гречьскою, ни на
власть Корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на стра-
ну Болгарьску; да аще ивъ кто помыслить на страну вашу,
да и азъ буду противенъ ему и борюся съ нимъ. Якоже
кляхъся ко царемъ Гречьскимъ, и со мною боляре и Русь
вся, да схранимъ правая свѣщанья; аще ли отъ тѣхъ са-
мѣхъ прежереченыхъ не съхранимъ, азъ же и со мною и
подо мною, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ него же вѣ-
руемъ, в Перуна и въ Волоса скотья бога, и да будемъ
золоти яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ.
Се же имѣйте во истину, якоже створихомъ нынѣ къ вамъ,
и написахомъ на харатьи сей и своими печатями запечата-
хомъ“.

Створивъ же миръ Святославъ съ Греки, поиде в лодь-
яхъ къ порогомъ, и рече ему воевода отень Свѣналдъ:
„поиди, княже, на конихъ около, стоятъ бо Печенѣзи в
порозѣхъ“. И не послуша его, и поиде в лодьяхъ, и посла-
ша Переяславци къ Печенѣгомъ, глаголюще: „се идетъ вы
Святославъ в Русь, возьмъ имѣнье много у Грекъ и полонъ
безчисленъ, съ маломъ дружины“. Слышавше же се Пече-
низѣ, заступиша пороги; и приде Святославъ къ порогомъ,
и не бѣ льзѣ пройти порогъ; и ста зимовати в Бѣлобе-

режьи¹⁾, и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту. Веснѣ же приспѣвъши,

972. в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги, и нападе на пь Куря, князь Печенѣжскій, и убиша Святослава, и взяша главу его и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пяху изъ него. Свѣналдъ же приде Кіеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святослава лѣтъ 20 и 8.

973. Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ.

974—975. Въ лѣто 6482. Въ лѣто 6483. Ловъ дѣющю Свѣналдичю, именемъ Лютъ, ишедъ бо ис Кіева гна по звѣри в лѣсѣ; и узрѣ и Олегъ, и рече: „кто се есть?“ И рѣша ему: „Свѣналдичъ“, и заѣхавъ уби и, бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о томъ бысть межи ими ненависть Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: „поиди на братъ свой и прими волость его“, хотя отмѣстити сыну своему.

976—977. Въ лѣто 6484. Въ лѣто 6485. Поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю, и изиде противу его Олегъ, и ополчистася; ратившемася полкома, побѣди Ярополкъ Ольга. Побѣгъшю же Ольгу с вой своими въ градъ, рекомый Вручий, баше черезъ гроблю мостъ ко вратомъ граднымъ, тѣсвятеса другъ друга пихаху въ гроблю; и спехнуша Ольга с мосту в дебрь, падаху людье мнози, и удавиша кони челоуѣци. И въшедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его и посла искать брата своего; и искавъше его не обрѣтоша; и рече единъ Деревлянинъ: „азъ видѣхъ, яко вчера спехнуша с мосту“. И посла Ярополкъ искать брата, и влачиша трунье изъ гробли отъ утра и до полудне, и налѣзоша и Ольга высподи трунья, вынесоша и, и положиша и на коврѣ. И приде Ярополкъ, надъ немъ плакася, и рече Свѣналду: „вижъ, сего ты еси хотѣлъ?“ И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего, и есть могила его и до сего дне у Вручего. И прія власть его Ярополкъ. У Ярополка же жена

¹⁾ При устьѣ Днѣпра.

Грекини бѣ, и бѣше была черницею; бѣ бо привелъ ю отецъ его Святославъ, и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея. Слышавъ же се Володимѣрь в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море; а Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси.

978—980. Въ лѣто 6486. Въ лѣто 6487. Въ лѣто 6488. Приде Володимѣрь съ Варяги Ноугороду, и рече посадникомъ Ярополчимъ: „идѣте къ брату моему и рцѣте ему: Володимѣрь ти идетъ на тя, пристраивайся противу битъся“. И сѣде в Новѣгородѣ, и посла ко Рогъволоду Полотъску, глаголя: „хочу пояти дщерь твою собѣ женѣ“. Онъ же рече дщери своей: „хочеша ли за Володимера?“ она же рече: „не хочу розути робичича, но Ярополка хочю“. Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою в Полотъскѣ, а Туры Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволождѣ, князя Полотъскаго; Володимѣрь же собра вои многи, Варяги и Словѣни, Чюдь и Кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотяху Рогънѣдѣ вести за Ярополка; и приде Володимѣрь на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два и дѣчерь его поя женѣ, и поиде на Ярополка. И приде Володимѣрь Киеву съ вои многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевѣ с людьми своими и съ Блудомъ; и стояше Володимѣрь обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне. Володимѣрь же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: „попріай ми, аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешъ отъ мене; не язъ бо почаль братью бити, но онъ; азъ же того убоявъся придохъ на нь“. И рече Блудъ къ посломъ Володимеремъ: „азъ буду тобѣ в сердце и въ пріязньство“. О злая лестъ чловѣческа! Якоже Давыдъ глаголетъ: ядый хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лестъ. Се бо лукавствоваше на князя своего лестью. И паки: языки своими лстя-

хуся; суди имъ, Боже, да отпадутъ отъ мыслей своихъ, по множеству нечестья ихъ изрини а, яко прогнѣваша тя, Господи. И паки той же рече Давыдъ: мужъ въ крови льстивъ не припловить дний своихъ. Се есть совѣтъ золъ, иже свѣщеваютъ на кровопролитье; то суть неистовии, иже приемше отъ князя или отъ господина своего честь ли дары, ти мыслятъ о главѣ князя своего на погубленье, горьше суть бѣсовъ таковии: якоже Блудъ преда князя своего, и примъ отъ него чѣти многи, се бо бысть повиненъ крови той. Се бо Блудъ затворися съ Ярополкомъ, льстя ему, слаше къ Володимеру часто, веля ему пристряпати къ граду бранью, а самъ мысля убити Ярополка; гражаны же не бѣ лъзѣ убити его: Блудъ же не възмогъ, како бы погубити и, замысли лестью, веля ему ни излазити на брань изъ града; рече же Блудъ Ярополку: „Кияне слются къ Володимеру, глаголюще: „приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка; побѣгни за градъ.“ И послуша его Ярополкъ, и избѣгъ предъ нимъ затворися въ градѣ Родни на усть Рси рѣки, а Володимеръ вниде в Киевъ и осѣде Ярополка в Роднѣ, и бѣ гладъ великъ в немъ, и есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блудъ Ярополку: „видиши, колько вой у брата твоего? нама ихъ не перебороти; твори миръ съ братомъ своимъ“; льстя подъ нимъ се рече. И рече Ярополкъ: „такъ буди“. И посла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя: „яко сбысться мысль твоя, яко приведу къ тобѣ Ярополка, и пристрой убити и“. Володимеръ же то слышавъ, въшедъ въ дворъ теремный отень, о немъ же преже сказахомъ, сѣде ту с вой и съ дружиною своею; и рече Блудъ Ярополку: „пойди къ брату своему и рчи ему: что ми ни вдаси, то язъ приму“. Поиде же Ярополкъ, и рече ему Варяжко: „не ходи, княже, убьютъ тя; побѣгни в Печенѣги и приведеша вой“; и не послуша его. И приде Ярополкъ къ Володимеру; яко полѣзе въ двери, и подъяста и два Варяга мечьми подъ пазусѣ, Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ; и тако убьенъ бысть Ярополкъ. Варяшко же видѣвъ, яко

убьенъ бысть Ярополкъ, бѣжа съ двора в Печенѣги, и много воева Володимера с Печенѣгы, одва приваби и, заходивъ к нему ротѣ.... Посемь рѣша Варязи Володимеру: „се градъ нашъ; мы прияхомъ и да хотимъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ челоуѣка“. И рече имъ Володимеръ: „пождѣте, да же вы куны сберуть, за мѣсяць“. И ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша Варязи: „сольстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Греки“; онъ же рече имъ: „идѣте“. И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла предъ ними слы, глаголя сице царю: „се идуть к тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а сѣмо не пуцай ни единого“. И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дѣщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю требами своими, и осквернися кровьюми земля Руска и холмо-тъ. Но преблагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церки стоитъ, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ. Мы же на преднее възратимся. Володимеръ же посади Добрыну уя своего в Новѣгородѣ; и пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье Ноугородьстїи аки Богу.

981. Въ лѣто 6489. Иде Володимеръ к Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью. В семъ же лѣтѣ и Вятичи побѣди, и възложи на ня дань отъ плуга, якоже и отецъ его имаше.

982. Въ лѣто 6490. Заратшася Вятичи, и иде на ня Володимеръ, и побѣди я второе.

983. Въ лѣто 6491. Иде Володимеръ на Ятвягы, и побѣди Ятвягы, и взя землю ихъ. И иде Киеву, и творяше требу кумиромъ с людми своими; и рѣша старци и боляре: „ме-

чемъ жребий на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ.“ Бяше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идѣже есть церкви Святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ: бѣ же Варягъ той пришелъ изъ Грекъ, и держаше вѣру хрестеянскую, и бѣ у него сынъ красенъ лицомъ и душею; на сего паде жребий по зависти дьяволи. Не терпяшетъ бо дьяволъ, власть имы надо всѣми, и сей бяшетъ ему аки тернъ въ сердци, и тыщашеся потребити оканьный и наusti люди. И рѣша пришедше послании к нему: „яко паде жребий на сынъ твой, изволиша бо ѿ бози собѣ; да створимъ потребу богомъ.“ И рече Варягъ: „не суть то бози, но древо; днесъ есть, а утро изъгнеетъ; не ядятъ бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть дѣлани руками в деревѣ; а Богъ есть единъ, ему же служатъ Гръци и кланяются, иже створилъ небо и землю, и звѣзды, и луну, и солнце и человекъ, и даль есть ему жити на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть; не дамъ сына своего бѣсомъ.“ Они же шедше повѣдаша людемъ; они же вземше оружье, поидоша на нь и розъяша дворъ около его, онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: „вдай сына своего, да вдамы богомъ его.“ Онъ же рече: „аще суть бози, то единого себе послють бога, да имуть сынъ мой; а вы чему претребуете?“ И кликнуша, и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побивша я, и не свѣсть никто же, гдѣ положиша я. Бяху бо тогда человекъ невѣголоси и погани. Дьяволъ радовашеся сему, не вѣдый, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо тыщашеся погубити родъ хрестеянскый, но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и въ инѣхъ странахъ; сде же мняшеся оканьный: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли, не вѣдый пророка глаголюща: и нареку не люди моя люди моя; о апостолѣхъ бо рече: во всю землю изидоша вѣщанья ихъ, и в конецъ вселенныя глаголи ихъ. Аще и тѣломъ апостоли не суть сдѣ были, но ученья ихъ аки трубы гласятъ по вселенѣи в церквахъ, ихъ же ученьемъ побѣждаемъ противнаго врага, попирающе

подъ нози, якоже попраста и си отечъника, приимша вѣнецъ небесный съ святыми мученики и праведники.

984. Въ лѣто 6492. Иде Володимерь на Радимичи. Бѣ у него воевода Волъчий Хвостъ, и посла и Володимерь передъ собою, Волъчья Хвоста; сѣрѣте я на рѣцѣ Пищанѣ и побѣди Радимичѣ Волъчий Хвостъ; тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: Пищаньци волъчья хвоста бѣгають. Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ; прешедъше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне.

985. Въ лѣто 6493. Иде Володимерь на Болгары съ Добрынею съ уемъ своимъ, в лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на конихъ; и побѣди Болгары. Рече Добрына Володимеру: „сѣгдахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ“. И створи миръ Володимерь съ Болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша Болгаре: „толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонуть“. И приде Володимерь Киеву.

986. Въ лѣто 6494. Придоша Болъгары вѣры Бохъмичѣ¹⁾, глаголюще: „яко ты князь еси мудръ и смыслень, не вѣси закона; но вѣруй въ законъ нашъ и поклонися Бохъмиту“. И рече Володимерь: „како есть вѣра ваша?“ Они же рѣша: „вѣруемъ Богу, а Бохмитъ ны учитъ, глаголя:... свинины не ясти, вина не пити, а по смерти... дасть Бохмитъ комуждо по семидесять женъ красныхъ, исбереть едину красну, и всѣхъ красоту възложить на едину, та будетъ ему жена...; на семь свѣтѣ аще будетъ кто убогъ, то и тамъ;“ и ина многа леств, еяже нѣ лзѣ псати срама ради. Володимерь же слушаше ихъ... сладко; но се ему бѣ нелюбо... о неяденъи мясъ свинныхъ, а о питьи отнудъ, рька: „Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти“. Потомъ же придоша Нѣмьци, глаголюще: „придохомъ послании отъ папежа“; и рѣша ему:

¹⁾ Бохмитъ—Магометъ; отсюда Бохъмичѣ—магометанское племя болгарь.

„реклъ ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся Богу, иже створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть“. Володимеръ же рече: „кака заповѣдь ваша?“ Они же рѣша: „пощенье по силѣ; аще кто пьетъ или ясть, то все въ славу Божью, рече учитель нашъ Павелъ“. Рече же Володимеръ Нѣмцемъ: „идѣте опять, яко отци наши сего не прияли суть“. Се слышавше Жидове Козарьстии придоша, рекуще: „слышахомъ, яко приходиша Болгаре и Хрестеяне, учаще тя ктоже вѣрѣ своей; Хрестеяне бо вѣрують, его же мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу Аврамову, Исакову, Яковлю“. И рече Володимеръ: „что есть законъ вашъ?“ Они же рѣша: „обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, субботу хранити“. Онъ же рече: „то гдѣ есть земля ваша?“ Они же рѣша: „въ Ерусалимѣ“. Онъ же рече: „то тамо ли есть?“ Они же рѣша: „разъгнѣвася Богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша Хрестеяномъ“. Онъ же рече: „то како вы инѣхъ учите, а сами отвержени отъ Бога и расточени? аще бо Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ; еда намъ тоже мыслите пріяти“. Посемъ же прислаша Гръци къ Володимеру философа, глаголюще сиче: „слышахомъ, яко приходили суть Болгаре, учаще тя пріяти вѣру свою, ихъ же вѣра оскверняетъ небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ челоуѣкъ, уподоблешеся Содому и Гомору, на не же пусти Господь каменье горюще, и потоци я, и погрязоша; яко и сихъ ожидаетъ день погибели ихъ, егда придетъ Богъ судить земли и погубити вся творящая безаконья и скверны дѣющія... Слышахомъ же и се, яко приходиша отъ Рима поучить васъ к вѣрѣ своей, ихъ же вѣра маломъ съ нами развращена, служатъ бо опрѣсноки, рекше оплатки, ихъ же Богъ не преда, но повелѣ хлѣбомъ служити; и преда апостоломъ, пріемъ хлѣбъ рекъ: се есть тѣло мое, ломимое за вы; такоже и чашю пріемъ, рече: се есть кровь моя новаго за-

вѣта; си же того не творять, суть не исправили вѣры“. Рече же Володимеръ: „придоша ко мнѣ Жидове, глаголюще: яко Нѣмци и Гръци вѣрують, его же мы распяхомъ“. Философъ же рече: „въистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорѣцаху, яко Богу родитися, а друзии—распяту быти и погребену, а въ 3-й день воскреснути и на небеса взити; они же тии пророки избиваху, другія претираху. Егда же сбытсѣ прореченье сихъ, съниде на землю, и распяте прия, и възкресъ на небеса взиде, на сихъ же ожидаше покаянья за 40 и за 6 лѣтъ, и не покаяшася, и посла на ня Римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ, и работаютъ въ странахъ“. Рече же Володимеръ: „то что ради сниде Богъ на землю, и страсть такову прия?“ Отвѣщавъ же философъ, рече: „аще хочещи послушати, да скажу ти из начала, чьсо ради сниде Богъ на землю“. Володимеръ же рече: „послушаю радъ“. И нача философъ глаголати сиче:

„Въ начало створи Богъ небо и землю въ первый день“ и проч. (Слѣдуетъ изложеніе Священной исторіи Вѣтхаго За-вѣта и жизни Спасителя). И се рекъ, показа Володимеру за-пону, на ней же бѣ написано судище Господне, показываше ему одесну праведныя в весельи предъидуща в рай, а ошююю грѣшники идуща в муку. Володимеръ же вздохнувъ рече: „добро симъ одесную, горе же симъ ошююю“. Онъ же рече: „аще хочещи одесную съ праведными стати, то крестися“. Володимеръ же положи на сердци своемъ, рекъ: „пожду и еще мало“, хотя испытати о всѣхъ вѣрахъ. Володимеръ же сему дары многи вдавъ, отпусти и с честью великою.

987. Въ лѣто 6495. Созва Володимеръ боляры своя и старци градскіѣ¹⁾, и рече имъ: „се приходиша ко мнѣ Болгаре, рькуще: приими законъ нашъ; посемъ же приходиша Нѣмци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣже придоша Гръци, хуляще вси законы, свой же хва-

¹⁾ Старѣйшіе въ городѣ.

ляще, и многа глаголаша сказующе отъ начала миру, о бытїи всего мира; суть же хитро сказующе, и чюдно слышати ихъ, любо комуждо слышати ихъ, и другїи свѣтъ¹⁾ повѣдаютъ быти: да аще кто, дѣеть²⁾, в нашу вѣру ступитъ, то паки, умеръ, встанеть, и не умрети ему ввѣки; аще ли во инъ законъ ступитъ, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте? что отвѣщаете?“ И рѣша бояре и старци: „вѣси, княже, яко своего никтоже не хулить, но хвалить; аще хоцещи испытати гораздо, то имаши у себе мужи: по-славъ испытай кождо ихъ службу, и кто како служить Богу“. И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены, числомъ 10, и рѣша имъ: „идѣте первое в Болгары, и испытайте вѣру ихъ“. Они же идоша, и пришедше видѣша сквернѣная дѣла и кланянье въ ропати; придоша в землю свою. И рече имъ Володимеръ: „идѣте паки в Нѣмци, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣте въ Греки“. Они же придоша в Нѣмци, и съглядавшѣ церковную службу ихъ, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю; царь же испыта, коея ради вины придоша; они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ въ той же день. Наутрїя посла къ патрарху, глаголя сїце: „придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилосъ, и самъ причинися въ святительскїя ризы, да видятъ славу Бога нашего“. Си слышавъ патрархъ³⁾, повелѣ создати крилосъ⁴⁾, по обычаю створиша праздникъ, и кадила возжгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я на пространнѣ мѣстѣ, показующе красоту церковную, пѣнья и службы архїерѣйски, престоанье дьяконъ, сказующе имъ служенье Бога своего; они же во изумѣньи бывше, удивившеся, похвалиша службу ихъ. И призваша я царя Василий и

¹⁾ Будущая жизнь.

²⁾ Дѣеть, рече—моль, де.

³⁾ Вм. патріархъ, согласно народному произношенію.

⁴⁾ Вм. клиросъ, вслѣдствїе перестановки звуковъ.

Костянтинъ, рѣста имъ: „идѣте въ землю вашу“, и отпустиша я с дары велики и съ честию. Они же придоша в землю свою, и созва князь боляры своя и старца, рече Володимерь: „се придоша послании нами мужи, да слышамъ отъ нихъ бывшее“, и рече: „скажете предъ дружиною“. Они же рѣша: „яко ходихомъ въ Болгары, смотрихомъ, како ся поклоняють въ храмѣ, рекше въ ропати, стояще безъ пояса; поклонився сядеть, и глядитъ сѣмо и онамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добръ законъ ихъ. И придохомъ в Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоя же. И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идѣже служатъ Богу своему, и не свѣмы¹⁾, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида, ли красоты така, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онѣдѣ Богъ с челоуѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо челоуѣкъ аще вкусить сладка, послѣди горести не принимаетъ, тако и мы не имамы сде быти“. Отвѣщавше же боляре рекоша: „аще бы лихъ законъ Гречьский, то не бы баба твоя прияла Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ челоуѣкъ“. Отвѣщавъ же Володимерь, рече: „гдѣ крещенье приимемъ?“ Они же рекоша: „гдѣ ти любо“. И минувшю лѣту,

988. въ лѣто 6496, иде Володимерь съ вои на Корсунъ, градъ Гречьский, и затворишася Корсуняне в градѣ; и ста Володимерь обѣ онѣ полъ города в лимени, дали града стрѣлище едино, и боряхуся крѣпко изъ града, Володимерь же обьстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимерь къ гражаномъ: „аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта“. Они же не послушаша того. Володимерь же изряди воа своа; и повелѣ приспу сыпати къ граду. Симъ же спущимъ, Корсуняне, подъкопавше стѣну градскую, крадуще сыплемую перьсть, и ношаху к собѣ въ градъ, сыплюще

¹⁾ Не знаемъ.

посредѣ града; воины же присыпаху болѣ, а Володимеръ стояше. И се мужъ Корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, напсавъ сице на стрѣлѣ: „кладязи, яже суть за тобою отъ вѣстока, изъ того вода идетъ по трубѣ, копавъ переими“. Володимеръ же се слышавъ, възрѣвъ на небо, рече: „аще се ся сбудеть, и самъ ся крещю“. И ту абѣ повелѣ копати преки трубамъ, и преяша воду; людѣ изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ градъ и дружина его, и посла Володимеръ ко царема Василью и Костянтину, глаголя сице: „се градъ ваю славный взяхъ; слышу же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створихъ“. И слышаста царя, быста печальна, и въздаста вѣсть, сице глаголюща: „не до- стоить хрестеяномъ за поганья даяти; аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное примеши, и с нами единовѣрникъ будеши; аще ли сего не хочеши створити, не можемъ дати сестры своее за тя“. Си слышавъ Володимеръ, рече посланымъ отъ царю: „глаголите царема тако: яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашъ, и есть ми любя вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи“. И си слышавша царя рада быста, и умолиста сестру свою, имянемъ Аньну, и посласта къ Володимеру, глаголюща: „крестися и тогда послевѣ сестру свою к тобѣ“. Рече же Володимеръ: „да пришедъше съ сестрою ва- шею крестятъ мя“. И послушаста царя и посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры; она же не хотяше ити: „яко въ полонѣ“, рече, „иду, луче бы ми сде умрети“. И рѣста ей брата: „еда како обратить Богъ тобою Рускую землю в покаянье, а Гречьскую землю избавишь отъ лютыя рати; видиши ли, колько зла створиша Русь Грекомъ? и нынѣ аще не идеши, тоже имуть створити намъ“; и одва ю принуди- ша. Она же сѣдъши в кубару, цѣловавши ужики своя съ плачемъ, поиде чрезъ море; и приде къ Корсуню, и изидоша Корсуняне с поклономъ, и въведоша ю въ градъ, и поса- диша ю въ полатѣ. По Божью же устрою въ се время раз-

болѣся Володимеръ очима и не видяше ничтоже, и тужаше велми и не домышляшеться, что створити; и посла къ нему царица, рекущи: „аще хоцещи избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли ни, то не имаши избыти недуга сего“. Си слышавъ Володимеръ, рече: „да аще истина будеть, то поистинѣ великъ Богъ будеть хрестеянескъ“; и повелѣ креститися. Епископъ же Корсуньскій с попы царицины, огласивъ, крести Володимера; яко възложи руку на нь, абѣ прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное ицѣленье, и прослави Бога, рекъ: „топерво увѣдѣхъ Бога истинаго“. Се же видѣвше дружина его, мнози крестипаша. Крести же ся в церкви святаго Василья, и есть церкви та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкви стоитъ и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ. По крещеньи же приведе царицю на браченъе. Се же не свѣдуше право, глаголють, яко крестился есть в Киевѣ; инии же рѣша: въ Василеве; друзии же инако скажутъ. Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру хрестеяньску, рекуще сиче: „да не прельстятъ тебе нѣции отъ еретикъ, но вѣруй, сиче глаголя:

„Вѣрую во единого Бога Отца Вседержителя Творца небу и земли. (Слѣдуетъ изложеніе исповѣданія православной вѣры).

Володимеръ же посемъ¹⁾ поемъ царицю, и Настаса, и попы Корсуньски, съ мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя и иконы на благословенъе себѣ. Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, идѣже съсыпаша средѣ града, крадуше, приспу, яже церкви стоитъ и до сего дне. Взя же ида мѣдянѣ двѣ капици²⁾ и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею; якоже невѣдуше мнать я мрамаряны³⁾ суца. Вдасть же за вѣно⁴⁾

1) Послѣ сего.

2) Отъ капь—изображеніе: статуи.

3) Мраморныя.

4) Вмѣсто вѣна, т. е. платы за невѣсту.

Грекомъ Корсунъ опять царицѣ дѣля, а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испровреши, овы иѣщи, а другія огневи предати: Перуна же повелѣ привязати коневѣ къ хвосту, и влещи с горы по Боричеву на Ручай¹⁾, 12 мужа²⁾ пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чююще, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше смь образомъ челоуѣкы, да възмездье приметъ отъ челоуѣкѣ. Велій еси, Господи, чудная дѣла твоя! вчера чтимъ отъ челоуѣкѣ, а днесъ поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: „аще кде пристанеть вы, отрѣвайте его отъ берега, дондеже пороги проидеть; то тогда охабитесь его“. Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и, проиде сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу³⁾ Перуня Рѣнь⁴⁾, якоже и до сего дне словоеть. Посемъ же Володимеръ посла по всему граду глаголя: „аще не обрящеться кто завтра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ“. Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли“. Наутрия же изиде Володимеръ с попы царицины и с Корсуньскими на Днѣпръ, и спидеся безъ числа людий: влѣзоша в воду и стояху овы до шие, а друзии до персий, младенци же по перси отъ берега, друзии же младенци держаще, свершеви же бродяху⁵⁾, попове же стояще молитвы творяху. И баше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ; а дьяволя стена глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья

¹⁾ Ручей Почайна, впадающій въ Днѣпръ.

²⁾ Здѣсь въ Л. рукописи начинается другой почеркъ. (*Примѣч. Археогр. Ком.*).

³⁾ Прослыла.

⁴⁾ Перуна Рѣнь — урочище на Днѣпрѣ, песчаная полоса.

⁵⁾ Т. е. стоя въ бродѣ.

апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣ-игласа сего, а не отъ апостоль, ни отъ мученикъ, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ. Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо в дома своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и люде его, възрѣвъ на небо рече: „Боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь имъ, Господи, увѣдѣти тебе, истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя; утверди и вѣру в нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его“. И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идѣже творяху потребности князь и люде; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенъе приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на учење книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвыхъ плакахуся. Симъ же раздаяномъ на учење книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: во оны днии услышатъ глушии словеса книжная, и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ....

989. Въ лѣто 6497. Посемъ же Володимеръ живяше въ законѣ хрестьяньстѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородица, и пославъ приведе мастера отъ Грекъ. И наченшю же здати, и яко сконча зижя, украси ю иконами, и поручи ю Настасу Корсунянину, и попы Корсуньскыя пристави служити в ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ в Корсуни: иконы, и съсуды, и кресты.

991. Въ лѣто 6499. Володимеръ заложилъ градъ Бѣльгородъ, и нарубилъ въ нь отъ инѣхъ городовъ, и много людей свеле въ оны; бѣ бо любя градъ съ.

992. Въ лѣто 6500. Иде Володимиръ на Хорваты Пришед-
шо бо ему с войны Хорватскыя, и се Печенѣзи придоша по
оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ,
и срѣте я на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль. И
ста Володимеръ на сей сторонѣ, а Печенѣзи на оной, и не
смаху си на ону страну, ни они на сю страну. И пріѣха
князь Печенѣжскый к рѣкѣ, возва Володимера и рече ему:
„выпусти ты свой мужъ, а я свой, да ся борета; да аще
твой мужъ ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта; аще
ли нашъ мужъ ударить, да воюемъ за три лѣта;“ и рази-
достася разно. Володимеръ же приде въ товары и посла
биричи по товаромъ, глаголя: „нѣту ли такого мужа, иже
бы ся ялъ с Печенѣжиномъ“? и не обрѣтеся никдѣже. За-
утра пріѣхаша Печенѣзи и свой мужъ приведоша, а у на-
шихъ не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всѣмъ
воемъ, и приде единъ старъ мужъ ко князю и рече ему:
„княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а с четырьми
есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтства бо его нѣсть кто
имъ ударилъ: единою бо ми и сварящю ¹⁾, и оному мьнущю
усние, разгнѣвавъся на мя, преторже череву руками.“ Князь
же се слышавъ радъ бысть, и посла по нь, и приведоша и
ко князю, и князь повѣда ему вся; сей же рече: „княже!
не вѣдѣ, могу ли со нь, и да искусятъ мя: нѣту ли быка
велика и силна?“ И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и по-
велѣ раздраждити быка; возложиша на нь желѣза горяча, и
быка пустиша, и побѣже быкъ мимо и, и похвати быка ру-
кою за бокъ, и выня кожу с мясы, елико ему рука зая ²⁾;
и рече ему Володимеръ: „можеша ся съ нимъ бороти.“ И
наутрия придоша Печенѣзи, почаша звати: „нѣ ли мужа? се
нашъ доспѣлъ.“ Володимеръ же повелѣ той ноци облещися
въ оружие, и приступиша ту обои. Выпустиша Печенѣзи мужъ
свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшень; и выступи мужъ

¹⁾ Когда однажды я его бранилъ.

²⁾ Захватила.

Володимерь, и узрѣ и Печенѣзинъ и посмѣяся, бѣ бо середний тѣломъ. И размѣривше межѣ обѣма полкома, пустиша я къ собѣ ¹⁾, и ястася, и почаствася крѣпко держати, и удави Печенѣзина в рукахъ до смерти и удари имъ о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по нихъ сѣкуще, и прогнаша я ²⁾. Володимерь же радъ бывъ, заложѣ городъ на бродѣ томъ и нарече и Переяславль, зане перя славу отроко-тъ. Володимерь же великимъ мужемъ створи того и отца его. Володимерь же възвратися въ Кшевѣ с побѣдою и съ славою великою.

994—996. Въ лѣто 6502. Въ лѣто 6503. Въ лѣто 6504. Володимерь видѣвъ церковь свершену, вшедъ в ню и помолися Богу, глаголя: „Господи Боже! призри съ небесе и вижь, и посѣти винограда своего, и сверши, яже насади десница твоя, новыя люди си, имъ же обратилъ еси сердце в разумъ, познати тебе Бога истинного, и призри на церковь твою си, юже создахъ недостойный рабъ твой, во имя рожьшая тя Матере Приснодѣвныя Богородица; аще кто помолитъся въ церкви сей, то услыши молитву его молитвы ради пречистыя Богородица.“ И помолившюся ему, рекъ сиче: „даю церкви сей святѣй Богородицы отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть.“ И положи написавъ клятву въ церкви сей, рекъ: „аще кто сего посудить, да будетъ проклятъ.“ И вдасть десятину Настасу Корсунянину, и створи праздникъ великъ въ тѣ день боляромъ и старцемъ градскимъ, и убогимъ раздая имѣнье много. По сихъ же придоша Печенѣзи къ Василеву, и Володимерь с малою дружиною изыде противу, и съступившимся, и не могъ стерпѣти противу, подбѣгъ ста подъ мостомъ, одва укрыся противныхъ; и тогда обѣщася Володимерь поставити церковь Васплевѣ святаго Преображенья, бѣ бо въ тѣ день Преображенье Гос-

¹⁾ Пустили ихъ другъ на друга.

²⁾ Преданіе о силачѣ Кожемякѣ, по имени Кириллѣ, доселѣ сохраняется между малоросами.

подне, егда си бысть сѣча. Избывъ же Володимеръ сего, постави церковь, и створи праздникъ великъ, варя 300 проварь меду, и съзываше боляры своя, и посадники, старѣишины по всѣмъ градомъ, и люди многы, и раздавая убогимъ 300 гривенъ. Праздновавъ князь дний 8, и възвращашеться Къеву на Успенье святыя Богородицы, и ту пакы сотворяше праздникъ великъ, сзывая безчисленное множество народа. Видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ, и тако по вся лѣта творяше. Бѣ бо любя словеса книжная; слыша бо единою Еуангелъе чтомо: блажени милостивии, яко ти помиловани будутъ; и пакы: продайте имѣнья вапа и дадите нищимъ; и пакы: не скрываете собѣ скровищъ на земли, идѣже тля тлеть и татѣ подкопываютъ, но скрываете собѣ скровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлеть, ни татѣ крадутъ. И Давыда глаголюща: блаженъ мужъ милуя и дая; Соломона же слыша глаголюща: вдавай нищему, Богу в заимъ даетъ, си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотъницъ кунами. Устрой же и се, рекъ: „яко немощнии и болнии не могутъ долѣзти двора моего;“ повелѣ пристроити кола, и въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овоць разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по городу, въпрашающимъ: „где болний и нищъ, не могы ходити?“ тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся недѣля, устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, и съцьскимъ, и десяцьскимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя; бываше множество отъ мясь, отъ скота и отъ звѣрины, баше по изобилью отъ всего. Егда же подѣцяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: „зло есть нашимъ головамъ, да намъ ясти деревяными лѣжцами, а не серебряными.“ Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ серебряны ясти дружинѣ, рекъ сице: „яко серебромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу серебро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой

доискася дружиною злата и сребра.“ Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ ¹⁾; и бѣ жива съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядскимъ, и съ Стефаномъ Угрскимъ, и съ Андрихомъ Чешскимъ, и бѣ миръ межю ими и любы. Живяше же Володимеръ в страстѣ Божьи, и умножишася зело разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: „се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?“ Онъ же рече имъ: „боюся грѣха.“ Они же рѣша ему: „ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на помилованье; достоинъ ти казнити разбойника, но со испытаньемъ.“ Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники, и рѣша епископи и старци: „рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди.“ И рече Володимеръ: „такъ буди.“ И живяше Володимеръ по устроенью отню и дѣдню.

997. Въ лѣто 6505. Володимеру же шедшу Новугороду по верховнѣи воѣ²⁾ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика безперестани, въ се же время увѣдѣша Печенѣзи, яко князя нѣту, и придоша и сташа около Бѣлагорода. И не дадаху вылѣзти изъ города, и бысть гладъ великъ в городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, Печенѣгъ же множество много. И удалжися остоя ³⁾ въ городѣ, и бѣ гладъ великъ, и створиша вѣче въ городѣ, и рѣша: „се уже хотимъ померети отъ глада, а отъ князя помочи нѣту; да лучше ли ны померети? дадимъся Печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираемъ отъ глада;“ и тако совѣтъ створиша. Бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томъ, и вираша: „что ради вѣче было?“ и людье повѣдаша ему, яко утро хотять ся людье передати Печенѣгомъ. Се слышавъ, посла по старѣйшины градскыя, и рече имъ: „слышахъ, яко хочете ся передати Печенѣгомъ;“ они же рѣша: „не

¹⁾ Земскомъ, народномъ.

²⁾ За верховыми, за конницей.

³⁾ Обстояніе, осада.

стерпять людьє глада.“ И рече имъ: „послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите.“ Они же ради обѣщашася послушати, и рече имъ: „сберѣте аче и по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубей;“ они же шедше ради снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжъ, в немъ же варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и вставити тамо кадъ, и нальяти цѣжа кадъ. И повелѣ другой колодязь ископати, и вставити тамо кадъ, и повелѣ искати меду; они же шедше взяша меду лукно, бѣ бо погребено въ княжи медуши; и повелѣ розсытити велми и вѣльяти в кадъ в друзѣмъ колодязи. Утро же повелѣ послати по Печенѣгы; и горожане же рѣша шедше к Печенѣгомъ: „поимѣте к собѣ таль нашъ, а вы поидѣте до 10 мужъ в градъ, да видите, что ся дѣеть в градѣ нашемъ.“ Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хотять, пояша у нихъ тали, а сами избраша лучшѣи мужи и послаша в градъ, да розглядають в городѣ, что ся дѣеть. И придоша в городъ, и рѣкоша имъ людьє: „почто губите себе? коли можете престояти насъ? аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити намъ? имѣемъ бо кормлю отъ землѣ; аще ли не вѣруете, да узрите своима очима.“ И приведоша я къ кладязю, идѣже цѣжъ, и почерпоша ведромъ и льяша в латки, и яко сварѣша кисель, и поимше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомъ же Печенѣзи. И удивѣшася, и рекоша: „не имуть вѣры наши князи, аще не ядятъ сами.“ Людьє же нальяша корчагу цѣжа и сыты отъ колодязя, вдаша Печенѣгомъ; они же пришедше повѣдаша вся бывшая. И варивше яша князи Печенѣзьстии, и подивѣшася, и поимше тали своя и онѣхъ пустивше, вѣсташа отъ града, вѣсвоиси идоша ¹⁾).

1014. Въ лѣто 6522. Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ отъ года до года,

¹⁾ Сказаніе о Бѣлогородскомъ киселѣ наглядно выражаетъ мысль, что въ земледѣльческомъ быту земля—общая всѣмъ мать-кормилица.

а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху вси посадници Новѣгородѣстии, а Ярославъ сего не даяше к Къеву отцю своему. И рече Володимеръ: „требите путь и мостите мостъ“, хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболѣся.

1015. Въ лѣто 6523. Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же пославъ за море, приведе Варягы, бояся отца своего; но Богъ не вдасть дьяволу радости. Володимеру бо разболѣвшюся, въ се же время баше у него Борисъ; Печенѣгомъ идущемъ на Русь, посла противу имъ Бориса, самъ бо боляше велми, въ ней же болѣсти и скончася мѣсяца іуля въ 15 день. Умре же на Берестовѣмъ, и потаиша и, бѣ бо Святополкъ Къевѣ. Ночью же межю двема клѣтми проймавше помостъ, обертѣвше в коверъ, и ужи съвѣсиша на землю; възложше и на сани, везше поставиша и въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдѣвше людье, безъ числа снидошася и плакашася по немъ, боляре акы заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя; и вложиша и въ корсту мороморяну,охраниша тѣло его с плачемъ, блаженаго князя. Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестися самъ и люди своя: тако и сътвори, подобно ему.... Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю. Мы же, хрестьяне суще, не въздаемъ почестья противу оного възданью. Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ в прельсти дьяволи, якоже и прародители наши погынуша.

О убьенъи Борисовѣ. Святополкъ же сѣде Къевѣ по отци своемъ, и съзва Кмяны, и нача даяти имъ имѣнье; они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ. Борису же възвратившюся съ вой, не обрѣтшю Печенѣгъ, вѣсть приде къ нему: „отець ти умерлъ“. И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ, и ста на Лѣтъ¹⁾ пришедъ. Рѣша же ему

¹⁾ Рѣчка Альта.

дружина отня: „се дружина у тебе отня и вои; поиди, сяди Киевѣ на столѣ отни“. Онъ же рече: „не буди мнѣ възняти¹⁾ руки на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто“. И се слышавше вои, разидошася отъ него, Борисъ же стояше съ отроки своими. Святополкъ же исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ примъ, посылая к Борису, глаголаше: „яко с тобою хочю любовь имѣти, и къ отню придамъ ти“; а лъстя подъ нимъ²⁾, како бы и погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и Вышегородскыѣ болярцѣ, и рече имъ: „пріяете ли ми всѣмъ сердцемъ?“ Рѣче же Путша и Вышегородьци: „можемъ главы своя сложити за тя“. Онъ же рече имъ: „не повѣдуче никому же, шедше убийте брата моего Бориса“. Они же вскорѣ обѣщашася ему се створити. О сяковыхъ бо Соломонъ рече: скоры суть пролити кровь безъ правды; ти бо обѣщаются крови, собираютъ собѣ злая; сихъ путье суть скончавающихъ безаконье, нечестьемъ бо свою душу емлютъ. Послании же придоша на Лyto ночью, и подѣстунша ближе, и слышаша блаженаго Бориса поюща заутреню; бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять погубити и.... И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своемъ. И се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша и копыи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на немъ, прободоша с нимъ. Бѣ бо се любимъ Борисомъ; бѣше отрокъ с родомъ сынъ Угърскъ, именовъ Георги, его же любляше повелику Борисъ, бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику³⁾, въ ней же предсто-яше предъ нимъ. Избиша же и ины отроки Борисовы многы. Георгеви же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шиѣ, усѣкнуша главу его, и тако сняша гривну, а главу отвергоша прочь; тѣмже⁴⁾ послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ тру-

1) Поднять.

2) Подкапываться подъ него, строя ковы.

3) Золотую металлическую цѣпь на шею, родъ украшенія.

4) И потому.

нии¹⁾. Бориса же убивше оканьнии, увертѣвше в шатеръ, взложивше на кола²⁾, повезоша и, и еще дышущю ему. Увѣдѣвъ же се оканьный Святополкъ, яко еще дышетъ, посла два Варяга прикончатъ его; онѣма же пришедшема и видѣвшема, яко еще живъ есть, единъ ею извлекъ мечъ, пропъзе и къ сердцю. И тако скончася блаженный Борисъ, вѣнецъ примъ отъ Христа Бога съ праведными, причетъся съ пророкы и апостолы, съ лики мученичьскими водваряся, Авраму на лонѣ почивая, видя неизреченьную радость, въспѣвая съ ангелы и веселяся с лики святыхъ. И положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду, у церкви святаго Василья. Оканьнии же си убійцѣ придоша къ Святополку, акы хвалу имуще, незаконьници. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путьша, и Талець, Еловить, Ляшько, отецъ же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бываютъ, бѣси бо на злое посылаеми бываютъ, ангели на благое посылаеми. Ангели бо челоуѣку зла не творять, но благое мыслятъ ему всегда, паче же хрестьяномъ помогаютъ и заступають отъ супротивнаго дьявола; а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему, понеже видять челоуѣка Богомъ почтена, и завидяще ему, на зло слеми скоры суть. Золь бо челоуѣкъ, тщася на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо Бога боятся, а золь челоуѣкъ ни Бога боится, ни челоуѣкъ ся стыдитъ; бѣси бо креста ся боятъ Господня, а челоуѣкъ золь ни креста ся боить.

Святополкъ же оканьный помысли въ собѣ, рекъ: „се убихъ Бориса; како бы убити Глѣба?“ И примъ помысль Каиновъ, съ лестью посла къ Глѣбу, глаголя сице: „пойди вборзѣ, отецъ тя зоветъ, не здравить бо велми“. Глѣбъ же вборзѣ всѣдъ на конѣ, съ малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеся конь въ рвѣ, и наломп ему ногу мало; и приде Смоленьску, и поиде отъ Смоленьска яко зрѣемо³⁾, и ста на

¹⁾ Собирает. им. трупиѣ.

²⁾ На телѣгу.

³⁾ Сколько можно окинуть взглядомъ.

Смядинѣ въ насадѣ. В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передъславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: „не ходи, отецъ ти умерлъ, а братъ ти убьенъ отъ Святополка“. Се слышавъ Глѣбъ възпи велми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголя: „увы мнѣ, Господи! лучше бы ми умрѣти съ братомъ, нежели жити на свѣтѣ семь; аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангельское, умерлъ быхъ с тобою: нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? кдѣ суть словеса твоя, яже глагола къ мнѣ, брате мой любимый? нынѣ уже не услышу тихаго твоего наказанья¹⁾); да аще еси получилъ дерзновенье у Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же страсть приялъ; лучше бо ми было съ тобою умрети, неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмъ жити“. И сиче ему молящюся съ слезами, се внезапно придоша послании отъ Святополка на погубленье Глѣбу, и ту абѣ послании яша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружье. Отроки Глѣбови уныша; оканьный же посланный Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба; поварь же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынезъ²⁾ ножъ, зарѣза Глѣба. Аки агня непорочно принесеса на жертву Богови, въ воню благоуханья, жертва словесная, и прія вѣнецъ; вшедъ въ небесныя обители, и узрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся с нимъ неиздреченною радостью, юже улучиста братолюбьемъ своимъ. Се коль добро и коль красно, еже жити братома вкупѣ! Оканьнии же възвратипася въспять, якоже рече Давыдъ: да възвратятся грѣшници въ адъ. Онѣмъ же пришедшимъ, и повѣдаша Святополку: „яко створихомъ повелѣная тобою“. Онъ же се слышавъ, възнесеса сердце его болма, не вѣдый Давыда глаголюща: что ся хвалиши о злѣбѣ, сильный? безаконье весь день умысли языкъ твой. Глѣбу же убьену бывшую и повержену на брезѣ межи двѣма колодама посемъ же взявше везоша и, и положиша и у бра-

¹⁾ Поученія, наставленія.

²⁾ Извлекъ.

та своего Бориса у церкви святаго Василья И съвкуплена тѣлома, наче же душама, у Вѣладыкы Всецаря пребывающа, въ радости безконечнѣй, во свѣтѣ неизреченнѣмъ, подающа цѣлебныя дары Русьстѣй земли, и инѣмъ приходящимъ страннымъ съ вѣрою даета ицѣленье: хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣнье, болящимъ цѣлбы, окованымъ разрѣшенье, темницамъ отверженье, печальнымъ утѣху, напастнымъ избавленье, и еста заступника Русьстѣй земли, и свѣтилника сіяюща и молящася воину къ Владыцѣ о своихъ людехъ....

Святополкъ же съ оканьный и злый уби Святослава, пославъ, ко горѣ Угорьстѣй, бѣжащю ему въ Угры, и нача помышляти: „яко избью всю братью свою, и прииму власть Русьскую единъ“. Помысливъ високоумьемъ своимъ, не вѣдый, яко Богъ даеть власть, ему же хочеть; поставляетъ бо цесаря и князя Вышний, ему же хочеть, дасть... Святополкъ же оканьный нача княжити Кыевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другимъ кунами, и раздая множество. Ярославъ же не вѣдущю отънѣ смерти, Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ. Вставше Новгородци; избивша Варягы во дворѣ Поромони, и разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ; пославъ к Новгородцемъ, рече: „уже мнѣ сихъ не крѣсити“. И позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху иссѣкли Варягы, и обльстивъ я исѣче. В ту же ноць приде ему вѣсть ис Кыева отъ сестры его Передъславы: „си отецъ ти умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла; а блюдися его повелику“. Се слышавъ, печаленъ бысть о отци и о брати и о дружинѣ; заутра же собравъ избытокъ Новгородецъ, Ярославъ рече: „о любя моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ“. Утерлъ слезъ, и рече имъ на вѣчи: „отецъ мой умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ Кыевѣ, избивая братью свою“. И рѣша Новгородци: „аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти“. И събра Ярославъ Варягъ тысячу, а прочихъ вой 40000, и поиде на Святополка, нарекъ Бога, рекъ: „не я

почахъ избивати братью, но онъ; да будетъ отместъникъ Богъ крове братья моя, зане без вины проля кровь Борисову и Глѣбову праведную: еда и мнѣ сице же створить? но суди ми, Господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго“. И поиде на Святополъка; слышавъ же се Святополкъ, идуща Ярослава, пристрой бес числа вой, Руси и Печенѣгъ, и изыде противу ему к Любичю об онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю.

1016. Начало княженья Ярослава Кыевѣ. Въ лѣто 6524. Приде Ярославъ на Святополка, и сташа противу объ оба полы Днѣпра, и не смяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начати, и стояша мѣсяцъ 3 противу собѣ. И воевода нача Святополчъ, ѣздя възлѣ берегъ, укарати Новгородцѣ, глаголя: „что придосте с хромьцемъ симъ, а вы плотници суще? а приставимъ вы хоромовъ рубити нашихъ“. Се слышавше Новгородци, рѣша Ярославу: „яко завтра перевеземъся на ня; аще кто не поидеть с нами, сами потнемъ его“. Бѣ бо уже в заморозъ. Святополкъ стояше межи двѣма озерома, и всю ночь пиль бѣ с дружиною своею; Ярославъ же завтра исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. И выседше на брегъ, отринуша лодѣ отъ берега, и поидоша противу собѣ, и сступишася на мѣстѣ; бысть сѣча зла, и не бѣ лзѣ озеромъ Печенѣгомъ помагати, и притиснуша Святополка с дружиною ко озеру, и въступиша на ледъ, и обломися с ними ледъ, и одалати нача Ярославъ, видѣвъ же Святополкъ и побеже, и одолѣ Ярославъ. Святополкъ же бѣжа в Ляхы, Ярославъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отъни и дѣдни; и бы тогда Ярославъ лѣтъ 28.

1017. Въ лѣто 6525. Ярославъ иде в Киевъ, и погорѣ церкви.

1018. Въ лѣто 6526. Приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с Ляхы; Ярославъ же совокупивъ Русь, и Варягы, и Словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, и приде Волюню, и сташа оба полъ рѣкы Буга. И бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода, именовъ Буды нача укарати Боле-

слава, глаголя: „да то ти прободемъ трѣскою черево твое толъстое“. Бѣ бо Болеславъ великъ и тяжелъ, яко и на кони не могли сѣдѣти, но баше смыслень; и рече Болеславъ къ дружинѣ своей: „аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну“. Всѣдъ на конь, въбрѣде в рѣку и по немъ вои его, Ярославъ же не утягну исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава; Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду, Болеславъ же вниде в Кыевъ съ Святополкомъ. И рече Болеславъ: „разведѣте дружину мою по городомъ на покорѣмъ“, и бысть тако. Ярославу же прибѣгшю Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, с Новгородьци расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ, рекуще: „хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ“. Начаша скоть събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривенъ, а отъ боярь по 18 гривенъ; и приведоша Варягы, и вдаша имъ скоть, и совокупи Ярославъ воя многы. Болеславъ же бѣ Кыевъ сѣдя, оканьный же Святополкъ рече: „елико же Ляховъ по городомъ, избивайте я“; и избиша Ляхы. Болеславъ же побѣже ис Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его, и Настаса пристави Десятиньнаго ко имѣнью, бѣ бо ся ему ввѣрилъ лестью, и людей множество веде с собою, и города Червеньскыя зая собѣ, и приде в свою землю. Святополкъ же нача княжити Кыевъ, и поиде Ярославъ на Святополка, и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы.

1019. В лѣто 6527. Приде Святополкъ с Печенѣгы в силѣ тяжьцѣ, и Ярославъ собра множество вой, и изыде противу ему на Лѣто. Ярославъ ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса, въздѣвъ рудѣ на небо, рече: „кровь брата моего вопьеть к тобѣ, Владыко! мьсти отъ крове праведнаго сего, якоже мьстилъ еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье; тако положи и на семь“. Помоливъся, рекъ: „брата моя! аще еста и тѣломъ отошла отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убийцю и гордаго“. И се ему

рекшю, поидоша противу собѣ, и покрыша поле Летское ¹⁾ обои отъ множества вой. Бѣ же пятокъ тогда, въсходящю солнцю, и сступишася обои, бысть сѣча зла, яка же не была в Руси, и за руки емлюче сечахуся, и сступашася трижды, яко по удольемъ крови тещи; к вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти на кони, и несяхуть и на носилѣхъ; принесоша и къ Берестю ²⁾, бѣгающе с нимъ; онъ же глаголаше: „побѣгнѣте со мною, женуть ³⁾ по насъ“. Отроки же его всылаху противу ⁴⁾: „еда кто женеть по насъ?“ и не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимъ; онъ же в немоци лежа, и въсхопивъся глаголаше: „осе женуть, о женуть, побѣгнѣте“. Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа Лядскую землю ⁵⁾, гонимъ Божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой в томъ мѣсте....

1022. Въ лѣто 6530. Приде Ярославъ къ Берестю. Въ си же времена Мьстиславу сущю Тмуторокани, поиде на Касогы. Слышавъ же се князь Касожьскый Редедя, изиде противу тому, и ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: „что ради губивѣ дружину межю собою? но снидеве ся сама боротъ; да аще одолѣеши ты, то возмеша имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все.“ И рече Мьстиславъ: „такъ буди“. И рече Редедя ко Мьстиславу: „не оружьемъ ся бѣевѣ, но борьбою“. И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющемася има нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мьстиславъ: „о Пречистая Богородице! помози ми; аще бо одолѣю сему, съзижду ⁶⁾ церковь во

¹⁾ Прилагательное отъ р. Лыто (Альта).

²⁾ Брестъ.

³⁾ Гонять.

⁴⁾ Посылали развѣдчиковъ, не гонятся ли за нами.

⁵⁾ Землю ляховъ, польскую.

⁶⁾ Созижду.

имя твое“. И се рекъ удари имъ о землю, и вынзе ножъ, и зарѣза Редедю, и шедъ в землю его, взя все имѣнье его, и жену его и дѣти его, и дань възложи на Касоги. И пришедъ Тмутороканю, заложи церковь святя Богородица, и созда ю, яже стоитъ и до сего дне Тмуторокани¹⁾.

1023. Въ лѣто 6531. Поиде Мьстиславъ на Ярослава, с Козары и съ Касоги.

1024. Въ лѣто 6532. Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мьстиславъ ис Тмутороканя Кыеву, и не прияша его Кыяне; онъ же шедъ сѣде на столѣ Черниговѣ, Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда. В се же лѣто вѣсташа волъсви в Суждали, избиваху старую чадъ по дьяволу наущенью и бѣсованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси людье в Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша. Слышавъ же Ярославъ волхвы, приде Суздалю; изъймавъ волхвы, расточи, а другыя показни, рекъ сице: „Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человекъ не вѣсть ничтоже“. И възвративъся Ярославъ, приде Новугороду, и посла за море по Варягы; и приде Якунъ с Варягы, и бѣ Якунъ слѣпъ²⁾, и луда бѣ у него золотомъ истъкана. И приде къ Ярославу; и иде Ярославъ съ Якуномъ на Мьстислава, Мьстиславъ же слышавъ взиде противу има к Листвену. Мьстиславъ же с вечера исполчивъ дружину, и постави Сѣверъ въ чело противу Варягомъ, а самъ ста с дружиною своею по крилома. И бывши ноци, бысть тма, молонья, и громъ и дождь. И рече Мьстиславъ дружинѣ своей: „пойдемъ на ня“. И поиде Мьстиславъ, и Ярославъ противу ему, и сступиша чело Сѣверъ съ Варягы, и трудишася Варязи сѣкуще Сѣверъ, и посемъ наступи Мсти-

¹⁾ Эпизодъ объ единоборствѣ, упоминаемый въ Словѣ о полку Игоря и нерѣдко изображаемый въ нашихъ былинахъ.

²⁾ Якунъ, по Варяжски Гаконъ, что значить: одноглазый. Нѣкоторые предлагаютъ такое чтеніе: съ *льпъ*.

славъ со дружиною своею, и нача сѣчи Варяги, и бысть сѣча силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна. Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣжаемъ есть, побѣже съ Якуномъ, княземъ Варяжскимъ, и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ; Ярославъ же приде Новугороду, а Якунъ иде за море. Мьстиславъ же, о светъ заутра, видѣвъ лежащиѣ сѣчени отъ своихъ Сѣверъ Варяги Ярославлѣ, и рече: „кто сему не радъ? се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла“. И посла Мьстиславъ по Ярослава, глаголя: „сяди на своемъ столѣ Кыевѣ, ты еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона“; и не смяше Ярославъ ити в Кыевъ, дондеже смирилася. И сѣдѣше Мьстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ, и бѣяху Кыевѣ мужи Ярославли. В семь же лѣтѣ родися у Ярослава другый сынъ, и нарече имя ему Изяславъ.

1026. Въ лѣто 6534. Ярославъ совокупи воя многы, и приде Кыеву, и створи миръ с братомъ своимъ Мьстиславомъ у Городьця. И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону; и начаста жити мирно и в братолюбьствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли.

1027. Въ лѣто 6535. Родися 3-й сынъ Ярославу, и нарече имя ему Святославъ.

1028. Въ лѣто 6536. Знаменье змиево явися на небеси, яко видѣти всей земли.

1029. Въ лѣто 6537. Мирно бысть.

1034—1036. Въ лѣто 6542. Въ лѣто 6543. Въ лѣто 6544. Мьстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умре; и положиша и в церкви у святаго Спаса, юже бѣ самъ заложилъ, бѣ бо въздано ея при немъ възвыше, яко на кони стояще рукою досящи. Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермень лицомъ, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину по велику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше. Посемъ же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластецъ Русьстѣй земли. Иде Ярославъ Новугороду, и по-

сади сына своего Володимера Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту; и в се время родися Ярославу сынъ, нарекоша имя ему Вячеславъ. Ярославу же сущю Новѣгородѣ вѣсть приде ему, яко Печенѣзи остоятъ Кыевѣ; Ярославъ събра вои многы, Варягы и Словѣни, приде Кыеву, и вниде в городъ свой. И бѣ Печенѣгъ бес числа. Ярославъ выступи из града, и исполчи дружину, и постави Варягы по средѣ, а на правѣй сторонѣ Кыяне, а на лѣвѣмъ крилѣ Новгородци; сташа пред градомъ. Печенѣзи приступати почаша, и сступишася на мѣсте, идеже стоитъ нынѣ святая Соѣя, митрополя Русьская; бѣ бо тогда поле внѣ града. И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И побегоша Печенѣзи разно, и не вѣдяхуся камо бѣжати, и овии бѣгающе тоняху въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне. В се же лѣто всади Ярославъ Судислава в порубѣ, брата своего, Плесковѣ, оклеветанъ бѣ к нему.

1037. Въ лѣто 6545. Заложил Ярославъ городъ великый Кыевѣ¹⁾, у него же града суть Златая врата; заложил же и церковь святыя Соѣя, митрополю, и посемь церковь на Золотыхъ воротѣхъ святыя Богородица Благовѣщенье, посемь святаго Георгия монастырь и святыя Ирины. И при семь нача вѣра хрестыаньска плодирися и раширяти, и черноризьци почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая е часто в ноци и въ дне; и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книги многы, и сниска, ими же поучащеся вѣрнии людье, наслажаются ученья божественаго. Якоже бо се нѣкто землю разореть, другой же насѣеть, ини же пожинають и ядятъ пищу бескудну, тако и съ: отецъ бо его Володимеръ взорà и умягчи, рекше крещенемъ просвѣтивъ; съ же насѣя книж-

¹⁾ Здѣсь должно разумѣть сооруженіе вокругъ Кіева стѣнъ кремля, т. е. обнесеніе его стѣною.

ными словесы сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаяемъ, ученье приемлюще книжное. Велика бо бываетъ полза отъ ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержаше отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходяща мудрости, книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, яко же и Соломонъ похваляя глаголаше: азъ премудрость, вселихъ свѣтъ, и разумъ и смыслъ, азъ призвахъ; страхъ Господень... мой свѣтъ, моя мудрость, мое утверженье, моя крѣпость; мною цесареве царствуютъ, а силнии пишють правду; мною вельможа величаются и мучители держать землю; азъ любящая мя люблю, ищущи мене обрящють благодать. Аще бо поищещи въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящещи велику ползу души своей; иже бо книги часто чтеть, то бесѣдуетъ с Богомъ, или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская ученья и апостолская, и житья святыхъ отецъ, възпріемлетъ души велику ползу. Ярославъ же сей, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, и многы написавъ положи въ святѣй Соѣби церкви, юже созда самъ; украси ю златомъ и серебромъ и сосуды церковными, въ ней же обычныя пѣсни Богу въздають въ годы обычныя. И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ ¹⁾, веля имъ учить люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ; и умножишася прозвутерии людье хрестьянъстии. Радовашеся Ярославъ, видя множество церквий и люди хрестьяны, зѣло, а врагъ сѣтовашеться, побѣждаемъ новыми людьми хрестьянъскими.

1043. Въ лѣто 6551. Посла Ярославъ сына своего Володимера на Гръкы, и вда ему вои многы, а воеводство поручи Вышатѣ, отцю Яневу. И поиде Володимеръ въ лодяхъ, и придоша въ Дунай, и поидоша ко Цесарюграду; и бысть буря ве-

¹⁾ Т. е. уреченное, назначенное.

лика, и разби корабли Руси, и князь корабль разби вѣтръ, и взя князя в корабль Иванъ Творимиричъ, воевода Ярославль. Прочіи же вои Володимери вывержени быша на брегъ, числомъ 6000, и хотящемъ поити въ Русь, и не идяше съ ними никтоже отъ дружины княжее. И рече Вышата: „азъ поиду съ ними;“ и высѣде ис корабля къ нимъ, рече: „аще живъ буду, то съ ними, аще погину, то съ дружиною.“ И поидоша хотяще въ Русь. И бысть вѣсть Грькомъ, яко избило море Русь, и посла царь, именемъ Мономахъ, по Руси олядїй 14; Володимеръ же видѣвъ съ дружиною, яко идутъ по немъ, въспятивъся изби оляди Гречьскыя, и възвратися въ Русь, всѣдше въ кораблѣ своѣ. Вышату же яша съ изверженными на брегъ, и приведоша я Цесарюграду, и слѣпиша Руси много; по трехъ же лѣтѣхъ миру бывшю, пущенъ бысть Вышата въ Русь къ Ярославу. Въ си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людїй 8 сотъ, яже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава.

1044. Въ лѣто 6552. Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица. Въ се же лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимеръ, отецъ Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, его же роди матери отъ вѣлхвованья, матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: „се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего,“ еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровь-пролитѣе.

1045. Въ лѣто 6553. Заложилъ Володимеръ святую Софью Новѣгородѣ.

1051. Въ лѣто 6559. Поставилъ Ярославъ Ларїона¹⁾ митрополитомъ Руси въ святѣй Софїи, собравъ епископы. И се да скажемъ, чего ради прозвася Печерскый монастырь: Бо-

¹⁾ По народному, вм. Иларїонъ.

голюбивому князю Ярославу любящую Берестовое, и церковь ту сущюю Святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящю, въ нихъ же бѣ прѣзвутеръ, именовъ Ларіонъ, мужъ благъ, книженъ и постникъ; и хожаше съ Берестоваго¹⁾ на Днѣпръ, на холмъ, кдѣ нынѣ ветхый монастырь Печерьскый, и ту молитву творяше, бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печерку малу, двусажену, и приходя съ Берестового, отпѣваше часы и моляшеся ту Богу втайнѣ. Посемъ же Богъ князю вложи въ сердце, и постави и митрополитомъ въ святѣй Софѣи, а си печерка тако оста. И не по мнѣзѣхъ днѣхъ бѣ нѣкый человекъ, именовъ мирьскимъ отъ града Любча²⁾; и възложи сему Богъ въ сердце въ страну ити³⁾; онъ же устремися въ Святую Гору⁴⁾, и видѣ ту монастыря сущая, и обиходивъ, възлюбивъ чернечьскый образъ, приде въ монастырь ту, и умоли игумена того, дабы на нь възложилъ образъ мнишьскый. Онъ же послушавъ его, постриже и, нарекъ имя ему Антоній, наказавъ его и научивъ чернечьскому образу, и рече ему: „иди въ Русь опять, и буди благословенъ отъ Святыя Горы, яко отъ тебе мнози чернѣи быти имуть;“ благослови и и отпусти его, рекъ ему: „иди съ миромъ“. Антоній же приде Къеву, и мысляше, кдѣ бы жити; и ходи по монастыремъ, и не възлюби, Богу не хотящю; и поча ходити по дебремъ и по горамъ, ища кдѣ бы ему Богъ показалъ; и приде на холмъ, идѣже бѣ Ларіонъ ископалъ печерку, и възлюби мѣсто се, и вселися въ не, и нача молитися Богу со слезами, глаголя: „Господи! утверди мя въ мѣстѣ семъ, и да будетъ на мѣстѣ семъ благословенъ Святыя Горы и моего игумена, иже мя постриглъ“. И поча жити ту, моля Бога, ядый хлѣбъ сухъ, и то чересь день, и воды въ мѣру вкушая, копая печеру, и не да собѣ упокоя

¹⁾ Берестово или Берестовъ, мѣстечко по Днѣпру, ниже Кіева, съ княжескимъ дворцомъ.

²⁾ Антищъ.—Любечъ городъ на лѣвомъ берегу Днѣпра.

³⁾ Т. е. странствовать.

⁴⁾ Аѳонскую.

день и ночь, въ трудѣхъ пребывая, въ бдѣнїи и въ молитвахъ. Посемъ же увѣдѣша добріи чловѣци, и приходяху къ нему, приносяще же ему, еже на потребу бѣ, и прослу якоже великій Антоній: приходяще къ нему просяху у него благословенья. Посемъ же преставльшюся великому князю Ярославу, прїя власть сынъ его Изяславъ, и сѣде Кыевѣ. Антоній же прославленъ бысть въ Русьскѣй земли; Изяславъ же увѣдѣвъ житье его, приде съ дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы. И увѣданъ бысть всѣми великій Антоній и чтимъ, и начаша приходити къ нему братья и нача прїимати и постригати я; и собрася братьи къ нему числомъ 12, и ископаша пещеру велику, и церковь, и кельи, яже суть и до сего дне въ пещерѣ подъ ветхымъ манастыремъ. Совѣкупленѣ же братьи, рече имъ Антоній: „се Богъ васъ, братья, совокупи, и отъ благословенья есте Святыя Горы, имъ же мене постриже игумень Святыя горы, а язъ васъ постригаль; да буди благословенье на васъ первое отъ Бога, а второе отъ Святыя Горы;“ и се рекъ имъ: „живѣте же особѣ, и поставлю вы игумена, а самъ хочю въ ону гору ити единъ, якоже и преже бяхъ обыклъ, уединивъся (*жити*)“. И постави имъ игуменомъ Варлама, а самъ иде въ гору и ископа пещеру, яже есть подъ новымъ манастыремъ, въ ней же сконча животъ свой, живъ въ добродѣтели, не выходя изъ пещеры лѣтъ 40 никдаже, въ ней же лежать мощѣ его и до сего дне. Братья же съ игуменомъ живяху въ пещерѣ, и умножившимся братьи въ пещерѣ, и не имущимъся вмѣстити, и помыслиша поставити внѣ пещеры манастырь; и приде игумень и братья ко Антонью, и рекоша ему: „отче! умножилось братьѣ, а не можемъ ся вмѣстити въ пещеру; да бы Богъ повелѣлъ и твоя молитва, да быхомъ поставили церковьцю внѣ пещеры,“ и повелѣ имъ Антоній. Они же поклонишася ему, и поставиша церковьцю малу надъ пещерою во имя святыя Богородица Успенье. И нача Богъ умножати черноризцѣ, молитвами святыя Богородица, и съвѣтъ створиша братья со игуменомъ по-

ставити монастырь; и идоша братья ко Антоню и рѣша: „отче! братья умножаются, а хотѣли быхомъ поставити монастырь“. Антоній же радъ бывъ, рече: „благословенъ Богъ о всемъ, и молитва святыя Богородица и сущихъ отецъ иже в Святѣй Горѣ да будетъ съ вами“. И се рекъ, посла единого отъ братьѣ ко Изяславу князю, река тако: „княже мой! се Богъ умножаетъ братью, а мѣстыце мало; да бы ны далъ гору ту, яже есть надъ печерою;“ Изяславъ же слышавъ и радъ бысть, посла мужъ свой, и вда имъ гору ту. Игумень же и братья заложиха церковь велику и монастырь огородиша столпеемъ, кельѣ поставиша многы, церковь свершиша и иконами украсиша. И оттолѣ почася Печерскый монастырь, имъже бѣша жили чернцы преже въ печерѣ, а отъ того прозвася Печерскый монастырь; есть же монастырь Печерскый отъ благословенья Святыя Горы пошелъ. Монастыреви же свершену, игуменьство держащю Варламови, Изяславъ же постави монастырь святаго Дмитрия, и выведе Варлама на игуменьство къ святому Дмитрию, хотя створити вышній сего монастыря, надѣяся богатству. Мнози бо монастыри отъ цесарь и отъ боярь и отъ богатства поставлени, но не суть тацы, кацы суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ; Антоній бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньемъ, якоже глаголахъ. Варламу же шедъшю къ святому Дмитрию, совѣтъ створше братья, идоша къ старцю Антоню и рекоша: „постави намъ игумена“. Онъ же рече имъ: „кого хотите?“ Они же рѣша: „кого хочетъ Богъ и ты“. И рече имъ: „кто болій въ васъ, акъ же Федосій, послушьливый, кроткый, смѣренный; да съ будетъ вамъ игумень“. Братья же ради бывше, поклонихася старцю, и поставиша Феодосья игуменомъ братьѣ, числомъ 20. Феодосиеви же приѣмшю монастырь, поча имѣти въздержанье, и велико пощенье, и молитвы съ слезами, и совокупляти нача многы черноризьци, и совокупи братьѣ числомъ 100. И нача искати правила чернечьскаго, и обрѣтесе тогда Михайлъ чернецъ монастыря Студійскаго, иже бѣ пришелъ

изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ, и нача у него искати устава чернецъ Студійскихъ; и обрѣтъ у него, и списа, и устави въ монастыри своемъ како пѣти пѣннѣя монастырская, и поклонъ какъ держати, и чтеннѣя почитати, и стояннѣе въ церкви, и весь рядъ церковный и на трапезѣ сѣданнѣе, и что ясти въ кнѣ дни, все съ уставленнѣемъ. Θεодосій все то изобрѣтъ, предасть монастырю своему; отъ того же монастыря переяша вси монастыреве уставъ: тѣмже почтенъ есть монастырь Печерскій старѣе всѣхъ. Θεодосееви же живушю въ монастыри, и правяшю добродѣтельное житнѣе и чернецкое правило, и приимающю всякого приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріять мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженнѣя моего. Се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти монастырь и что ради зовется Печерскій; а о Θεодосеевѣ житнѣи паки скажемъ.

1052. Въ лѣто 6560. Преставися Володимерь, сынъ Ярославль старѣй, Новѣгородѣ, и положенъ бысть въ святѣй Соѣби, юже бѣ самъ создалъ.

1053. Въ лѣто 6561. У Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимерь, отъ царицѣ Гръкннѣ.

1054. Въ лѣто 6562. Преставися великый князь Русскій Ярославъ. И еще бо живушю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: „се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере; да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуше; аще ли будете ненавидно живуше, въ распряхъ и которающеса, то погыбнете сами, и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ; но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ собѣ мѣсто столь старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кнѣвѣ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будетъ въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь,

а Вячеславу Смолинскъ“. И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, рекъ Изяславу: „аще кто хоцетъ обидѣти брата своего, то ты помагай, его же обидятъ;“ и тако уряди сыны своя пребывати въ любви. Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю Новѣгородѣ, а Святославу Володимери, Всеволоду же тогда сущю у отца, бѣ бо любимъ отцемъ паче всея братьи, его же имяше присно у собе. Ярославу же приспѣ конецъ житья, и предасть душу свою Богу въ субботу 1 поста святаго Θεодора. Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложыше на сани везоша ѿ Кыеву, попове поюще обычныя пѣсни, плакашася по немъ людье; и принесше положиша и въ рацѣ мороморянѣ, въ церкви святое Соѣѣ, и плакася по немъ Всеволодъ и людье вси. Живе же всѣхъ лѣтъ 70 и 6.

Начало княженья Изяславля Кыевѣ. Пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ, Святославъ Черниговѣ, Всеволодъ Переяславли, Игорь Володимери, Вячеславъ въ Смолинскѣ. Въ се же лѣто иде Всеволодъ на Торкы зимѣ к Воиню и побѣди Торкы. Въ семъ же лѣтѣ приходи Болушь съ Половци, и створи Всеволодъ миръ съ ними, и возвратишася Половци вспять, отнюду же пришли....

1060. Въ лѣто 6568. Преставися Игорь, сынъ Ярославль. Въ семъ же лѣтѣ Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ совокупиша вои бещислены, и поидоша на конихъ и въ лодьяхъ, безчислено множьство, на Торкы. Се слышавше Торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгающе, Божьимъ гнѣвомъ гоними, ови отъ зимы, друзи же гладомъ, ини же моромъ и судомъ Божьимъ. Тако Богъ избави хрестьяны отъ поганыхъ.

1061. Въ лѣто 6569. Придоша Половци первое на Русьскую землю воевать, Всеволодъ же изиде противу имъ, мѣсяца февраля въ 2 день; и бившимся имъ, побѣдиша Всеволода, и воевавше отъидоша. Се бысть первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Искаль.

1064. Въ лѣто 6572. Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимеръ, внукъ Ярославль¹⁾, и с нимъ бѣжа Порей и Вышата, сынъ Остромиръ воеводы Новгородьского; и пришедъ выгна Глѣба изъ Тмуторокана, а самъ сѣде в него мѣсто.

1065. Въ лѣто 6573. Иде Святославъ на Ростислава къ Тмутороканю, Ростиславъ же отступи кромѣ изъ града, не убоявъся его, но не хотя противу стрыви своему оружья взяти. Святославъ же пришедъ Тмутороканю, посади сына своего паки Глѣба, и възратися опять; Ростиславъ же пришедъ, паки выгна Глѣба, и приде Глѣбъ къ отцю своему, Ростиславъ же сѣде Тмуторокани. Въ се же лѣто Всеславъ рать почалъ. Въ си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, възходящи съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и пребысть за 7 днѣй. Се же проявляше не на добро, по семъ бо быша усобицѣ многы и нашествіе поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи кровипролитъе.... Предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущю. Се же бывають сица знаменья не на добро, мы бо по сему разумѣемъ, якоже дрѣвле, при Антиосѣ, въ Іерусалимѣ случися внезапно по всему граду за 40 днѣй являтися на въздухѣ на конихъ рищющимъ, въ оружьи, златы имуща одежѣ, и полкы обоявляемы, и оружьемъ двизающимся: се же проявляше нахоженье Антиохово на Іерусалимъ. Посемъ же при Неронѣ цесари въ томъ же Іерусалимѣ восія звѣзда, на образъ копійный, надъ градомъ: се же проявляше нахоженье рати отъ Римлянъ. И паки сице же бысть при Устиньянѣ цесари, звѣзда восія на западѣ, испущающи луча, юже прозываху блистаницею, и бысть блистающи днѣй 20, посемъ же бысть звѣздамъ теченье, съ вечера до заутрѣя, яко мнѣти всѣмъ,

¹⁾ Здѣсь во всѣхъ трехъ спискахъ пропускъ 3-хъ строкъ, восполняемыхъ изъ Ипатскаго списка.

яко падають звѣзды, и пакы солнце безъ лучь съяше: се же проявляше крамолы, недужи чловѣкомъ умертвіе бѣше... Посемъ же бысть при Костянтинѣ иконоборци цари, сына Леонова: теченье звѣздное бысть на небѣ, отторваху бо ся на землю, яко видящимъ мнѣти кончину; тогда же въздухъ възліяся повелику; въ Суріи же бысть трусь великъ, земли разсѣдшиися трій поприщъ, изиде дивно изъ земли мѣска, чловѣчьскымъ гласомъ глаголющи и проповѣдаючи наитѣ языка, еже и бысть: найдоша бо Срадини на Палестиньскую землю. Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ чимъ, не на благо бывають; но знаменья сиця на зло бывають, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють.

1066. Въ лѣто 6574. Ростиславу сущю Тмуторокани и емлющю дань у Касогъ и въ инѣхъ странъ, сего же убоавшеся Гръци, послаша съ лестью котопана; оному же пришедшю къ Ростиславу и ввѣрившюся ему, чтяшетъ и Ростиславъ. Единою же пьющю Ростиславу съ дружиною своею, рече котопанъ: „княже! хочю на тя пити;“ оному же рекшю: „пій.“ Онъ же испивъ половину, а половину дасть князю пити; дотиснувъся палцемъ въ чашю, бѣ бо имѣя подъ ногтемъ растворенье смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне семаго. Оному же испившю, котопанъ же пришедъ Корсуню повѣдаше, яко въ сій день умретъ Ростиславъ, якоже и бысть; сего же котопана побиша каменьемъ Корсуньстїи людѣе. Бѣ же Ростиславъ мужъ добль, ратень, възрастомъ же лѣпъ и красенъ лицемъ, и милостивъ убогимъ; и умре мѣсяца февралѣ въ 3 день, и тамо положенъ бысть въ церкви святыя Богородица.

1067. Въ лѣто 6575. Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полоцкий, и зая Новъгородъ; Ярославичи же тріе, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ. И придоша ко Мѣньску¹⁾, и Мѣняне за-

¹⁾ Городъ Минскъ.

творишася въ градѣ; си же братья взяша Мѣнескъ, и исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты, и поидоша къ Немизѣ, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизѣ, мѣсяца марта въ 3 день, и бяше снѣгъ великъ, и поидоша противу собѣ; и бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бѣжа. Посемъ же, мѣсяца іюля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, цѣловавше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: „приди къ намъ, яко не створимъ ти зла“; онъ же надѣявъся цѣлованью креста, переѣха въ лодыи черезъ Днѣпръ. Изяславу же въ шатеръ предъидущую, и тако яша Всеслава на Рши у Смолинъска, преступивше крестъ. Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву, всади и въ порубъ съ двѣма сынома.

1068. Въ лѣто 6576. Придоша иноплеменици на Русьску землю, Половци мнози, Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодъ изидоша противу имъ на Лѣто; и бывши нощи, подыдоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганья, и побѣгоша Русьскыи князи, и побѣдиша Половци. Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменики на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомануться къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблажненья дьявола. Богъ бо не хошетъ зла челоуѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злomu убійству и кровипролитю, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы. Земли же согрѣшивши которѣй любо, казнить Богъ смертю, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ ¹⁾, ли гусеницею, ли инѣми казньми, аще ли покаявшеся будемъ, въ немъ же ны Богъ велить жити, глаголетъ бо Пророкомъ намъ: обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ. Да аще сиче створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възвращаемся, акы свинья въ калѣ грѣховнѣмъ присно каляющася, и тако пребываемъ. Тѣмже Пророкомъ намъ гла-

¹⁾ Во всѣхъ др. сп., кромѣ Л., „вредомъ“.

голеть: разумѣхъ, рече, яко жестокъ еси, и шія желѣзная твоя, того ради удержахъ отъ васъ дождь, предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, ише, и поразихъ вы зноемъ и различными казньми; то и тако не обратистесь ко мнѣ. Сего ради винограды вашѣ, и смоковье ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ, глаголеть Господь, а злобъ вашихъ не могохъ истерти; послахъ на вы различныя болѣзни и смерти тяжкыя, и на скоты казнь свою послахъ, то и ту не обратистесь, но рѣсте: мужаемъся. Доколѣ не насытитесь злобъ вашихъ? Вы бо уклонистесь отъ пути моего, глаголеть Господь, и соблазнисте многы; сего ради буду свѣдѣтель скорь на противныя, ... и на кленущаяся именемъ моимъ во лжю, и на лишающая мѣзды наймника, насильствующая сиротѣ и вдовици, и на укланяющая судъ кривѣ. Почто не въздержастесь въ грѣсѣхъ вашихъ, но уклонисте законы моя и не схранисте ихъ? Обратитесь ко мнѣ, и обращю къ вамъ, глаголеть Господь, и азъ отверзю вамъ хляби небесныя и отвращю отъ васъ гнѣвъ мой, дондеже все обилуетъ вамъ, и не имуть изнемощи виногради ваши, ни нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: суетенъ работаяй Богу. Тѣмже усты чтуть мя, а сердце ихъ далече отстоять мене; сего ради, ихже просимъ, не приедемъ: будетъ бо, рече, егда призовете мя, азъ же не послушаю васъ, взищете мене зли, и не обрящете; не всхотѣша бо ходити по путемъ моимъ, да того ради затворяется небо, ово ли злѣ отверзается, градъ въ дождя мѣсто пуская, ово ли мразомъ плоды узнабляя и землю зноемъ томя, нашихъ ради злобъ. Аще ли ся покаемъ отъ злобъ нашихъ, то акы чадомъ своимъ дастъ намъ вся прошенья, и отдождитъ намъ дождь ранъ и позденъ, и наполнятся гумна ваша пшеницѣ, пролѣются точила винная и масляная, и въздамъ вамъ за лѣта, яже по-яша пружи, и хрустове, и гусениця; сила моя великая, юже послахъ на вы, глаголеть Господь Вседержитель. Си слышаще, възстатемъся на добро, взищѣте суда, избавите обидимаго, на покаянѣе придемъ, не въздающе зла за зло, ни

клеветы за клевету, но любовью прилѣпимся Господи Бозѣ нашемъ, постомъ и рыданьемъ и слезами омывающе вся прегрѣшенья наша, не словомъ нарицающесея хрестьяни, а поганьскы живуще. Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, ли единецъ, ли свинью; то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволу наученью кобъ сію держать; друзіи же и заханью вѣрують, еже бываетъ на здравье главѣ. Но сими дьяволъ лститъ, и другими нравы, всячьскыи лестьми превабля ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русалби. Видимъ бо игрища утолочена, и людій много множество на нихъ, яко упахати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленаго дѣла, а церкви стоятъ; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви. Да сего ради казни приемлемъ отъ Бога всячскыя, и нахоженье ратныхъ, по Божью повелѣнью приемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ. Мы же на подлежащее паки възвратимся. Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье Кыевстїи прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшесе ко князю: „се Половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся съ ними“. Изяславъ же сего не послуша. И начаша людье говорити на воеводу на Коснячька; идоша на гору, съ вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячиславля и рѣша: „пойдемъ, высадимъ дружину свою изъ погреба“. И раздѣлишася надвое; половина ихъ иде къ погребу, а половина ихъ иде по мосту; си же придоша на княжь дворъ. Изяславу же сѣдящу на сѣнехъ съ дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ. Стояще долѣ, князю же изъ оконця зрящю и дружинѣ стоящи у князя, рече Тукы, братъ Чюдинъ, Изяславу: „видиши, княже, людье възвыли; послѣ, ать Всеслава блюдутъ“. И се ему глаголющю, другая половина людій приде отъ погреба, отворивше погребъ; и рекоша дружина князю: „се зло есть; послѣ ко Всеславу, ать призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и мечемъ“. И не

послуша сего князь. Людье же кликнуша и идоша къ порубу Всеслави; Изяславъ же се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста съ двора, людье же высѣкоша Всеслава изъ поруба, въ 15 день сентября, и поставиша и средѣ двора князя; дворъ жь князь разграбиша, безчисленное множество злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяславъ же бѣжа въ Ляхы. Посемъ же Половцемъ воюющимъ по землѣ Русьстѣ, Святославу сущю Черниговѣ, и Половцемъ воюющимъ около Чернигова, Святославъ же собравъ дружины нѣколико, изиде на ня ко Сновьску. И узрѣша Половци идущъ полкъ, пристроишася противу; и видѣвъ Святославъ множество ихъ, и рече дружинѣ своей: „потягнемъ, уже намъ нелзѣ камо ся дѣти“, и удариша в конѣ; и одолѣ Святославъ въ трехъ тысячахъ, а Половецъ бѣ 12 тысячѣ, и тако бѣеми, а друзи потопоша въ Снови, а князя ихъ яша рукама, въ 1 день ноября, и възвратися съ побѣдою въ градъ свой Святославъ. Всеславъ же сѣде Кыевѣ. Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я и, тѣмже наведе Богъ поганья, сего же явѣ избави крестъ честный. Въ день бо Въздвиженья Всеславъ вздохнувъ рече: „о кресте честный! понеже къ тобѣ вѣровахъ, избави мя отъ рва сего“.

1068. Въ лѣто 6577. Поиде Изяславъ с Болеславомъ на Всеслава, Всеславъ же поиде противу; и приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши ноци, утаивъся Кьянъ бѣжа из Бѣлгорода Полотьску. Заутра же видѣвше людье князя бѣжавша, възвратишася Кыеву, и створиша вѣче, и послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: „мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны Лядьскую землю, а пойдѣта в градъ отца своего; аще ли не хочета, то намъ неволя: зажегше градъ свой, ступимъ въ Гречьску землю“. И рече имъ Святославъ: „вѣ послевѣ к брату своему; аще поидеть на вы с Ляхы губити васъ, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити града отца своего; аще ли хочеть с миромъ, то в малѣ придетъ дружинѣ“. И утѣшиста Кьяны. Святославъ же и Всеволодъ посласта къ Изя-

славу, глаголюща: „Всеславъ ти бѣжалъ, а не води Ляховъ Кыеву, противна бо ти нѣту; аще ли хоцещи гнѣвъ имѣти и погубити градъ, то вѣси, яко нама жаль отня стола“. То слышавъ Изяславъ, остави Ляхы и поиде с Болеславомъ, мало Ляховъ поимъ; посла же предъ собою сына своего Мьстислава Кыеву. И пришедъ Мьстиславъ, исѣче Кияны, иже бѣша высѣкли Всеслава, числовъ 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ. Изяславу же идущю къ граду, изидоша людье противу с поклономъ, и прияша князь свой Кыяне, и сѣде Изяславъ на столѣ своемъ, мѣсяца мая въ 2 день. И распуща Ляхы на покормъ, и избиваху Ляхы отай; и възвратися в Ляхы Болеславъ, в землю свою. Изяславъ же възгна торгъ на гору, и прогна Всеслава ис Полотьска, посади сына своего Мьстислава Полотьскѣ; онъ же вскорѣ умре ту, и посади въ его мѣсто брата его Святополка, Всеславу же бѣжавшю.

1071. Въ лѣто 6579. Воеваша Половци у Ростовьця и у Неятина. В се же лѣто выгна Всеславъ Святополка ис Полотьска. В се же лѣто побѣди Ярополкъ Всеслава у Голотичьска. В си-же времена приде волхвъ, прелщень бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаше, сице повѣдая людемъ: яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися; его же невѣгласи послушаху, вѣрнии же смеяхуться, глаголюще ему: „бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ“. Се же и бысть ему: въ едину бо ноць бысть безъ вѣсти. Бѣси бо подтокше на зло вводятъ, посемъ же насмисаються, ввергъше и в пропасть смертную, научивше глаголати, якоже се скажемъ бѣсовское наущенье и дѣйство. Бывши бо единою скудости в Ростовьстѣй области, вѣстаста два волхва отъ Ярославля, глаголюща: „яко вѣ свѣвѣ, кто обилье держитъ“; и поидоста по Волзѣ, кдѣ придуча в погостъ, туже нарекаста лучшиѣ жены, глаголюща, яко си жито держитъ, а си медъ, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима

сестры своя, матере и жены своя; она же в мечтѣ прорѣ-
завша за плечемъ, вынимаста любо жито, любо рыбу, и уби-
вашета многы жены, и имѣнье ихъ отымашета собѣ. И при-
доста на Бѣлоозеро; и бѣ у нею людей инѣхъ 300. В се же
время приключися прити отъ Святослава дань емлюцю Яне-
ви, сыну Вышатину; повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два ку-
десника избила уже многы жены по Волъзѣ и по Шекснѣ, и
пришла еста сѣмо. Янъ же испытавъ, чья еста смерда, и
увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею
суть, рече имъ: „выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста
моего князя“. Они же сего не послушаша. Янъ же поиде
самъ безъ оружья, и рѣша ему отроци его: „не ходи безъ
оружья, осоромять тя“; онъ же повелѣ взяти оружья отро-
комъ, и бѣста 12 отрока с нимъ, и поиде к нимъ к лѣ-
су. Они же сташа исполчившеса противу, Яневи же идущю
с топорцемъ, выступиша отъ нихъ 3 мужи, придоша къ
Яневи, рекуще ему: „вида идеши на смерть, не ходи“; оно-
му повелѣвшю бити я, к прочимъ же поиде. Они же су-
нушася на Яня, единъ грѣшися Яня топоромъ, Янъ же обо-
ротя топоръ удари и тыльемъ, повелѣ отрокомъ сѣчи я; они
же бѣжаша в лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янъ же
вшедъ в градъ к Бѣлозерцемъ, рече имъ: „аще не имете
волхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто“. Бѣлозерци же
шедше яша я, и приведоша я къ Яневи. И рече има: „что
ради погубиста толико человекъ“? Онѣма же рекшема: „яко
ти держать обилъе, да аще истребивѣ сихъ, будетъ гобино;
аще ли хоцеша, то предъ тобою вынемѣве жито, ли рыбу,
ли ино что“. Янъ же рече: „по истинѣ лжа то; створилъ
Богъ человекъ отъ землѣ, сставленъ костями и жылами отъ
кrove, нѣсть в немъ ничтоже, и не вѣсть никтоже, но токь-
мо единъ Богъ вѣсть“. Она же рекоста: „вѣ вѣвѣ, како
есть человекъ створенъ“. Онъ же рече: „како“? Она же ре-
коста: „Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отерся
вѣхтемъ, и верже съ небесе на землю; и распрѣся сотона
съ Богомъ, кому въ немъ створити человекъ? и створи дья-

воля человека, а Богъ душу во нь вложи; тѣмже аще умреть человекъ, в землю идетъ тѣло, а душа к Богу“. Рече има Янь: „поистинѣ прельстиль васъ есть бѣсъ; коему Богу вѣруета“? Она же рекоста: „антихресту“. Онъ же рече има: „то кдѣ есть“? Она же рекоста: „сѣдить въ безднѣ“. Рече има Янь: „какой то Богъ, сѣдя в безднѣ? то есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси, сѣдяй на престолѣ, славимъ отъ ангель, иже предстоятъ ему со страхомъ, не могуще на нь зрѣти; сихъ бо ангель сверженъ бысть, егоже вы глаголета антихрестъ, за величанье его низверженъ бысть съ небесе, и есть въ безднѣ, якоже то вы глаголета, жда, егда придетъ Богъ съ небесе, сего имъ антихреста свяжетъ узами и посадить и, емъ его съ слугами его и иже къ нему вѣрують; вама же и сде муку пріяти отъ мене, и по смерти тамо“. Онѣма же рекшема: „нама бози повѣдаютъ, не можеши нама створити ничтоже“. Онъ же рече има: „лжють вама бози“. Она же рекоста: „нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеши створити ничтоже“. Янь же повелѣ бити я, и поторгати брадѣ ею. Сима же тепенома и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ, рече има Янь: „что вама бози молвятъ“? Онѣма же рекшема: „стати намъ предъ Святославомъ“. И повелѣ Янь вложити рубль въ уста има, и привязати я къ упругу, и пусти предъ собою лодѣ, и самъ по нихъ иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янь: „что вамъ бози молвятъ“? Она же реста: „сице нама бози молвятъ, не быти нама живымъ отъ тебе“. И рече има Янь: „то ти вама право повѣдали“. Она же рекоста: „но аще на пустиши, много ти добра будетъ; аще ли наю погубиши, многу печаль примеша и зло“. Онъ же рече има: „аще ваю пуцю, то зло ми будетъ отъ Бога; аще ль васъ погублю, то мзда ми будетъ“. И рече Янь повозникомъ: „ци кому васъ кто родинѣ убьенъ отъ сею“? Они же реша: „мнѣ мати, другому сестра, иному роженъе“. Онъ же рече имъ: „мьстите своихъ“. Они же поимше, убиша я и повѣсиша я на дубѣ: отмьстье примша отъ Бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, въ

другую ночь медвѣдь възлѣзъ, угрызъ ею и снѣсть; и тако погыбнуста наущеньемъ бѣсовьскимъ, инѣмъ вѣдуща, а своя пагубы не вѣдуща. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, идеже ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: „не умрети нама“, оному мыслящю убити я? Но се есть бѣсовьское наущение; бѣси бо не вѣдятъ мысли челоувѣчьскыя, но влагають помысль въ челоувѣка, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья челоувѣчьская, бѣси же не свѣдаютъ ничтоже, суть бо немощни и худи взоромъ. Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о омраченьи ихъ. Въ си бо времена, въ лѣта си, приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чудь, и приде къ кудеснику, хотя волхвованья отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдящу на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцѣпѣвъ, и шибѣ имъ бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородцю: „бози не смѣють прити, нѣчто имаши на собѣ, его же боятся“. Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ храмины тое; онъ же нача опять призывати бѣсы; бѣси же метавше имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть. Посемъ же поча прашати его: „что ради боятся его, его же се носимъ на собѣ креста“? Онъ же рече: „то есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся“. Онъ же рече: „то каци суть бози ваши, кде живутъ“? Онъ же рече: „въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имущѣ, всходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо бози на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людѣй, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираетъ, то носимъ къ нашимъ богомъ въ бездну“. Якоже и есть: грѣшници бо въ адѣ суть, ждущѣ муки вѣчныя, а праведници въ небеснѣмъ жилищѣ водваряются со ангелы. Сиця ти есть бѣсовьская сила, и лѣпота, и немощь; тѣмъ же прелщаютъ челоувѣкы, веляще имъ глаголати видѣнья, являющѣся имъ несвершенымъ вѣрою, являющѣся во снѣ, инѣмъ въ мечтѣ, и тако волхвуютъ наущениемъ бѣсовьскимъ.

Паче же женами бѣсовская волъшвенья бывають; искони бо бѣсъ жену прелсти, си же мужа, тако въ вси роди много волхвуютъ жены чародѣйствомъ, и отравою, и инѣми бѣсовскими козньми. Но и мужи прелщени бывають отъ бѣсовъ невѣрнии, яко се въ первыя роды при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ, иже творяше волшьствомъ псомъ глаголати чловѣчьски, и самъ премѣняшется, ово старъ, ово молодъ, ово ли и иного премѣняше во иного образъ, въ мечтаньи сице творяше; Анънии и Мамъврий волъшвеньемъ чюдеса творяшеть противу Моисіови, но вскорѣ не възмогоста противу Моисіови; но и Конобъ творяше мечтанье бѣсовско, яко и по водамъ ходити, ина мечтанья творяше, бѣсомъ лстимъ, на пагубу собѣ и инѣмъ. Сиць бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголетъ бо людемъ, творяся акы Богъ, многы прельсти, мало не всего града: глаголашеть бо, яко „провѣде вся“, и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашеть бо: „яко переиду по Волхову предъ всѣми“. И бысть мятежь въ градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста рекъ: „иже хочеть вѣру яти волхву, то да идетъ за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идетъ“. И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва; и бысть мятежь великъ межи ими. Глѣбъ же возма топоръ подъ skutомъ, приде къ волхву и рече ему: „то вѣси ли, что утро хочеть быти, и что ли до вечера“? Онъ же рече: „провѣде вся“. И рече Глѣбъ: „то вѣси ли, что ти хочеть быти днесъ“? „Чюдеса велика створю“, рече. Глѣбъ же вынемъ топоръ, ростя и, и паде мертвъ, и людье разидошася; онъ же погыбе тѣломъ и душею, предавъся дьяволу.

1072. Въ лѣто 6580. Пренесоша святая страсотерпця Бориса и Глѣба. Совокупившеся Ярославичи, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, митрополитъ иже тогда бѣ Георги, епископъ Петръ Переяславскый, Михайль Гургевскый, Θεодосий же игумень Печерскый, Софроний святаго Михаила игу-

мень, Германъ игумень святаго Спаса, Никола игумень Переяславскый, и вси игумени, и створше праздникъ, праздноваша свѣтло, преложиша я въ новую церковь, юже сдѣла Изяславъ, яже стоитъ и нынѣ. И взяше первое Бориса въ древянѣ рацѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, взяше на рама своя понесоша, предъидущимъ черноризцемъ, свеща держаще въ рукахъ, и по нихъ дьякони съ кадилы, и посемъ презвитери, и по нихъ епископи съ митрополитомъ; по сихъ съ ракою идяху. И принесше въ новую церковь, отверзоша раку, исполнися благоуханья церкы, воня благы; видѣвше же се, прославиша Бога. И митрополита ужась обиде, бѣ бо нетвердъ вѣрою къ нима; и падъ ниць, просяше прощенья. Цѣловавше мощи его, вложиша и въ раку камену. Посемъ же взяше Глѣба въ рацѣ каменѣ, вставиша на сани, и емше за ужа везоша и; яко быша въ дверехъ, ста рака, и не иде. И повелѣша народу възвати: „Господи помилуй“, и повезоша и; и положиша я мѣсяца мая 2 день. И отпѣвше литургию, обѣдаша братья на скупь, каждое съ бояры своими, съ любовью великою. И бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазорь. Посемъ же разидошася въсвосяси.

1073. Въ лѣто 6581. Въздвиге дьяволъ котору въ брати сей Ярославичихъ. Бывши распри межи ими, быста съ себе Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава; изиде Изяславъ изъ Кыева, Святославъ же и Всеволодъ внидоста въ Кыевъ, мѣсяца марта 22, и сѣдоста на столѣ на Берестовомъ, преступивша заповѣдь отню. Святославъ же бѣ начало выгнанью братню, желая болшее власти; Всеволода бо прелсти, глаголя: „яко Изяславъ сватится со Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не варивѣ, имать насъ прогнати“; и тако взостри Всеволода на Изяслава. Изяславъ же иде въ Ляхы со имѣньемъ многымъ, глаголя: „яко симъ налѣзу вои“. Еже все взяша Ляхове у него, показавше ему путь отъ себе. А Святославъ сѣде Кыевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же Божью....

1074. Въ лѣто 6582. Θεодосій игуменъ Печерскій преста-
вися. Скажемъ же о успеньи его мало. Θεодосій бо обычай
имяше, приходящу постному времени, въ недѣлю Масленую,
вечерь, по обычаю цѣловавъ братью всю и поучивъ ихъ,
како проводити постное время въ молитвахъ нощныхъ и
дневныхъ, блюстися отъ помыслъ скверныхъ, отъ бѣсовъ-
скаго насѣянья; „бѣси бо“, рече, „насѣвають черноризцемъ
помышленья, похотѣнья лукава, вжагающе ему помыслы, и
тѣми врежаеми бывають имъ молитвы; да приходящая тако-
выя мысли възбраняти знаменемъ крестнымъ, глаголюще
сиде: Господи Исусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ,
аминь. И къ симъ воздержанье имѣти отъ многого брашна;
въ яденьи бо мнозѣ и пѣти безмѣрнѣ въздрастають помысли
лукави, помысломъ же въздратьшимъ стваряется грѣхъ.
„Тѣмже“, рече, „противитесе бѣсовскому дѣйству и про-
нырству ихъ, блюстися отъ лѣности и отъ многого сна,
бодру быти на пѣнье церковное, и на преданья отечская,
и почитанья книжная; паче же имѣти въ устѣхъ Псалтырь
Давыдовъ подобаеть черноризцемъ, симъ прогонити бѣ-
совское унынье, паче же имѣти въ собѣ любовь всѣмъ мен-
шимъ и къ старѣйшимъ покоренье и послушанье, старѣйшимъ
же къ меньшимъ любовь и наказанье, и образъ бевати собою
въздержаньемъ и бдѣньемъ, хоженьемъ, и смѣреньемъ; тако
наказывати меньшая, и утѣшати я, и тако проводити постъ“.
Глаголетъ бо сиде: „яко Богъ далъ есть намъ 40 дний сія
на очищенье души; се бо есть десятина даема отъ лѣта
Богу: дний бо есть отъ года до года 300 и 60 и 5, а отъ
сихъ дний десятый день въздаяти Богови десятину, еже есть
постъ 40-тний, въ ня же дни очистившися душа, празднуеть
свѣтло на Воскресенье Господне, веселящися о Бозѣ. Постное
бо время очищаеть умъ чловѣку. Пощенье бо исперва про-
ображено бысть: Адаму первое не вкушати отъ древа еди-
ного; постивъбося Моиси дний 40, сподобися пріяти законъ
на горѣ Синаистѣй, и видѣ славу Божью; постомъ Самоила
мати роди; постившесе Ниневгитяне гнѣва Божья избыша;

постився Данилъ видѣнья велика сподобися; постивъся Илья акы на небо взять бысть, въ пищу породную; постившеся 3 отроци угасиша силу огньную; постивъся и Господь 40 днѣй, намъ показа постное время; постомъ Апостоли искорениша бѣсовское ученье; постомъ явишася Отци наши акы свѣтила въ мѣрѣ, иже сіяють и по смерти, показавше труды великыя и вздержанье, яко се великый Антоній, и Еуѳимій, и Сава, и прочіи Отци, ихъ же мы поревнуемъ, братья“. И снѣ поучивъ братью, цѣлова вся по имени, и тако изидяше изъ монастыря, взимая мало коврижекъ; и вшедъ въ пещеру, и затворяше двери пещерѣ и засыпаше перстью, и не глаголаше никомуже; аще ли будяше нужное орудье, то оконцемъ малымъ бесѣдоваше, въ субботу ли въ недѣлю, а во инни дни пребываше въ постѣ и въ молитвахъ, вздержася крѣпко. И приходяше въ монастырь въ пятокъ на канунъ Лазаревъ; въ сей бо день кончается постъ 40 днѣй, начинаемъ отъ перваго понедѣльника наставши Ѳеодоровы недѣли, кончаваеъ же ся въ пятокъ Лазаревъ; а страстная недѣля уставлена есть поститися страстїй ради Господень. Ѳеодосьеви же пришедшю по обычаю братью цѣлова и празднова съ ними недѣлю Цвѣтную, и дошедъ велика дне Воскресенья, по обычаю празднова свѣтло, и впаде въ болѣзнь. Разболѣвшю бо ся ему и болѣвшю днѣй 5, посемь бывшю вечеру, повелѣ изнести ся на дворъ; братья же взяше и на сани, поставиша и прямо церкви; онъ же повелѣ звати братью всю, братья же ударивше въ било, и собрася вси. Онъ же рече имъ: „братья моя, и отци мои, и чада моя! се азъ отхожю отъ васъ, якоже яви ми Господь въ постное время, въ пещерѣ сущю ми, изити отъ свѣта сего; вы же кого хотите игуменомъ имѣти собѣ, да и азъ благословленье подалъ быхъ ему“? Они же рекоша: „ты еси намъ всѣмъ отецъ, да его же изволиши самъ, то намъ буди отецъ и игумень; и послушаемъ его яко и тебе“. Отецъ же нашъ Ѳеодоси рече: „шедше кромѣ мене нарыцѣте, его же хотите, кромѣ двою брату Николы и Игната; въ прочихъ кого хотите отъ старѣйшихъ

и до меншихъ“. Они послушавше его, отступивше мало къ церкви, сдумавше послаша брата два, глаголюще сиче: „его же изволить Богъ и твоя честная молитва, его же тобѣ любо, того нарци“. Θεодосій же рече имъ: „да аще отъ мене хотите игумена пріяти, то азъ створю вамъ не по своему изволенью, но по Божью строенью“; и нарече имъ Іакова презвитера. Братъи же нелюбо бысть, глаголюще: „яко не здѣ есть постриженъ;“ бѣ бо Іаковъ пришелъ съ Летьца съ братомъ своимъ Пауломъ. И начаша братъя просити Стефана деместника, суща тогда ученика Θεодосьева, глаголюще: „яко сесь взроslъ есть подъ рукою твоею, и у тебе послужилъ есть; сего ны вдай“. Рече же имъ Θεодосій: „се азъ, по Божью повелѣнью, нареклъ бяхъ Іакова; се же вы свою волю створити хотите“. И послушавъ ихъ, предасть имъ Стефана, да будетъ имъ игумень; и благослови Стефана, и рече ему: „чадо! се предаю ти монастырь, блюди со опасеньемъ его, и яже устроишь въ службахъ, то держи; преданья монастырская и устава не измѣняй, но твори вся по закону и по чину монастырску“. И посемъ взявше и братъя, несоша въ келью и положиша на одрѣ. И шестому дни наставшю, болну сущю велми, приде къ нему Святославъ с сыномъ своимъ Глѣбомъ; и сѣдящема има у него, рече ему Θεодосій: „се отхожю свѣта сего, и се предаю ти монастырь на соблюденье, еда будетъ что смятенье въ немъ; и се поручаю игуменьство Стефану, не дай его въ обиду“. Князь же цѣловавъ его, и обѣщася пещися монастыремъ, и иде отъ него. Семому же дни пришедшю, призва Стефана и братъю, уже изнемагающю, и нача имъ глаголати сиче: „аще по моемъ отшествіи свѣта сего, аще буду Богу угодилъ и пріалъ мя будетъ Богъ, то по моемъ отшествіи монастырь ся начнетъ строити и прибывати въ немъ: то вѣжьте, яко пріалъ мя есть Богъ; аще ли, по моей смерти, оскудѣвати начнетъ монастырь черноризци и потребами монастырскими, то вѣдуще будете, яко не угодилъ есмь Богу“. И се ему глаголющю, плакахуся братъя, глаголюще: „отче! молися за ны

къ Богу; вѣмы бо, яко Богъ труда твоего не презреть“. И пресѣдящи братьѣ ношъ ту у него, и наставшю дни осмому, въ 2 суботу по Пасцѣ, въ часъ 2 дне, предасть душу въ руцѣ Божіи, мѣсяця мая въ 3 день, индикта въ 11 лѣто; плакашася по немъ братья. Бѣ же Θεодосій заповѣдалъ положить ся въ печерѣ, идѣже показа труды многы, рекъ сице: „въ ночь похороните тѣло мое“, якоже и створиша; вечеру бо приспѣвшю, братья взяше тѣло его, и положиша и въ печерѣ, проводивше съ пѣсньми, съ свѣщами, честно, на хвалу Богу нашему Исусу Христу. Стефану же предержащю монастырь, и блаженое стадо, еже бѣ совокупилъ Θεодосій, такы чернѣцѣ яко свѣтила въ Руси сѣяють: ови бо бяху постници крѣпци, ови же на бдѣнье, ови на кланянье колѣньное, ови на пощенье чрезъ день и чрезъ два дни, ини же ядуще хлѣбъ съ водою, ини зелье варено, друзіи сыро. Въ любви пребывающе, меншіи покаряющеса старѣйшимъ и не смѣюще предъ ними глаголати, но все съ покореньемъ и съ послушаньемъ великимъ; такоже и старѣйшіи имяху любовь къ меншимъ, наказуху, утѣшающе, яко чада възлюбленая. Аще который братъ въ етеро прегрѣшенъе впаде, утѣшаху и епитемью единого брата раздѣляху 3 ли, 4, за великую любовь: такова бо баше любви въ братѣи той, и въздержанъе велико. Аще братъ етеръ выидяше изъ монастыря, вся братья имяху о томъ печаль велику; посылаючи по нь, призываху брата къ монастырю, шедше вси кланяхуся игумену, и моляху игумена, и пріимаху брата въ монастырь съ радостью. Тацѣ бо бѣша любовници, и въздержьници, и постници, отъ нихъ же намѣню нѣколико мужъ чюдныхъ. Яко се первый Демьянъ прѣзвутерь: баше тако постникъ и въздержникъ, яко развѣ хлѣба ти воды ясти ему до смерти своя. Аще кто коли принесаше дѣтищъ боленъ, кацѣмъ любо недугомъ одержимъ принесяху въ монастырь, ли свершенъ человекъ, кацѣмъ любо недугомъ одержимъ, приходяше въ монастырь къ блаженому Θεодосію: повелѣваше сему Дамьяну молитву створити болящему; и абѣ створяше мо-

литву и масломъ помазаше, и приимаху ицѣленье приходящии къ нему. Разболѣвшю же ся и конецъ пріяти лежащю ему въ немощи; приде ангелъ къ нему въ образѣ Θεодосьевѣ, даруя ему царство небесное за труды его; посемъ же приде Θεодосій съ братьею, и присѣдаху у него, оному же изнемагающю, възрѣвъ на игумена рече: „не забывай, игумене, еже ми еси обѣщаль“; и разумѣ великій Θεодосій, яко видѣнье видѣлъ, и рече ему: „брате Дамьяне! еже есмь обѣщаль, то ти буди“. Онъ же сомжаривъ очи, предасть духъ въ руцѣ Божіи; игумень же и братья похорониша тѣло его. Такъже бѣ и другой братъ, именемъ Еремія, иже помняше крещенье землѣ Русьскыя. Сему бѣ даръ дарованъ отъ Бога: проповѣдаше предибудущая, и аще кого видяше въ помышленьи, обличаше и втайнѣ и наказаше блюстися отъ дьявола; аще который братъ умышляше ити изъ монастыря, и узряше и, пришедъ къ нему, обличаше мысль его и утѣшаше брата; аще кому что речаше, ли добро, ли зло, сбудяшется старче слово. Бѣ же и другой старецъ, именемъ Матѣй: бѣ прозорливъ. Единою бо ему стоящю въ церкви на мѣстѣ своемъ, възведъ очи свои, позрѣ по братьи, иже стоятъ поюще по обѣма странама на крилосѣ, и видѣ обиходяща бѣса, въ образѣ Ляха, въ лудѣ, и носяща въ приполѣ цвѣтки, иже глаголется лѣпокъ. И обиходя подлѣ братью, взимая из лона лѣпокъ, вержаше на кого любо: аще прилняше кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братья, мало постоявъ и разслабленъ умомъ, вину створь каку любо, изидяше ис церкви, шедъ въ келью, и усняше, и не възвратяшется въ церковь до отпѣтья; аще ли вержаше на другаго, и не прилняше къ нему цвѣтокъ, стояше крѣпокъ въ пѣньи, дондеже отпояху утренюю, и тогда изидяше въ келью свою. Се же вида старецъ, повѣдаше братьи своей. Паки же видѣ старецъ се: по обычаю бо сему старцю отстоявшю утренюю, предъ зорями, идоша по кельямъ своимъ, съ же старецъ послѣ исхожаше ис церкви. Идущю же ему единою, сѣде опочивая подъ биломъ, бѣ бо келья его подалѣ церкви, видѣ се, яко толпа поиде отъ во-

ротъ; възведъ очи свои, видѣ единого сѣдяща на свиньи, а другія текуща около его. И рече имъ старецъ: „камо идете“? и рече сѣдя на свиньи бѣсъ: „по Михалю по Тольбековича“. Старецъ же знаменася крестнымъ знаменьемъ, и приде въ келью свою; яко бысть свѣтъ, и разумѣ старецъ, рече келейнику: „иди, впрашай, е ли Михаль въ кельи“? и рѣша ему: „яко давѣ скочилъ есть со столпья по заутрени“. И повѣда старецъ видѣнье се игумену и брати. При семъ бо старци Θεодосій преставися, и бысть Стефанъ игумень и по Стефанѣ Никонъ, сему и еще сущю старцю. Единою ему стоящю на утрени, възведъ очи свои, хотя видѣти игумена Никона: и видѣ осла стояща на игумени мѣстѣ, и разумѣ, яко не всталъ есть игумень. Такоже и ина многа видѣнья провидѣ старецъ, и почи въ старости добрѣ въ монастыри семь. Яко се бысть другій черноризецъ, именемъ Исакій, якоже и еще сущю ему въ мѣрѣ, въ жити мирьстѣмъ, и богату сущю ему, бѣ бо купецъ родомъ Торопечанинъ, и помысли быти мнихъ, и раздая имѣнье свое требующимъ и монастыремъ, и иде къ великому Антоню въ пещеру, моляся ему, дабы и створилъ черноризцемъ; и пріять и Антоній, и възложи на нь порты чернецкыя, нарекъ имя ему Исакій, бѣ бо имя ему Чернь. Се же Исакій воспріять житие крѣпко: облече бо ся во власяницю, и повелѣ купити собѣ козелъ, и одрамѣхомъ козелъ и възвлече на власяницю, и осше около его кожа сыра; и затворися въ пещерѣ, въ единой улици, въ кельици малѣ, яко четыре лакоть, и ту моляше Бога со слезами; бѣ же ядь его проскура едина, и та же черезъ день, воды въ мѣру пьаше. Приносяшеть же ему великій Антоній, и подаваше ему оконцемъ, яко ся вмѣсташе рука: тако приимаше пищу. И того створи лѣтъ 7: на свѣтъ не вылазя, ни на ребрѣхъ не легавъ, но сѣдя мало приимаше сна. И единою, по обычаю, наставшю вечеру, поча кланятися, поя псалмы, оли и до полунощья; яко трудяшеться, сѣдѣше на сѣдалѣ своемъ. Единою же ему сѣдящю, по обычаю, и свѣщю угасившю, внезапно свѣтъ восья, яко отъ солнца въ

печерѣ, яко зракъ вынимая человѣку; и поидоста 2 уноши къ нему красна и блистаща лице ею акы солнце, и глаголаста къ нему: „Исакіе! вѣ есвѣ ангела, а се идетъ къ тобѣ Христосъ; падъ поклонися ему.“ Онъ же не разумѣ бѣсовскаго дѣйства, ни памяти прекреститися; выступивъ поклонися, акы Христу, бѣсовску дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣша: „нашь еси, Исакіе, уже;“ введше и въ кельицу, и посадиша и, и начаша садитися около его, и бысть полна келья ихъ и улица печерская. И рече единъ отъ бѣсовъ, глаголемый Христосъ: „възмѣте сопѣли, бубны и гусли, и ударяйте; атъ ны Исакій спляшетъ.“ И удариша въ сопѣли, въ гусли и въ бубны, начаша имъ играти; и утомивше и, оставиша и оле жива и отъидоша, поругавшеса ему. Заутра же бывшую свѣту и приспѣвшю вкушенью хлѣба, приде Антоній по обычаю къ оконцю, и глагола: „Господи благослови, отче Исакіе!“ и не бысть отвѣта; и рече Антоній: „се уже преставился есть“. И посла въ монастырь по Θεодосья и по братью. И откопавше, кде бѣ загражено устье, пришедше взяша и, мертва мняще, и вынесше положиша и предъ пещерою; и узрѣша яко живъ есть, и рече игумень Θεодосій: „яко се имать быти отъ бѣсовскаго дѣйства“; и положиша и на одрѣ; и служаше около его Антоній. Въ си же времена приключися прити Изяславу изъ Ляховъ, нача гнѣватися Изяславъ на Антонья изъ Всеслава; и приславъ Святославъ, въ ночь поя Антонья Чернигову. Антоній же пришедъ къ Чернигову, възлюби Болдины горы, ископавъ пещеру, ту ся всели; есть ту монастырь святое Богородицы, на Болдиныхъ горахъ, и до сего дни. Θεодосій же увѣдавъ, яко Антоній шель Чернигову, шедъ съ братьею взя Исакія, и принесе и къ собѣ въ келью и служаше около его; бѣ бо раслабленъ тѣломъ, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни встати, ни сѣдѣти, но лежаше на единой сторонѣ.... многожды и червѣе въкыняхуся ¹⁾ подъ бедру ему. Θεодосій же самъ

¹⁾ Въ одномъ спискѣ „вмѣтахуся“. Миклошичъ читаетъ „выкиняхуся“.

своима рукама омываше и спряташеть и; за 2 лѣта се сотвори около его. Се же бысть дивно, чудно: яко за два лѣта лежа сій ни хлѣба не вкуси, ни воды, ни овоща, ни отъ какаго брашна, ни языкомъ проглагола, но нѣмъ и глухъ лежа за два лѣта. Θεодосій же моляше Бога за нь, и молитву творяше надъ нимъ день и ношь, дондеже на 3-е лѣто проглагола, и слышати и на ноги нача вставати акы младенець, и нача ходити. И не брежаше въ церковь ходити, нужею привлечухуть и къ церкви; и тако по-малу научиша и; и по-семъ научися на трапезницу ходити, и посажаху и кромѣ братьи, и положяху предъ нимъ хлѣбъ, и не възмяше его, по ли вложить въ руцѣ ему. Θεодосій же рече: „положите хлѣбъ предъ нимъ, а не вкладайте въ руки ему, ать самъ ѣсть,“ и не бреже за недѣлю ясти, и помалу оглядавъся кусаше хлѣба, тако научися ясти. И тако избави и Θεодосій отъ козни дьяволя. Исакій же воспріять въздержанье пакы жестоко. Θεодосію же преставльшюся, и Стефану въ него мѣсто бывшю, Исакій же рече: „се уже прелстилъ мя еси былъ, дьяволе, сѣдяща на единомъ мѣстѣ; а уже не имамъ ся затворити въ пещерѣ, но имамъ тя побѣдити ходя въ монастырѣ.“ И облечеса въ власяницу, и на власяницу свиту вотолану, и нача уродство творити; и помагати поча поваромъ, варя на братью. И на заутреню ходя преже всѣхъ, стояше крѣпко и неподвижимо; егда же приспѣяше зима и мрази лютии, стояше въ прабошняхъ въ черевьяхъ въ протоптанныхъ, яко примерзняшета позѣ его къ камени, и не двигаше ногама, дондеже отпояху заутреню. И по заутрени идяше въ поварьницу, и приготавлише огонь, воду, дрова; и придяху прочіи повари отъ братьѣ. Единъ же поваръ такоже бѣ именованъ тѣмъ же Исакій, и рече посмихаяся Исакію: „оно ти сѣдитъ вранъ черный, иди, ими, и“; онъ же поклонивъся ему до землѣ, шедъ я ворона и принесе ему предо всѣми повары, и ужасошася, повѣдаша игумену и братьи; и начаша братья чтити и. Онъ же, не хотя славы человѣчьскыя, нача уродство творити, и пакостити нача ово игумену, ово братьи, ово мѣрскимъ че-

ловѣкомъ, да друзіи раны ему даяху; и поча по міру ходити, такоже уродомъ ся творя. Вселися въ пещеру, въ ней же преже былъ, уже бо Антоній преставился; и совъкупи къ собѣ уныхъ, и вскладаше на нь порты чернечьскыя, да ово отъ игумена Никона приимаше раны, ово отъ родитель тѣхъ дѣтскихъ, се же то все терпяше, приимаше раны и наготу, и студень, день и ношь. Въ едину бо ношь вжегъ пещь въ истопцѣ у пещеры: яко разгорѣся пещь, бѣ бо утла, и нача палати пламень утлизнами; оному же нѣчимъ заложити, вступль ногама босыма ста на пламени, дондеже изгорѣ пещь, излѣзе. И ина многа повѣдаху о немъ, а другое и самовидѣць быхъ. И тако взя побѣду на бѣсы, яко и мухы нивочтоже имяше страшенья ихъ, и мечтанья ихъ, глаголашеть бо къ нимъ: „аще мя бѣсте прелстили въ пещерѣ первое, понеже не вѣдахъ козний вашихъ и лукавства; нонѣ же имамъ Господа Исуса Христа и Бога моего и молитву отца моего Θεодосья, надѣюся на Христа имамъ побѣдити васъ.“ Многажды бо бѣси пакости дѣяху ему, и глаголаху: „нашь еси, и поклонился еси нашему старѣйшинѣ и намъ;“ онъ же глаголаше: „вашъ старѣйшина антихрестъ есть, а вы бѣсы есте“, и знаменаше лице свое крестнымъ образомъ: и тако исчезняху. Овогда же паки въ нощи прихожаху къ нему, страхъ ему творяще въ мечтѣ, яко се многъ народъ съ мотыками, и лыскарѣ, глаголюще: „раскопаемъ пещеру сию, и сего загребемъ здѣ“; они же глаголаху: „бѣжи, Исакіе, хотять тя загрести“, онъ же глаголаше къ нимъ: „аще бысте человекѣ были, то въ дне бы есте пришли, а вы есте тма, и во тмѣ ходите, и тма вы ятъ,“ и знамена я крестомъ, исчезнуша. Другоици бо страшахуть и въ образѣ медвѣжи, овогда же лютымъ звѣремъ, ово вълломъ, ово змѣй полозяху къ нему, ово ли жабы, и мыши и всякъ гадъ. И не могоша ему ничтоже створити, и рѣша ему: „Исакіе! побѣдилъ еси насъ.“ Онъ же рече: „якоже бѣсте мене вы первое побѣдили, въ образѣ Исусъ Христовѣ и въ ангельстѣмъ, недостойни суще того видѣнья; но се по истѣнѣ являетесь топерво въ образѣ звѣринѣмъ и скотьемъ, и змѣями,

и гадомъ, аци же и сами есте, скверни, и зли въ видѣннѣи;“ и абие погыбоша бѣси отъ него, и оттолѣ не бысть ему пакости отъ бѣсовъ, якоже самъ повѣдаше се: „яко се бысть ми за 3 лѣта брань си.“ Потомъ поча жити крѣплѣ и въздержанье имѣти, пощенье, и бдѣнье; и тако живуцю ему, сконча житье свое. И разболѣся въ печерѣ, и несоша и болна в монастырь, и до осмаго дне о Господѣ скончася; игумень же Иоанъ и братья спрятавшѣ тѣло его, и погребоша и. Тацити быша черноризци Θεодосьева монастыря, иже сияють и по смерти, яко свѣтила, и молятъ Бога за сдѣ сущюю братью, и за мирьскую братью, и за приносящая въ монастырь, в немже и доннѣ добродѣтельное житье живутъ, обще вси вкупѣ, в пѣннѣи и в молитвахъ и послушаннѣи, на славу Богу всемогущему, и Θεодосьевами молитвами соблюдаеми, ему же слава в вѣки, аминь.

1075. В лѣто 6583. Почата бысть церкы Печерская надъ основаньемъ Стефаномъ игуменомъ, изъ основанья бо Θεодосій почалъ, а на основани Стефанъ поча; и кончана бысть на третье лѣто, мѣсяца иуля 11 день. В се же лѣто придоша сли из Нѣмецъ къ Святославу, Святославъ же, величаяся, показа имъ богатство свое; они же видѣвшѣ бещисленое множество, злато, и сребро, и паволокы, и рѣша: „се ни въ чтоже есть, се бо лежить мертво; сего суть кметье луче, мужи бо ся доищють и болше сего“. Сиде ся похвали Иезекий, царь Июдѣйскъ, къ посломъ цесаря Асурійска, его же вся взята быша в Вавилонъ: тако и по сего смерти все имѣнье разсыпаса разно.

1076. Въ лѣто 6584. Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожь, и Олегъ, сынъ Святославль, Ляхомъ въ помочь на Чехы. Сего же лѣта преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца декабря 27, отъ рѣзанья желве, и положенъ Черниговѣ у святаго Спаса; и сѣде по немъ Всеволодъ на столѣ, мѣсяца генваря въ 1 день.

1077. Въ лѣто 6585. Поиде Изяславъ с Ляхы, Всеволодъ же поиде противу ему. Сѣде Борисъ Черниговѣ мѣсяца мая

4 день, и бысть княженья его 8 дний, и бѣжа Тмутороканю къ Романови. Всеволодъ же иде противу брату Изяславу на Волынь, и створиста миръ, и пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ, мѣсяца иуля 15 день; Олегъ же, сынъ Святославль, бѣ у Всеволода Черниговѣ.

1078. Въ лѣто 6586. Бѣжа Олегъ, сынъ Святославль, Тмутороканю отъ Всеволода, мѣсяца априля 10. В се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, въ Заволочіи; бѣ же Глѣбъ милостивъ убогимъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ; его же тѣло положено бысть Черниговѣ за Спасомъ, мѣсяца иуля 23 день. Сѣдящю Святополку въ него мѣсто Новѣгородѣ, сыну Изяславу, Ярополку сѣдящю Вышегородѣ, а Володимеру сѣдящю Смолинскѣ, приведе Олегъ и Борисъ поганья на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода съ Половци. Всеволодъ же изиде противу има на Съжицѣ, и побѣдиша Половци Русь, и мнози убьени быша ту: убьенъ бысть Иванъ Жирославичъ, и Туки, Чюдинъ братъ, Порѣй, и ини мнози, мѣсяца августа въ 25. Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русьскѣй много зла створше, проливше кровь хрестьяньску, ея же крове вищеть Богъ отъ руку ею, и отвѣтъ дати има за погубленна душа хрестьяньскы. Всеволодъ же приде къ брату своему Изяславу Киеву, цѣловавшася и сѣдоста; Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И рече ему Изяславъ: „брате! не тужи; видиши ли, колико ся мнѣ склучи: первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? и пакы, кую вину вторую створилъ бѣхъ, не изгнанъ ли бѣхъ отъ ваю брату своею? не блудилъ ли бѣхъ по чюжимъ землямъ, имѣнья лишенъ, не створихъ зла ничтоже? И нынѣ, брате, не туживѣ; аще будетъ нама причастье въ Русьскѣй земли, то обѣма; аще лишена будевѣ, то оба; азъ сложю главу свою за тя“. И се рекъ, утѣши Всеволода, и повелѣ сбирати вои отъ мала до велика; и поиде Изяславъ съ Ярополкомъ, сыномъ своимъ, и Всеволодъ съ Володимеромъ, сыномъ своимъ. И поидоша къ

Чернигову, и Черниговци затворишася въ градѣ; Олегъ же и Борисъ не бяста. Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду; Володимеръ же приступи ко вратомъ восточнымъ, отъ стреженій, и отя врата и взяша градъ околнїй, и пожгоша и, людемъ же вбѣгшимъ въ дѣнѣшнїй градъ. Изяславъ же и Всеволодъ слышаста, яко идетъ Олегъ и Борисъ противу, Изяславъ же и Всеволодъ уранивше, поидоста отъ града противу Олгови. Рече же Олегъ къ Борисови: „не ходивѣ противу, не можевѣ стати противу четверемъ княземъ; но послівѣ съ молбою къ стремема своима“. И рече ему Борисъ: „ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ“; похваливъся велми, не вѣдый, яко Богъ гордымъ противится, смѣреннымъ даетъ благодать, да не хвалится сильный силою своею. И поидоста противу, и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нежатиѣ нивѣ, и сступившимся обоимъ, бысть сѣча зла: первое убиша Бориса, сына Вячеслава, похвалившася велми; Изяславу же стоящу въ пѣшцихъ, и внезапно приѣхавъ единъ, удари и копьемъ за плече; тако убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославль. Продолжене бывъши сѣчи, побѣже Олегъ въ малѣ дружинѣ, и одва утече; бѣжа Тмутороканю. Убьенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца октября въ 3 день; и взяше тѣло его, привезоша и въ лодыи и поставиша противу Городьцю, изиде противу ему весь городъ Кыевъ, и възложивше тѣло его на сани повезоша и, съ пѣснми попове и черноризци понесоша и въ градъ, и не бѣ лзѣ слышати пѣнѣя во плачи и велицѣ вопли, плакабося по немъ весь градъ Кіевъ; Ярополкъ же идяше по немъ, плачяся съ дружиною своею: „отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семь, многы напасти примъ отъ людїи и отъ братья своея? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою“; и принесше положиша тѣло его въ церкви святаыя Богородица, вложивъше и въ раку мраморяну. Бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду; не бѣ бо въ немъ лсти, но простъ мужъ умомъ, не

воздая зла за зло. Колико бо ему створиша Кіяне: самого выгнаша, а домъ его разграбиша, и не възда противу тому зла; аще ли кто дѣветъ вы: „сѣчець исѣче“, то не съ то створи, но сынъ его. Паки же брата его прогнаста и, и ходи по чюжей земли, блудя; и сѣдящю ему паки на столѣ своемъ, Всеволоду пришедшю побѣжену къ нему, не рече ему: „колико отъ ваю пріяхъ“? не вдасть зла за зло, но утѣши, рекъ: „елма же ты, брате мой, показа ко мнѣ любовь, введе мя на столъ мой и нарекъ мя старѣйшину собѣ, се азъ не помяну злобы первыя, ты ми еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя“, еже и бысть; не рече бо ему: „колико зла створиста мнѣ, и се нынѣ тобѣ ся склучи“, не рече: „се кромѣ мене“; но на ся перея печаль братню, показая любовь велику, свершая Апостола, глаголюща: утѣшайте печалныя. По истинѣ, аще что створилъ есть въ свѣтѣ семъ етеро согрѣшенъе, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости, ни имѣнья хотя болша, но за братню обиду. О сяковыхъ бо Господь рече: да кто положить душу свою за другы своя. Соломонъ же рече: братья въ бѣдахъ пособива бывають, любви бо есть выше всего. Якоже Іоанъ глаголетъ: Богъ любви есть, пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ; о семъ свершается любви, да достоянъе имама въ день судный, да якоже онъ есть, и мы есмы въ мѣръ семъ; боязни нѣсть въ любви, но свершена любви вонъ измещеть боязнь, яко боязнь мученъе иматъ, бояйжеса нѣсть свершенъ въ любви; аще кто речеть: люблю Бога, а брата своего ненавижу, ложъ есть, не любяй бо брата своего, его же видитъ, Бога, его же не видитъ, како можетъ любить? сію заповѣдь имама отъ него, да любяй Бога любить брата своего. Въ любви бо все свершается: любве ради и грѣси разсыпаются, любве бо ради сниде Господь на землю и распятъся за ны грѣшныя, вземъ грѣхы наша, пригвоздися на крестѣ, давъ намъ крестъ свой на прогнанъе ненависти бѣсовское; любве ради Мученици прольяха крови своя; любве

же ради сій князь проля кровь свою за брата своего, свершая заповѣдь Господню. Всеволодъ же сѣде Кыевѣ, на столѣ отца своего и брата своего, примъ власть Русьскую всю; и посади сына своего Володимера Черниговѣ, а Ярополка Володимери, придавъ ему Туровъ.

1079. Въ лѣто 6587. Приде Романъ съ Половци къ Воину, Всеволодъ же ста у Переяславля и створи миръ съ Половци; и възвратися Романъ съ Половци вспять, и убиша и Половци мѣсяца августа 2 день. Суть кости его и доселѣ лежаще тамо, сына Святославля, внука Ярославля; а Ольга емше Козаре поточиша и за море Цесарюграду. Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани.

1080. Въ лѣто 6588. Заратиса Торци Переяславьстїи на Русь, Всеволодъ же посла на ня сына своего Володимера; Володимеръ же шедъ побѣди Търкы.

1081. Въ лѣто 6589. Бѣжа Игоревичъ Давыдъ съ Володаремъ Ростиславичемъ, мѣсяца мая 18 день; и придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и сѣдоста Тмуторокани.

1082. Въ лѣто 6590. Осень умре, Половечьскый князь.

1083. Въ лѣто 6591. Приде Олегъ изъ Грекъ Тмутороканю, и я Давыда и Володаря Ростиславича, и сѣде Тмуторокани; и исѣче Козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти.

1084. Въ лѣто 6592. Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. Въ се же время выбѣгоста Ростиславича 2 отъ Ярополка, и пришедше прогнаста Ярополка, и посла Всеволодъ Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери. Въ се же лѣто Давыдъ зая Гръкы въ Олешьи, и зая у нихъ имѣнье; Всеволодъ же пославъ приведе и, и вда ему Дорогобужь.

1085. Въ лѣто 6593. Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода, послушавъ злыхъ совѣтникъ; се увѣда Всеволодъ, посла противу ему сына своего Володимера, Ярополкъ же оставивъ матеръ свою и дружину Лучьскѣ, бѣжа въ Ляхы. Володимеру же пришедшю Лучьску, и вдашася Лучане; Во-

лодимеръ же посади Давыда Володимери, въ Ярополка мѣсто, а мать Ярополчу, и жену его, и дружину его приведе Кыеву, и имѣнье вземъ его.

1086. Въ лѣто 6594. Приде Ярополкъ изъ Ляховъ, и створи миръ съ Володимеромъ, и иде Володимеръ вспять Чернигову, Ярополкъ же сѣде Володимери. И пересѣдѣвъ мало дней, иде Звенигороду; и не дошедшу ему града, и прободенъ бысть отъ проклятаго Нерадѣця, отъ дьяволя наученъ и отъ злыхъ человѣкъ. Лежащу ему ту на возѣ, саблюю съ коня прободе и, мѣсяца нояembra въ 22 день; и тогда въздвигнувся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю, и возпи великимъ гласомъ: „охъ, тотъ мя враже улови“. Бѣжа Нерадець треклятый Перемышлю къ Рюрикови, и Ярополка вземше отроки на конь передъ ся, Радъко, Вѣнкина и иніи мнози, несоша и Володимерю, а оттуду Кыеву. Изиде противу ему благовѣрный князь Всеволодъ съ своимъ сыномъ, съ Володимеромъ и Ростиславомъ, и вси боляре, и блаженный митрополитъ Іоанъ съ черноризци и съ прозвутеры, и вси Кіяне великъ плачь створиша надъ нимъ, со псалмы и пѣснями проводиша и до святаго Дмитрея, спрятавшѣ тѣло его, съ честью положиша и въ рацѣ мраморянѣ въ церкви святаго апостола Петра, юже бѣ самъ началъ здати преже, мѣсяца декабря въ 5 день. Многы бѣды примъ, безъ вины изгонимъ отъ братья своея, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горкую пріять: но вѣчнѣй жизни и покою сподобися. Такъ баше блаженный съ князь тихъ, кроткъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣй Богородици отъ всего своего имѣнья по вся лѣта, и моляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой! пріими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двѣма братома моима, Борису и Глѣбу, отъ чюжею руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражіи; его же прошенья не лиши его благый Богъ, въспрїя благая она, ихже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ его.

1091. Въ лѣто 6599. Игумень и черноризци съвѣтъ створше, рѣша: „не добро есть лежати отцю нашему Θεодосьеви кромѣ монастыря и церкви своея, понеже то есть основаль церковь и черноризци совокупилъ“; съвѣтъ створше повелѣша устроить мѣсто, идѣже положити мощѣ его. И приспѣвшю празднику Успенья Богородицѣ, тремя деньми, повелѣ игумень рушити кдѣ лежать мощѣ его, отца нашего Θεодосья, его же повелѣнью быхъ азъ грѣшный первое самовидѣць, еже скажу, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семъ начальникъ. Пришедшю же игумену ко мнѣ и рекшю ми: „пойдевѣ въ пещеру къ Θεодосьеви“, азъ же пришедъ и со игуменомъ, не свѣдущю никому же, разглядавши, кудѣ копати, и знаменавши мѣсто, кдѣ копати, кромѣ устья. Рече же ко мнѣ игумень: „не мози повѣдати никому же отъ брати, да не увѣдаетъ никто же; но поими его же хошеши, да ти поможетъ“. Азъ же пристроихъ 7 днѣй рогалие, ими же копати. И въ вторникъ, вечеръ, в суморокъ, пояхъ съ собою 2 брата, не вѣдущю никому же, придохъ въ пещеру и отпѣвъ псалмы, почяхъ копати; и утрудивъся вдахъ другому брату, копахомъ до полуночья, трудихомся, и не могуше ся докопати, начахъ тужити, еда како на страну копаемъ. Азъ же вземъ рогалью, начахъ копати рамено, и другу моему опочивающю передъ пещерою, и рече ми: „ударивши въ било“; и азъ въ то чинъ прокопахъ на мощѣ Θεодосьевы, оному глаголющю ко мнѣ: „ударивши въ било“; мнѣ же рекущю: „прокопахъ уже“. Егда же прокопахъ, обдержашеть мя ужастъ, и начахъ звати: Господи помилуй! О се чинъ же сѣдяста 2 брата въ монастыри, еда игумень утаивъся, нѣскимъ пренесеть его отай, къ пещерѣ зряща: егда ударивши въ било, видѣста 3 столпы ако дуги зарны, и стоявше придоша надъ верхъ церкви, идѣже положенъ бысть Θεодосій. Въ се же время видѣ Стефанъ, иже бысть въ него мѣсто игумень, въ се же время бысть епископъ, видѣ въ своемъ монастыри чрезъ поле зарю велику надъ пещерою; мнѣвъ, яко несутъ Θεодосья, бѣ бо ему възвѣщено преже днемъ единѣмъ, и сжаливъси, яко безъ него

преносять и, всѣдъ на конь вборзѣ поѣха, поимъ съ собою Климента, его же игумена постави въ свое мѣсто, и идяста видуща зарю велику; и яко придоста близь, видѣста свѣщѣ многы надъ печерою, и придоста къ печерѣ, не видѣста ничтоже, и придоста дву въ печеру, намъ сѣдящемъ у мощій его. Егда бо прокопахъ, послахъ къ игумену: „приди, да вынемемъ и“, игумень же приде съ двѣма братома; и прокопахъ велми, и влѣзохомъ, и видѣхомъ и лежащъ мощми, но состави не распалися бѣша, и власи главнии притяскли бяху. И взложьше и на вариманътью, и вземше на рамо вынесоша и предъ пещеру. На другой же день собращася епископи, Ефремъ Переяславскый, Стефанъ Володимерскый, Иоанъ Черниговскый, Маринъ Гургевскый, игумени отъ всѣхъ монастыревъ съ черноризци, придоша и людье благовѣрнии, и взяша мощѣ Θεодосьевы съ темьяномъ и съ свѣщами, и принесше положиша и въ церкви своей ему, въ притворѣ на деснѣй странѣ, мѣсяца августа въ 14 день, въ день четвертъкъ, въ часъ 1 дне, индикта 14 лѣта; праздноваша свѣтло въ тѣ день.... Молися за мя, отче честный, избавлену быти отъ сѣти непріязнины, и отъ противника врага соблюди мя твоими молитвами. Въ се же лѣто бысть знаменье въ солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть, въ часъ 2 дне, мѣсяца маія 21 день. Въ се же лѣто Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе и ужасошася вси людье. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша. Въ се же лѣто волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе.

1092. Въ лѣто 6600. Предивно бысть Полотскѣ въ мечтѣ, бываше въ ноци тутънъ, станяше по улици, яко челоуѣци рищюще бѣси; аще кто вылѣзаше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвленъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ; посемъ же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди

Полотьскыя и его область; тѣмъ и челоуѣци глаголаху: яко навѣе бьютъ Полочаны. Се же знаменье поча быти отъ Дрьютъска. Въ си же времена бысть знаменье въ небеси, яко кругъ бысть посредѣ неба превеликъ. Въ се же лѣто ведро баше, яко изгараше земля, и мнози борове възгаряхуся сами и болота; и многа знаменья бываху по мѣстомъ; и рать велика баше отъ Половецъ и отвсюду: взяша 3 грады, Пѣсочень, Переволоку, Прилукъ, и многа села воеваша по обѣма странама. Въ се же лѣто воеваша Половци Ляхы съ Василькомъ Ростиславичемъ. Въ се же лѣто умре Рюрикъ, сынъ Ростиславль. Въ си же времена мнози челоуѣци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе и корсты: яко продахомъ корсты отъ Филипова дне до мясопуста 7 тысячъ. Се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши и неправды; се же наведе на ны Богъ, веля намъ имѣти покаянье и въстягнутися отъ грѣха, и отъ зависти и отъ прочихъ злыхъ дѣлъ неприянинъ.

1093. Въ лѣто 6601, индикта 1 лѣто, преставися великый князь Всеволодъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимеръ, мѣсяца априля въ 13 день, а погребень бысть 14 день, недѣли сущи тогда страстнѣй и дни сущю четвертку, въ онъ же положень бысть въ гробѣ въ велицѣй церкви святыя Соѣя. Сій бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтска боголюбивъ, любя правду, набдя убогыя, въздая честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любяше черноризци, и подаваше требованье имъ; бѣ же и самъ въздержася отъ пьянства и отъ похоти, тѣмъ любимъ бѣ отцемъ своимъ, яко глаголати отцю къ нему: „сыну мой! благо тобѣ, яко слышу о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою; аще ти подасть Богъ пріяти власть стола моего, по братьи своей, съ правдою, а не съ насильемъ, то егда Богъ отведеть тя отъ житья сего, да ляжеша, идѣже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее“. Се же сбысться глаголь отца его, якоже глаголаше бѣ, сему пріимшо послѣже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего; съ же

Кыевѣ княжа быша ему печали большіи паче неже сѣдящю ему въ Переяславли; сѣдящю бо ему Кыевѣ, печаль бысть ему отъ сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея, овъ же другіе; сей же омиряя ихъ, раздаваше власти имъ. Въ сихъ печали всташа и недужи ему, и приспѣваше старость къ симъ; и нача любити смыслъ уныхъ, свѣтъ створи съ ними; си же начаша заводити и, негодовати дружины своея первыя, и людемъ не доходити княже правды, начаша тіуни грабити, людіи продавати, сему не вѣдущю въ болѣзньхъ своихъ. Разболѣвшюся ему велми, посла по сына своего Володимера Чернигову; пришедшю Володимеру, видѣвъ и велми болна суца, и плакася; пресѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну его меньшему, пришедшю же часу, преставися тихо и кротко и приложися ко отцемъ своимъ, княживъ лѣтъ 15 Кыевѣ, а въ Переяславли лѣто, а въ Черниговѣ лѣто. Володимеръ же плакавъся съ Ростиславомъ, братомъ своимъ, спрятаста тѣло его; и собращася епископи, и игумени, и черноризьци, и попове, и боляре, и простіи люде, и взявше тѣло его, со обычными пѣснми положиша и въ святѣй Софьи, якоже рекохомъ преже. Володимеръ же нача размышляти, река: „аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столѣ преже отца его былъ“. И размысливъ посла по Святополку Турову, а самъ иде Чернигову, а Ростиславъ Переяславлю. И минувшю Велику дни, прешедши празднѣй недѣли, въ день антипаскы, мѣсяца априля въ 24 день, приде Святополкъ Кыеву, и изидоша противу ему Кіяне съ поклономъ, и пріяша и съ радостью; и сѣде на столѣ отца своего и стрыя своего. Въ се время поидоша Половци на Русьскую землю; слышавше, яко умерлъ есть Всеволодъ, послаша слы къ Святополку о мирѣ. Святополкъ же, не сдумавъ съ болшею дружиною отнею и стрыя своего, свѣтъ створи съ пришедшими съ нимъ, и изъймавъ слы, всажа и въ истобъку; слышавше же се Половци, почаша воевати. И придоша Половци мнози, и оступиша Торційскый градъ. Святополкъ же пусти слы Поло-

ведьскыѣ, хотя мира; и не всхотѣша Половци мира, и ступиша Половци воююще. Святополкъ же поча сбирати вое, хотя на ня. И рѣша ему мужи смысленіи: „не кушайся противу имъ, яко мало имаши вой.“ Онъ же рече: „имѣю отрокъ своихъ 700, иже могутъ противу имъ стати“. Начаша же друзіи несмысленіи глаголати: „пойде, княже“; смысленіи же глаголаху: „аще бы ихъ пристроилъ и 8 тысячъ, не лихоти есть, наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ продажъ; но послися къ брату своему Володимеру, дабы ти помоглъ“. Святополкъ же послушавъ ихъ, посла къ Володимеру, дабы момоглъ ему; Володимеръ же собра вой свои и посла по Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помагати Святополку. Володимеру же пришедшу Кіеву, совокупистася у святаго Михаила, и взяста mezi собою распря и которы, и уладившася, цѣловаста крестъ mezi собою. Половцемъ воюющимъ по земли, и рѣша има мужи смысленіи: „почто вы распря имата mezi собою? а поганіи губять землю Русьскую; послѣди ся уладита, а нынѣ пойдита противу поганымъ либо съ миромъ, либо ратью“. Володимеръ хотяше мира, Святополкъ же хотяше рати; и поиде Святополкъ, и Володимеръ и Ростиславъ къ Треполю, и придоша къ Стугнѣ. Святополкъ же, и Володимеръ, и Ростиславъ созваша дружину свою на совѣтъ, хотяче поступити черезъ рѣку, и начаша думати. И глаголаше Володимеръ: „яко сдѣ стояще черезъ рѣку, въ грозѣ сей, створимъ миръ съ ними“; и пристояху совѣту сему смысленіи мужи, Янь и прочіи. Кіане же не всхотѣша совѣта сего, но рекоша: „хочемъ ся бити; поступимъ на ону сторону рѣки“. И възлюбиша съвѣтъ съ, и преидоша Стугну рѣку; бѣ бо наводнилася велми тогда. Святополкъ же, и Володимеръ, и Ростиславъ, исполчивше дружину, поидоша; и идяше на деснѣй сторонѣ Святополкъ, на шюей Володимеръ, посредѣ же бѣ Ростиславъ; и минувше Треполь, проидоша валь. И се Половци идяху противу, и стрѣлци противу предѣ ними; нашимъ же ставшимъ mezi валомъ, поставиша стяги свои, и поидоша стрѣлци

изъ валу; и Половци пришедше къ валови, поставиша стягы своѣ, и налегаша первое на Святополка, и взломиша полкъ его. Святополкъ же стояше крѣпко, и побѣгоша людье, не стерпяче ратныхъ противленья и послеже побѣже Святополкъ. Потомъ наступиша на Володимера, и бысть брань люта; побѣже и Володимеръ съ Ростиславомъ и вои его. И побѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ, и вбрѣде Володимеръ съ Ростиславомъ и нача утапати Ростиславъ предъ очима Володимерима, и хотѣ похватити брата своего, и мало не утопе самъ; и утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. Володимеръ же пребредъ рѣку съ малою дружиною, мнози бо падоша отъ полка его, и боляре его ту падоша, и перешедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ и по дружинѣ своей; и иде Чернигову печаленъ зѣло. Святополкъ же побѣже въ Треполь, и затворися ту, и бѣ ту до вечера, и на ту ночь приде Кіеву. Половци же видѣвше, сдолѣвше, пустишася по земли воююче, а друзіи възвратишася къ Торцьскому. Си же ся злоба склочи въ день Възнесенья Господа нашего Исуса Христа, мѣсяца мая въ 26. Ростислава же искавше обрѣтоша въ рѣцѣ; и взявше принесоша и Кіеву, и плакася по немъ мати его, и вси людье пожалиша си по немъ повелику, уности его ради; и собрашася епископи и попове и черноризци, пѣсни обычныя пѣвше, положиша и у церкви святя Софьи у отца своего. Половцемъ же осѣдящемъ Торцьскый, противящимъ же ся Торкомъ и крѣпко борющимся изъ града, убиваху многи отъ противныхъ; Половци же начаша налегати, и отъимаху воду, и изнемагати начаша людье въ градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша Торци къ Святополку, глаголюще: „аще не приплещи брашна, предатися имамы“; Святополкъ же посла имъ, и не бѣ лзѣ вкрастися въ градъ, множествомъ вой ратныхъ. И стояше около града недѣль 9, и раздѣлишася надвое: едни стаха у града, рать борюще, а друзіи поидоша Кіеву, и пустишася на воропъ межи Кіевъ и Вышегородъ. Святополкъ же выиде на Желаню, и поидоша противу собѣ обои, и съступишася, и укрѣпися брань; и побѣ-

гоша наши предъ иноплеменьники, и падаху язвени предъ врагы нашими, и мнози погыбоша и быша мертви, паче неже у Трьполя. Святополкъ же приде Кіеву самъ третій, а Половци возвратишася къ Торцьскому; быша си злая мѣсяца іуля въ 23. Наутрія же въ 24, въ святую мученику Бориса и Глѣба, бысть плачь великъ въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженъе безаконій нашихъ. Се бо на ны Богъ попусти поганья, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ; симъ казнить ны нахоженъемъ поганныхъ, се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся вспомянемъся отъ злаго пути своего. Сего ради въ праздники Богъ намъ наводитъ сѣтованъе, якоже ся створи въ се лѣто первое зло на Възнесеенье Господне, еже у Трьполя, второе же въ праздникъ Бориса и Глѣба, еже есть праздникъ новый Русьскыя земля. Сего ради Пророкъ глаголаше: преложю праздники ваша въ плачь и пѣсни ваша въ рыданъе. Сотвори бо ся плачь великъ въ земли нашей, опустѣша села наша и города наши, быхомъ бѣгающе предъ врагы нашими. Якоже Пророкъ глаголаше: падете предъ врагы вашими, поженуть вы ненавидящии васъ, и побѣгнете никому женущю васъ; скрушю руганъе гордыни вашея, и будетъ въ тщету крѣпость ваша, убьеть вы приходяй мечь, и будетъ земля ваша пуста, и двори ваши пусти будутъ, яко вы худи есте и лукави, и азъ пойду къ вамъ яростью лукавою, тако глаголетъ Господь Богъ Израилевъ. Идѣ лукавіи сынове Измаилеви пожигаху села и гумна, и многы церкви запалиша огнемъ, да не чюдится никтоже о семъ: идѣже множество грѣховъ, ту видѣнья всякого показанія. Сего ради вселеная предасться, сего ради гнѣвъ простресея, сего ради земля мучена бысть: ови ведутся полонени, друзіи посѣкаеми бывають, друзіи на мечь даеми бывають, горкую смерть пріемлюще, друзіи трепещють, зряще убиваемыхъ, друзіи голодомъ умаряеми и водною жажею; едино прещенъе, едина казнь, многовѣщныя имуще раны, различныя печали и страшны муки, овы вяжемы и пятами

пхаеми, и на зимѣ держими и ураняеми; и се притранѣе и страшнѣе, яко на хрестьянѣстѣ родѣ страхъ, и колѣбанье, и бѣда упространися. Праведно и достойно есть, тако да накажемъся, тако вѣру имемъ, кажеми есмы: подобаше намъ преданымъ быти въ руки языку странну и безаконнѣйшу всея земля. Рцѣмъ велегласно: праведенъ еси, Господи, и прави суди твои. Рцѣмъ по оному разбойнику: мы достойная, яже сдѣяхомъ пріяхомъ. Рцѣмъ и со Іовомъ: яко Господеви любо бысть, тако и бысть; буди имя Господне благословено въ вѣкы. Да нахождениемъ поганыхъ и мучими ими Владыку познаемъ, его же мы прогнѣвахомъ: прославлени бывше, не прославихомъ; почтени бывше, не почтохомъ; освятившеся, не разумѣхомъ; куплени бывше, не поработахомъ; породившеся, не яко отца постыдѣхомъся. Согрѣшихомъ, и казними есмы, якоже створихомъ, тако и стражемъ: города вси опустѣша, села опустѣша; преидемъ поля, идѣже пасома бѣша стада конь, овця и волове, все тоще нынѣ видимъ, нивы поростѣше звѣремъ жилища быша. Но обаче надѣемъся на милость Божью; кажетъ бо ны добрѣ благый Владыка, не по б. законью нашему створи намъ и по грѣхомъ нашимъ въздасть намъ; тако подобаетъ благому Владыцѣ казати не по множеству грѣховъ. Тако Господь створи намъ: созда, падшая въставитъ, Адамле преступленье прости, баню нетлѣннѣя дарова и свою кровь за ны излья; якоже ны видѣ неправо пребывающа, нанесе намъ сущюю рать и скорбь, да и не хотяще всяко въ будущій вѣкъ обрящемъ милость; душа бо, сдѣ казнима, всяко милость въ будущій вѣкъ обрящеть и лготу отъ мукъ, не мьститъ бо Господь дважды о томъ. О неиздреченному человѣколюбью! якоже видѣ ны не волею къ нему обращающася; о тмами любве, еже къ намъ! понеже хотяще уклонихомъся отъ заповѣдй его; се уже не хотяще терпимъ, се съ нужею, и понеже не волею, се уже волею. Гдѣ бо бѣ у насъ умиленье? нынѣ же вся полна суть слезъ. Гдѣ бѣ въ насъ въздыханье? нынѣ же плачь по всѣмъ улицамъ упространися, избѣенныхъ ради, иже избиша безаконь-

ніи. Половци воеваша много, и възвратишася къ Торцьскому, и изнемогоша людье въ градѣ гладомъ, и предашася ратнымъ; Половци же, прїимше градъ, запалиша и огнемъ, и люди раздѣлиша, и ведоша въ вежѣ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ, мѣного роду хрестьяньска стражующе: печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчп и въ жажи и въ бѣдѣ опустнѣвшѣ лица, почернѣвшѣ тѣлесы; незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ноги имущѣ сбодены терньемъ; со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: „азъ бѣхъ сего города“, и други: „а язъ сея вси“; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и vzdышюще, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайная. Да никто же дерзнетъ рещи: яко ненавидами Богомъ есмы! Да не будетъ. Кого бо тако Богъ любить, якоже ны възлюбилъ есть? кого тако почель есть, якоже ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же. Имъже паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче всѣхъ почтени бывше, горѣ всѣхъ сдѣяхомъ грѣхы; якоже паче всѣхъ просвѣщени бывше, Владычню волю вѣдущѣ, и презрѣвшѣ, въ лѣпоту паче инѣхъ казними есмы. Се бо азъ грѣшный и много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни. Въ се же лѣто преставися Ростиславъ, сынъ Мьстиславль, внукъ Изяславль, мѣсяца октямбра въ 1 день; а погребенъ бысть ноямбра въ 16, въ церкви святыя Богородица Десятинныя.

1094. Въ лѣто 6602. Створи миръ съ Половцѣ Святополкъ, и поя собѣ жену дщерь Тугорканю, князя Половецкаго. Томъ же лѣтѣ приде Олегъ съ Половци, изъ Тьмутороканя, и приде Чернигову; Володимерь же затворися въ градѣ, Олегъ же приде къ граду и пожже около града, и монастырѣ пожже. Володимерь же створи миръ съ Олгомъ, и иде изъ града на столъ отень Переяславлю; а Олегъ вниде въ градъ отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не взбраняющю, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третѣе наведе поганыя на землю Русьскую, его же грѣха дабы и Богъ простилъ, занеже много хрестьянъ изгублено

бысть, а друзии полонени и расточени по землямъ. В се же лѣто придоша пружи на Русьскую землю, мѣсяца августа въ 26, и поѣдоша всяку траву и многа жита; и не бѣ сего слышано въ днехъ первыхъ в земли Русьстѣй, яже видѣста очи наши, за грѣхы наша. В се же лѣто преставися епископъ Володимерский Стефанъ, мѣсяца априля въ 27 день, въ часъ 6 ноци, бывъ преже игуменъ Печерьскому монастырю.

1095. Въ лѣто 6603. Идоша Половци на Грькы съ Девгевичемъ, воеваша по Гречьстѣй земли; и цесарь я Девгенича, и повелѣ и слѣпити. Въ то же лѣто придоша Половци, Итларь и Кытанъ, къ Володимеру на миръ; приде Итларь въ градъ Переяславль, а Кытанъ ста mezi валома съ вои; и вда Володимеръ Кытанови сына своего Святослава въ тали, а Итларь бысть въ градѣ съ лѣпшею дружиною. Въ то же время бѣше пришелъ Славята изъ Кыева къ Володимеру отъ Святополка, на нѣкое орудие; и начаша думати дружина Ратибора со княземъ Володимеромъ о погубленьи Итларевы чади. Володимеру же не хотящю сего створити, отвѣща бо: „како се могу створити, ротѣ съ ними ходивъ“? Отвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: „княже! нѣту ти въ томъ грѣха; да они всегда къ тобѣ ходяще ротѣ, губять землю Русьскую, и кровь хрестьяньску проливають безперестани“. И послуша ихъ Володимеръ, и въ ту ноцъ посла Володимеръ Славяту съ нѣколикою дружиною и съ Торкы, mezi валы; и выкрадше первое Святослава, потомъ убиша Кытана и дружину его избиша. Вечеру сущю тогда суботному, а Итлареви въ ту ноцъ лежащю у Ратибора на дворѣ съ дружиною своею и не вѣдущю, что ся надъ Кытаномъ створи; наутрѣя же, въ недѣлю, заутрени сущи годинѣ, пристрой Ратиборъ отроки въ оружьи, и истобку пристави истопити имъ. И присла Володимеръ отрока своего Бяндюка по Итлареву чадѣ, и рече Бяндюкъ Итлареви: „зоветь вы князь Володимеръ, реклъ тако: обувшеса, въ теплѣ избѣ и заутрокавше у Ратибора, приѣдите ко мнѣ“. И рече Итларь: „такъ буди“. И яко влѣзоша въ истобку, тако запрени быша. Възлѣзше

на истобку, прокопаша верхъ, и тако Ольбегъ Ратиборичъ, пріима лукъ свой и наложивъ на стрѣлу, удари Итларя въ сердце, и дружину его всю избиша; и тако злѣ испроверже животъ свой Итларь, въ недѣлю сыропустную, въ часъ 1 дне, мѣсяца февраля въ 24 день. Святополкъ же и Володимерь посласта къ Ольгови, веляща ему поити на Цоловци съ собою; Олегъ же обѣщавъся съ нима, и пошедъ, не иде съ нима въ путь единъ. Святополкъ же и Володимерь идоста на вежѣ, и взяста вежѣ, и половиша скоты и копѣ, вельблуды и челядь, и приведоста я въ землю свою; и начаста гнѣвъ имѣти на Олга, яко не шедшо ему съ нима на поганья. И посла Святополкъ и Володимерь къ Олгови, глаголюща сиче: „се ты не шель еси съ нама на поганья, иже погубили суть землю Русьскую, а се у тебе есть Итларевичъ, любо убій, любо и дай нама, тѣ есть ворогъ Русьстѣй земли“. Олегъ же сего не послуша, и бысть межи ими ненависть. Въ се же лѣто приидоша Цоловци къ Гургеву, и стояша около его лѣто все, и мало не взяша его, Святополкъ же омири я; Цоловци же не приидоша за Рось, Гургевци же выбѣгоша и идоша Къеву. Святополкъ повелѣ рубити городъ на Вытечевѣ холму, въ свое имя нарекъ Святополчъ городъ, и повелѣ епископу Марину съ Юргевци сѣсти ту, и Засаквцемъ, и прочимъ отъ инѣхъ градъ; а Гургевъ зажгоша Цоловци тощъ. Сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичъ из Новагорода Смолинъску; Новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича, и поемше ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: „не ходи къ намъ“; и пошедъ Давыдъ, воротися Смолинъску, и сѣде Смолинъскѣ, а Мьстиславъ Новѣгородѣ сѣде. В се же время приде Изяславъ, сынъ Володимерь, изъ Курска къ Мурому; и прияша и Муромци, и посадника я Олгова. В се же лѣто придоша пружи, мѣсяца августа въ 28, и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно, идяху къ полунощнымъ странамъ, ядуща траву и проса.

1096. Въ лѣто 6604. Святополкъ и Володимеръ посласта къ Олгови, глаголюща сице: „пойди Къеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градъскими, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ“. Олегъ же въсприимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: „нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ“; и не въсхотѣ ити къ братома своима, послушавъ злыхъ совѣтникъ. Святополкъ же и Володимеръ рекоста къ нему: „да се ты ни на поганя идеши, ни на совѣтъ къ нама, то ты мыслиши на наю и поганымъ помагати хочеши; а Богъ промежи нами будетъ“. Святополкъ же и Володимеръ пойдоста на Олга Чернигову; Олегъ же выбѣже изъ Чернигова, мѣсяца мая въ 3 день, въ субботу. Святополкъ же и Володимеръ гнаста по немъ, Олегъ же вбѣже въ Стародубъ и затворися ту; Святополкъ же и Володимеръ оступиса и въ градъ, и бяхутся изъ города крѣпко, а си приступаху къ граду, и язвени бываху мнози отъ обоихъ; и бысть межю ими брань люта, и стояша около града дний 30 и 3, и изнемагаху людье въ градъ. И вылѣзе Олегъ изъ града, хотя мира, и вдаста ему миръ, рекуща сице: „иди къ брату своему Давыдови, и придѣта Кіеву на столъ отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшей градъ въ земли во всей, Къевъ, ту достойно снятися и порядъ положити“; Олегъ же обѣщася се створити, и на семъ цѣловаша крестъ. В се же время приде Бонякъ съ Половци къ Къеву, въ недѣлю отъ вечера, и повоева около Къева, и пожже на Берестовѣмъ дворъ княжь. В се же время воева Куря съ Половци у Переяславля, и Устье пожже, мѣсяца мая въ 24 день. Олегъ же выйде изъ Стародуба и приде Смолинъску, и не прияша его Смолняне, и иде къ Рязаню; Святополкъ же и Володимеръ пойдоста въсвосяси. Сего же мѣсяца приде Тугорканъ, тесть Святополчь, къ Переяславлю, мѣсяца мая 30, и ста около града, а Переяславъци затворишася в градъ. Святополкъ же и Володимеръ пойдоста на нь по сей сторонѣ

Днѣпра, и придоста къ Зарубу, и ту перебродистася, и не очютиша ихъ Половци, Богу схраньшю ихъ, и исполчившася поидоста къ граду; гражане же узрѣвше, ради быша, и поидоша къ нима, а Половци стояху на оной сторонѣ Трубежа, исполчившеся. Святополкъ же и Володимеръ вбредоста в Трубежь къ Половцемъ, Володимеръ же хотѣ нарядити полкъ, они же не послушаша, но удариша въ конѣ къ противнымъ; се видѣвше Половци, и побѣгоша, а наши погнаша въ слѣдъ ратныхъ, сѣкуще противныя. И сдѣя Господь въ тѣ день спасенье велико, мѣсяца иулія въ 19 день побѣжени быша иноплеменьници, и князя ихъ убиша Тугоркана, и сына его, и ини князи; мнози врази наши ту падоша; назаутрѣ же налѣзоша Тугоркана мертва, и взя и Святополкъ акы тѣстя своего и врага; и привезше и къ Кыеву погребоша и на Берестовѣмъ, межю путемъ идущимъ на Берестово и другимъ в монастырь идущимъ. И въ 20 того же мѣсяца, в пятокъ, 1 часъ дне, приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, къ Кыеву внезапно, и мало в градъ не вѣхаша Половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася на монастырь, и възгоша Стефановъ монастырь и деревнѣи и Герьманы. И придоша на монастырь Печерський, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени, и кликнуша около монастыря, и поставиша стяга два предъ враты монастырскими, намъ же бѣжащимъ за домъ монастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати. Безбожныѣ же сынове Измаилеви высѣкоша врата монастырю и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и изношаху аще что обрѣтаху въ кельи; посемь възгоша домъ святыя Владычицѣ нашея Богородица, и придоша къ церкви, и зажгоша двери яже къ угу устроени, и вторыя же къ сѣверу, и влѣзше въ притворъ у гроба Θεодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укаряху Бога и законъ нашъ. Богъ же терпяше, еще бо не скончались бяху грѣси ихъ и безаконья ихъ, тѣмъ глаголаху: „кдѣ есть Богъ ихъ, да поможетъ имъ и избавитъ я“? и ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмихающеся, не вѣдуще, яко

Богъ кажетъ рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато искушено въ горну: хрестьяномъ бо многими скорбьми и напастми внити въ царство небесное, а симъ поганымъ и ругателемъ на семъ свѣтѣ приимшимъ веселье и пространство, а на ономъ свѣтѣ приимуть муку съ дьяволомъ и огнь вѣчный. Тогда же зажгоша дворъ красный, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарѣцаемѣмъ Выдобычи: то все оканнии Половци запалиша огнемъ. Тѣмже и мы, послѣдующе пророку Давыду, вошьемъ: Господи Боже мой! положи я яко коло, яко огнь предъ лицемъ вѣтру, иже поपालаетъ дубравы, тако пожениши я бурю твоею, исполни лица ихъ досаженья; се бо оскверниша и пожгоша святыи домъ твой, и монастырь Матере твоея, и трупье рабъ твоихъ; убиша бо нѣколико отъ братья нашея оружьемъ безбожнии сынове Измаилеви, пущени бо на казнь хрестьяномъ. Ищъли бо суть си отъ пустыня Етревская, межю востокомъ и сѣверомъ; исшьли же суть ихъ колѣнъ 4: Торкъмене и Печенѣзи, Торци, Половци; Меодій же свѣдѣтельствуеть о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣжа в пустыню, а 4 исѣче. Друзии же глаголють: сыны Амоновы; се же нѣсть тако: сынове бо Моавли Хвалиси, а сынове Аммонови Болгаре, а Срацини отъ Измаила творятъся Сарини, и прозваша имя собѣ Саракыне, рекше: Сарини есмы. Тѣмже Хвалиси и Болгаре суть отъ дщери Лотову, а Измаиль роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени, и Печенѣзи, и Торци и Кумани, рекше Половци, иже исходятъ отъ пустынѣ. И по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидуть заклепении в горѣ Александромъ Македоньскимъ, нечистыя чловѣкы....

ПОУЧЕНЬЕ

ВЛАДИМИРА МОНОМАХА.

6607 (1099).

Азь худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ, нареченый в крещеніи Василий, Русьскимъ име-

немъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахы¹⁾ и хрестьяныхъ людей дѣля, колико бо соблюдь по милости своей и по отни молитвѣ отъ всѣхъ бѣдъ. Сѣдя на санехъ²⁾, помыслихъ в души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дней грѣшнаго допровода. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но ему же любя дѣтѣи моихъ³⁾, а приметъ ю в сердце свое, и не лѣнитися начнетъ, такоже и тружатися: первое, Бога дѣля и душа своя, страхъ имѣйте Божий въ сердци своемъ и милостыню твоя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не любя грамотиця си, а не поохритаются⁴⁾, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпцю еси молвилъ. Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моя на Волзѣ, рѣша: „потѣснися⁵⁾ къ намъ, да выженемъ Ростиславича⁶⁾ и волость ихъ отъимемъ; еже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ“, и рѣхъ: „аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити“. И отрядивъ я, вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя? и прочая. И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду и написахъ: аще вы послѣдняя не любя, а передняя принимайте. Вскую печална еси, душе моя? вскую смущаеши мя? уповай на Бога, яко исповѣмся ему. Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же Господа, ти обладають землею. И еще мало, и не будетъ грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящеть.

¹⁾ Здѣсь въ подлинникѣ пропускъ въ 4¹/₂ строки. *Прим. Арх. Ком.*

²⁾ Т. е. приближаясь къ гробу, такъ какъ мертвыхъ, въ то время, возили въ церковь, зимою и лѣтомъ, на саняхъ.

³⁾ Кому изъ дѣтей моихъ.

⁴⁾ Не подосаждаютъ.

⁵⁾ Постарайся (кор. *тѣск—тѣш*).

⁶⁾ Вин. п. дв. ч.: Володаръ и Василько Ростиславичи, княжившіе въ Перемышль и Теробовль.

Кротции же наслѣдятъ землю, насладятся на множествѣ
мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчетъ на нь
зубы своими; Господь же посмѣется ему, и прозритъ, яко
придетъ день его. Оружья извлекоша грѣшници, на пряже
лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемъ.
Оружье ихъ внидеть въ сердца ихъ, и люди ихъ скрушатся.
Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшныхъ многа.
Яко мышца грѣшныхъ сокрушатся, утверждаетъ же праведныя
Господь. Яко се грѣшници погыбнуть; праведныя же милуя
и даетъ. Яко благословящии его наслѣдятъ землю, кленущии
же его потребятся. Отъ Господа стопы челоуѣку исправятся.
Егда ся падеть и не разбѣется, яко Господь подѣмлетъ
руку его. Унь бѣхъ и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника
оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милуетъ
и взаимъ даетъ праведный, и племя его благословлено бу-
детъ. Уклонися отъ зла, створи добро, взищи мира и поже-
ни, и живи в вѣкы вѣка. Внегда стати челоуѣкомъ, убо
живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на
ны, убо вода бы ны потопила. Помилуй мя, Боже, яко попра-
мя челоуѣкъ; весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази
мои, яко мнози борющиися со мною с выше. Возвеселится пра-
ведникъ, и егда видить мечь; руцѣ свои умыеть в крови
грѣшника. И рече убо челоуѣкъ: аще есть плодъ праведника,
и есть убо Богъ судяй земли. Измий мя отъ врагъ моихъ,
Боже, и отъ встающихъ на мя отъими мя. Избави мя отъ
творящихъ безаконье и отъ мужа крови спаси мя; яко се
уловиша душу мою; и яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ
въ воли его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость.
Яко лучши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои
похвалита тя. Яко благословлю тя въ животѣ моемъ, и о
имени твоємъ въздѣю руцѣ мои. Покры мя отъ сонма лу-
каваго, и отъ множества дѣлающихъ неправду. Възвесели-
теса вси праведнии сердцемъ. Благословлю Господа на всяко
время, воину хвала его, и прочая. Якоже бо Василий учаше,
собравъ ту уноша, душа чисты, нескверни, тѣлеси худу,

кротку бесѣду и в мѣру слово Господне: яди и питью безъ
плица велика быти, при старыхъ молчати, премудрыхъ слу-
шати, старѣйшимъ покарятися, съ точными и меншими лю-
бовь имѣти; безъ луки бесѣдующе, а много разумѣти; не
сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, не обило смѣяти-
ся, срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ нелѣпымъ не бесѣ-
довати, долу очи имѣти, а душу горѣ; пребѣгати, не стрѣ-
кати учить легкихъ, власти ни в кую же имѣти, еже отъ
всѣхъ честь; аще ли кто васъ можетъ инѣмъ услѣти, отъ
Бога мзды да чаеъ и вѣчныхъ благъ насладится. О Вла-
дычице Богородице! отъими отъ убогаго сердца моего гор-
дость и буесть, да не възношюся суетою мира сего въ пус-
тошнѣмъ семъ жити научися, вѣрный человекъ, быти бла-
гочестию дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, очима
управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабо-
щенье, гнѣву погубленье, помысль чистъ имѣти, понужаяся
на добрая дѣла, Господа ради; лишаемъ—не мести, ненави-
димъ любо гонимъ—терпи, хулимъ—моли, умертви грѣхъ,
избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицу; при-
дѣте, да сожжемъся, глаголетъ Господь; аще будутъ грѣси
ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я, и прочее. Восіаетъ
весна постная, и цвѣтъ покаянья; очистимъ себе, братья,
отъ всякоя крови плотскыя и душевныя, Свѣтодавцю вопыюще
рцѣмъ: слава тобѣ, человекѣлюбче! По истинѣ, дѣти моя,
разумѣйте, како ти есть человекѣлюбецъ Богъ милостивъ и
премилостивъ; мы человекѣци, грѣшни суще и смертни, то оже
ны зло створить, то хоцемъ и пожрети и кровь его прольяти
вскорѣ; а Господь нашъ, владѣя и животомъ и смертью,
согрѣшенья наша выше главы нашея терпять, и пакы и до
живота нашего, яко отецъ, чадо свое любя, бѣя, и пакы при-
влачить е къ собѣ. Такоже и Господь нашъ показалъ ны
есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и по-
бѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею; да то вы,
дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми
избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися. А Бога

дѣла не лѣнитесь, молю вы ся, не забывайте 3-хъ дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малымъ дѣломъ уллучити милость Божью. Что есть человекъ, яко помниши и? Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, никакъже разумъ человекъ не можетъ исповѣдати чюдесъ твоихъ; и пакы речемъ: велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣки по всей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляетъ силы твоея и твоихъ великихъ чюдесъ и добротъ, устроеныхъ на семъ свѣтѣ; како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, твоимъ промысломъ! звѣрье разноличнии, и птица и рыбы, украшено твоимъ промысломъ, Господи! И сему чюду дивуемъся, како отъ персти создавъ человекъ, како образи разноличнии въ человекъскихъ лицахъ, аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кый же своимъ лица образомъ, по Божии мудрости; и сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья¹⁾ идутъ, и первѣе въ наши руцѣ, и не ставятся на одной земли, но и силныя и худыя идутъ по всѣмъ землямъ, Божиимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля; все же то даль Богъ на угодые человекомъ, на снѣдъ, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на насъ, яже та угодыя створиль еси человекъ дѣла грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, Господи, егда повелиши, то вспоютъ, и человекы веселятъ тебѣ; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онѣмѣютъ. А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло! Всяка чюдеса и ты²⁾ доброты створивъ и сдѣлавъ, да иже не хвалить тебе, Господи, и не вѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ. Си словца прочитаюче, дѣти моя, божестве-

¹⁾ Ирей—страна чудесъ, земной рай, теплыя страны, куда улечаютъ перелетныя птицы на зиму.

²⁾ Тѣ доброты.

ная, похвалите Бога, давшего намъ милость свою, и се отъ худаго моего безумья наказанье; послушайте мене, аще не всего примете, то половину. Аще вы Богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: „якоже блудницу и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй“; и в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; али вы ся начнетъ не мочи ¹⁾, а трижды; а того не забываете, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ челоуѣкъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ челоуѣкъ избываетъ. Аще и на кони ѣздяче не будетъ ни съ кымъ орудья ²⁾, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а „Господи помилуй“ зовѣте безпрестани, втайнѣ; та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпцю ѣздя. Всего же паче убогихъ не забываете, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити челоуѣка. Ни права, ни крива не убивайте, не повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляете никакая же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь Богомъ, ни хреститесь, нѣту бо ти нужна никоея же; аще ли вы будетъ крестъ цѣловати к брати, или къ кому, али управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не приступни погубите, душѣ своеѣ. Епископы, и попы и игумены, съ любовью взимайте отъ нихъ благословенье, и не устраняйтесь отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да примете отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рѣчь: смертни есмы, днесъ живи, а завтра в гробѣ; се все, что ны еси вдалъ, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало дний; и въ земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью.

¹⁾ Вамъ будетъ не въ мочь.

²⁾ Дѣла.

В дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна ¹⁾, ни на отрока, да не посмѣются приходящии къ вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденыю не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вой, тоже ляжите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте съ себе вборзѣ, не розглядавше, лѣнощами, внезапно бо человекъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьянства и блуда, въ томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ. Куда же поидете, идѣже станете, напоите, накормити унеина ²⁾; и болѣ же чтите гость, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или соль ³⁾, аще не можете даромъ ⁴⁾, брашномъ и питьемъ; ти бо мимоходячи прославятъ человека по всѣмъ землямъ, либо добрымъ, либо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмы; и человека не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ Божий имѣйте выше всего; аще забываете всего ⁵⁾, а часто прочитайте: и мнѣ будетъ безъ сорама, и вамъ будетъ добро. Его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ ⁶⁾, в томъ бо честь есть отъ инѣхъ земель. Мѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добръ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доб-

1) Судья низшей инстанціи.

2) Просящій, отъ унити—просить.

3) Посоль.

4) Подаркомъ.

5) Чтобы вамъ не забыть всего.

6) По Карамзину, кн. Всеволодъ могъ знать языки: греческій, скандинавскій, половецкій и венгерскій, кромѣ русскаго.

рое, первое къ церкви: да не застанеть васъ солнце на постели; тако бо отецъ мой дѣяшеть блаженный и вси добрии мужи свершени; заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога съ радостью, и рече: просвѣти очи мои, Христе Боже, иже далъ ми еси свѣтъ твой красный, и еще: Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ¹⁾, грѣховъ своихъ покаявъся, оправдивъ животъ, тако похваляю Бога; и сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати²⁾, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ Бога присужено полудне, отъ чина³⁾ бо почиваетъ и звѣрь и птици и чело-вѣци. А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже⁴⁾ ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы 13 лѣтъ. Первое къ Ростову идохъ, сквозѣ Вятчѣ, посла мя отецъ, а самъ иде Курьску; и пакы 2-е к Смоленьску со Ставкомъ Скордятичемъ, той пакы и отъиде къ Берестію со Изяславомъ, а мене посла Смоленьску; то и Смоленьска идохъ Володимерю. Тое же зимы то и посласта Берестію брата на головнѣ⁵⁾ идѣ бяху пожгли, то и ту блюдъ городъ тѣхъ; та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни изъ Переяславля та Володимерю, на Су-тейску⁶⁾ мира творить съ Ляхы; оттуда пакы на лѣто Во-лодимерю опять⁷⁾. Та посла мя Святославъ в Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣ-сяци; и в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее Новго-родьское; та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову. И Святославъ умре, и язъ пакы Смоленьску, а и Смоленьска той же зимѣ та къ Новгороду; на весну Глѣбови въ помочь; а на лѣто со отцемъ подъ Полтескъ⁸⁾,

1) Остатокъ.

2) Править, судить.

3) Чинъ—часъ.

4) Еже, что.

5) На головни, т. е. на пожарище.

6) Сутейскъ—ущелье между горами.

7) Назадъ.

8) Полоцкъ, назв. г. отъ рѣки Полоты.

а на другую зиму съ Святополкомъ подъ Полтескъ; ожгоша Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я съ Половци на Одрьскъ, воюя; та Чернигову. И пакы и Смолинська къ отцю придохъ Чернигову; и Олегъ приде, изъ Володимеря выведенъ, и возвахъ и къ собѣ на обѣдъ со отцемъ въ Черниговѣ, на Краснѣмъ дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривень золота. И пакы и Смолинська же пришедъ, и проидохъ сквозѣ Половечьскыи вои, бъяся до Переяславля, и отца налѣзохъ съ полку пришедше; той пакы ходихомъ, томъ же лѣтѣ, со отцемъ и со Изяславомъ битъся Чернигову съ Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга. И пакы идохомъ Переяславлю, и стахомъ во Обровѣ, и Всеславъ Смолнескъ ожъже, и азъ всѣдъ съ Черниговци о двою коню, и не застахомъ въ Смолинскѣ; тѣмъ же путемъ по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьскѣ воюя, та Чернигову. А на ту зиму повоеваша Половци Стародубъ весь, и азъ шедъ съ Черниговци и съ Половци, на Деснѣ изъимахомъ князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша; и назаутреѣ за Новымъ городомъ разгнахомъ силны вои Белкатгина, а се мечи и полонъ весь отъяхомъ. А въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму; и пакы по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохомъ ихъ; и на ту весну къ Ярополку совкупляться на Броды. Томъ же лѣтѣ гонихомъ по Половцихъ за Хороль, иже Горошинъ взяша. И на ту осень идохомъ съ Черниговци и съ Половци, съ Читѣвичи, къ Мѣньску: изъѣхдохомъ городъ и не оставихомъ у него ни челядина, ни скотины. На ту зиму идохомъ къ Ярополку совокупляться на Броды, и любовь велику створихомъ. И на весну посади мя отецъ въ Переяславли передъ братьею, и ходихомъ за Супой; и ѣдучи къ Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапно Половечьскыѣ князи, 8 тысячъ, и хотѣхомъ съ ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохомъ въ городъ; толко Семцю яша одного живого, ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ болѣ избиша и

изъимаша, и не смѣша ни коня пояти въ руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое noci; и завтра, на Госпожинѣ день, идохомъ къ Бѣлѣ вежи, и Богъ ны поможе и святая Богородица: избиша 900 Половецъ, и два князя яша, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста; и потомъ на Святославль гонихомъ по Половцихъ, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ по Половцихъ; и паки на той же сторонѣ у Красна Половци побѣдихомъ; и потомъ съ Ростиславомъ же у Варина вежѣ взяхомъ. И потомъ ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадихъ, и Ярополкъ умре. И паки по отни смерти и по Святополцѣ на Сулѣ бившеся съ Половци до вечера, быхомъ у Халѣпа, и потомъ миръ створихомъ съ Тугорканомъ и со инѣми князи Половечьскими; и у Глѣбови чади пояхомъ дружину свою всю. И потомъ Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову, и бшася дружина моя съ нимъ 8 дней о малу греблю¹⁾, и не вдадуче имъ въ острогъ; съжаливъся хрестьяныхъ душъ и сель горящихъ и монастырь, и рѣхъ: „не хвалитися поганымъ“, и вдахъ брату отца его мѣсто, а самъ идохъ на отца своего мѣсто Переяславлю; и изидохомъ на святаго Бориса день изъ Чернигова, и ѣхахомъ сквозѣ полкы Половчскіѣ, не въ 100 дружинѣ, и съ дѣтми и съ женами, и облизакутся на насъ акы волци стояще, и отъ перевоза и съ горъ, Богъ и святой Борисъ не да имъ мене въ користь, неврежени доидохомъ Переяславлю. И сѣдѣвъ въ Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и съ дружиною своею, и многы бѣды прияхомъ отъ рати и отъ голода; и идохомъ на вой ихъ за Римовъ, и Богъ ны поможе, избиша и, а другия поимаша; и паки Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ. И Стародубу идохомъ на Олга, зане ся баше приложилъ къ Половцемъ; и на богъ идохомъ, съ Святополкомъ на Боняка за Рось; и Смолинську идохомъ, съ Давыдомъ смирившеся; паки идохомъ другое съ Вороницѣ; тогда

¹⁾ Окопъ.

же и Торци придоша ко мнѣ, изъ Половецъ Читѣевичи, идохомъ противу имъ на Сулу. И потомъ паки идохомъ къ Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихомъ Смоленску; и се нынѣ иду Ростову. И паки съ Святополкомъ гонихомъ по Боняцѣ, но ли оли убиша ¹⁾, и не постигохомъ ихъ; и потомъ по Боняцѣ же гонихомъ за Росъ, и не постигохомъ его. И на зиму Смоленску идохъ, и Смоленска по Велицѣ дни выдохъ; и Гюргева мати умре. Переяславлю пришедъ на лѣто, собрахъ братью; и Бонякъ приде со всѣми Половци къ Кснятиню, идохомъ за ня изъ Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ, и князи изъимахомъ лѣпшии, и по Рожествѣ створихомъ миръ съ Аепю, и поимъ у него дчерь, идохомъ Смоленску; и потомъ идохъ Ростову. Пришедъ изъ Ростова, паки идохъ на Половци на Урубѣ съ Святополкомъ, и Богъ ны поможе; и потомъ паки на Боняка къ Лубьну, и Богъ ны поможе; и потомъ ходихомъ въ войну съ Святополкомъ; и потомъ паки на Донъ идохомъ съ Святополкомъ и съ Давыдомъ, и Богъ ны поможе; и къ Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти и, ко Ромну идохъ со Олгомъ и съ дѣтми на ня, и они очитивше бѣжаша. И потомъ къ Мѣньску ходихомъ на Глѣба, оже ны баше люди заялъ и Богъ ны поможе и створихомъ свое мышленое. И потомъ ходихомъ къ Володимерю на Ярославця, не терпяче злобъ его. А изъ Чернигова до Кыева нестишь ѣздихъ ко отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни; а всѣхъ путей 80 и 3 великихъ, а прока не испомню меншихъ. И мировъ есмъ створилъ съ Половечьскими князи безъ одного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота ²⁾ много и многы порты своѣ; и пустилъ есмъ Половечскихъ князь лѣпшихъ изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братьѣ 4, а всѣхъ лѣпшихъ князий инѣхъ 100; а самы князи

¹⁾ „Выраженіе непонятное, вѣроятно, испорченное писцомъ“. *Примѣчаніе Археогр. Ком.*

²⁾ Скоть—вообще деньги, отсюда скотьница—казна.

Богъ живы въ руцѣ дава: Коксусь съ сыномъ, Акланъ, Бурчевичъ, Таревъскый князь Азгулуй, и инѣхъ кметий молодыхъ 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметахъ въ ту рѣчку въ Славїи ¹⁾; по чередамъ избьено не съ 200 въ то время лѣпшихъ. А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдохъ въ Черниговѣ, а изъ Чернигова вышедъ, и до ... ²⁾ лѣта по сту уганивалъ и имъ даромъ всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемъ ловилъ есмъ всякъ звѣрь. А се въ Черниговѣ дѣялъ есмъ: конь дикихъ своима рукама связалъ есмъ, въ пушахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ тогоже по Роси ѣзда ималъ есмъ своима рукама тѣ же кони дикіѣ. Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ боль ³⁾, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другой рогома боль, вепрь ми на бедрѣ мечъ отялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра, и конь со мною поверже; и Богъ неврежена мя съблюде; и съ коня много падахъ, голову си разбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмъ створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя; на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ то я творилъ есмъ; и въ ловчихъ ловчий нарядъ самъ есмъ держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ; тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не даль есмъ сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда ⁴⁾ и службы самъ есмъ призиравъ. Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто, прочетъ, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣтъ

¹⁾ Рѣка Сальна, одинъ изъ притоковъ р. Сала, на которой въ 1111 г. были разбиты Половцы.

²⁾ Здѣсь на срединѣ листа прорвано. *Прим. Арх. Ком.*

³⁾ Бодаль, отъ бости.

⁴⁾ Порядка.

сблюдь отъ тѣхъ часть смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ худаго на вся дѣла чловѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потѣснѣтесе на вся дѣла добрая, славяще Бога съ святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не бояще, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть; оже бо язъ отъ рати, и отъ звѣри и отъ воды, отъ коня спадаися, то никтоже васъ ¹⁾ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но оче²⁾ добро есть блюсти, Божие блюденье лѣплѣе есть чловѣчьскаго. О многострастный и печалны азъ! много борешися сердцемъ, и одолѣвши, душѣ, сердцю моему, зане, тлѣннѣ сущи, помышляю како стати предъ страшнымъ Судьею, каянья и смѣренья не примшимъ межю собою. Молвить бо иже: Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть; и пакы: аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вамъ отпустить Отець вашъ небесный. Пророкъ глаголетъ: не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье; что есть добро и красно, не еже жити братья вкуцѣ! . . . ³⁾

Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умныхъ дѣдѣхъ нашихъ, при добрыхъ и при блаженныхъ отцихъ нашихъ; дьяволъ бо не хочетъ добра роду чловѣчскому, сваживаетъ ны. Да се ти написахъ, зане принуди мя сынъ мой, его же еси хрстилъ, иже то сѣдитъ близъ тебе, прислалъ ко мнѣ мужъ свой и грамоту, река: ладимъся и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ; а вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а стануть си предъ Богомъ; а Русьскы земли не

¹⁾ Никто изъ васъ.

²⁾ Т. е. ежели, хотя. *Примѣч. Археогр. Ком.* Т. е. если хорошо беречься самому, то еще лучше полагаться на Бога.

³⁾ *Примѣч. Археогр. Ком.* «Отсюда слѣдуетъ „Пославіе Владиміра Мономаха Олегу Святославичу“, смѣшанное сочинителемъ Лѣтописи, или писцомъ, съ „Поученіемъ его дѣтямъ“; оно писано въ 1096 г., послѣ Муромскаго сраженія, въ которомъ убитъ сынъ Владиміровъ Изяславъ. См. Карамз. II, 115—119 и прим. 177».

погубимъ. И азъ видѣхъ смѣренье сына своего, сжалихся и Бога устрашихся, рекохъ: онъ въ уности своей и въ безумьи сице смѣряется, на Бога укладаетъ; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣхъ человѣкъ. Послушахъ сына своего, написахъ ти грамоту: аще ю примеша съ добромъ, ли съ поруганьемъ, свое же узрю на твоёмъ писаньи. Сими бо словеса варихъ ты переди, его же почаяхъ отъ тебе, смѣреньемъ и покаяньемъ, хотя отъ Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ оставления. Господь бо нашъ не человѣкъ есть, но Богъ всей вселенѣ, иже хоцетъ, въ мегновеньи ока вся створити хоцетъ, то самъ претерпѣ хуленье и оплеванье и ударенье, и на смерть влася, животомъ владѣя и смертью; а мы что есмы? человѣци грѣшнии, ли си, день живи, а утро мертви, днесъ въ славѣ и въ чти, а завтра въ гробѣ и безъ памяти, ини собранье наше раздѣлятъ. Зри, братъ, отца наю: что взяста, или чимъ има порты? не токмо оже еста створила души своей. Но да сими словеса, пославше баше переди, братъ, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое предъ тобою, и баше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процвѣтшю, якоже агньцю заколену, и рещи баше, стояще надъ нимъ, вникнущи помыслы души своей: увы мнѣ! что створи хъ, и пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы; и рещи баше Давыдскы: яко беззаконие мое азъ знаю, грѣхъ мой предо мною есть воину. Не крове дѣля пролетья, помазанникъ Божий Давыдъ, нѣ грѣхъ створи, посыпа главу свою и плакася горко во тѣ часъ отда ему согрѣшенья его Богъ. А къ Богу баше покаятися, а ко мнѣ баше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть въ ней ни зла, ни добра, да быхъ обуимъ оплакаль мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя; а Бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ съ первымъ сломъ, да не съ нею кончавъ слезы посажу на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ дровѣ, желѣючи, а

язъ утѣшюся о Бозѣ. Тѣмъ бо путемъ шли дѣди и отци наши: судъ отъ Бога ему пришелъ, а не отъ тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не занималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхомъ уладили; но самъ разумѣй, мнѣ ли бы послати къ тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? да же еси велѣлъ дѣтяти: „слися къ отцю“, десятъя есмъ послалъ. Дивно ли, оже мужъ умерлъ въ полку ти? лѣпше суть измерли и роди наши; да не выискивати было чюжего, ни мене въ соромъ, ни въ печаль ввести; научиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Да еже начнеши каятися Богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ соль свой, или пископа, и грамоту напиши съ правдою, той волость възмешъ съ добромъ, и наю сердце обратиши къ собѣ, и лѣпше будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни мѣстьяникъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: но не дай ми Богъ крови отъ руку твоею видѣти, ни отъ повелѣнья своего, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а Богъ мя вѣдаетъ и крестъ честный. Оли то буду грѣхъ створилъ, оже на тя шедъ къ Чернигову, поганыхъ дѣля, ли того ся како; да то языкомъ брати пожаловахъ, и пакы е повѣдахъ, зане чловѣкъ есмъ; аще ти добро, да съ тѣмъ; али ти лихое, да то ти сѣдитъ сынъ твой хрестыный съ малымъ братомъ своимъ, хлѣбъ ѣдучи дѣдень, а ты сѣдиши въ своемъ. А о се ся ряди; али хочеши тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю брата и Русьскѣй земли; а его же ты хочеши насильемъ, тако вѣ даяла и у Стародуба и мила ся дѣюща по тебѣ очину твою: али Богъ послухъ тому, съ братомъ твоимъ рядилися есвѣ, а не поможетъ рядитися безъ тебе, и не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли къ брату, дондеже уладимся; оже ли кто васъ не хочетъ добра, ни мира хрестыаномъ, а не буди ему отъ Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ души его. Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая, по Бозѣ самъ услышишь; но душа ми своя лутши

всего свѣта сего; на страшнѣй при бе—суперникъ обличаюся, и прочее ¹⁾).

1097. Въ лѣто 6605. Придоша Святополкъ и Володимерь, и Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ Свято-славичь, и братъ его Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша къ собѣ, рекуще: „почто губимъ Русь-скую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати; да нынѣ отселѣ имемся по единому сердцу, и блюдемъ Рускыѣ земли, каждо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимерь Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю; а имъ же роздаялъ Всеволодъ города, Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володареви, Теробовль Василкови“. И на томъ цѣловаша крестъ: „да аще кто отселѣ на кого будетъ, то на того будемъ вси и крестъ честный“; рекоша вси: „да будетъ на нь крестъ честный и вся земля Русьская“: и цѣловавшеся поидоша всояси. И приде Святополкъ съ Давыдомъ Кыеву, и ради быша людье вси; но токмо дьяволъ печалень, баше о любви сей; и влѣзе сотона въ сердце нѣкоторымъ мужемъ, и почаша глаголати къ Давыдови Игоревичю, рекуще сиче: „яко Володимерь сложился есть съ Василкомъ на Святополка и на тя“. Давыдъ же емъ вѣру лживымъ словесомъ, нача молвити на Василка, глаголя: „кто есть убилъ брата твоего Ярополка? а нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть съ Володимеромъ; да промышляй о своей головѣ“. Святополкъ же смятесе умомъ, река: „еда се право будетъ, или лжа, не вѣдѣ“; и рече Святополкъ къ Давыдови: „да аще право глаголеши, Богъ ти буди послухъ; да аще ли завистью молвишь, Богъ будетъ за тѣмъ“. Святополкъ же сжалиси по

¹⁾ Здѣсь оканчивается выписка изъ Посланія Владиміра Мономаха къ Олегу, и далѣе слѣдуетъ Отрывокъ молитвеннаго содержанія.

братъ своемъ и о собѣ нача помышляти, еда се право будеть? и я вѣру Давыдови, и прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Васильцѣ; а Василко сего не вѣдѣше ни Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: „аще не имевѣ Василка, то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ в Володимери“; и послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноябрь, и перевезся на Выдобычъ, и иде поклонитя къ святому Михаилу въ монастырь, и ужина ту, а товары своя постави на Рудици; вечеру же бывшую прииде въ товаръ свой. И наутрия же бывшую, присла Святополкъ, река: „не ходи отъ именинъ моихъ“. Василко же отпрѣся, река: „не могу ждати; еда будеть рать дома“. И присла къ нему Давыдъ: „не ходи, брате, не ослушайся брата старѣйшаго“; и не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: „видиши ли, не помнишь тебе, ходя въ твоею руку; аще ти отъидеть въ свою волость, самъ узриши, аще ти не займеть градъ твоихъ Турова, и Пиньска, и прочихъ градъ твоихъ, да помянешь мене; во призвавъ нынѣ и, емъ и дажь мнѣ“. И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: „да аще не хочешь ждати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посѣдимъ вси съ Давыдомъ“. Василко же обѣщася прити, не вѣдый лсти, юже имяше на нь Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте и дѣтський ¹⁾ его и повѣда ему, глаголя: „не ходи, княже, хотять тя яти“. И не послуша его, помышляя, „како мя хотять яти? оногды цѣловали крестъ, рекуще: аще кто на кого будеть, то на того будеть крестъ и мы вси“; и помысливъ си пре крестися, рекъ: „воля Господня да будеть“. И приѣха въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ; и вылѣзе противу его Святополкъ, и идоша въ истобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкъ: „останися на *святюкъ*“ ²⁾. И рече Василко: „не могу остати, брате; уже есмъ повелѣлъ

¹⁾ Въ др. сп. „отрокъ“.

²⁾ Праздникъ. (Солов. И. Р. II, гл. IV).

товаромъ поити преди“. Давыдъ же сѣдѣше акы нѣмъ. И рече Святополкъ: „да заутрокай, брате“! и обѣщася Василко заутрамати. И рече Святополкъ: „посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжу“. И лѣзе вонъ, а Давыдъ съ Василкомъ сѣдоста. И нача Василко глаголати къ Давыдови, и не бѣ въ Давыдѣ гласа, ни послушанья; бѣ бо ужаслѣся, и лѣсть имѣя въ сердци. И посѣдѣвъ Давыдъ мало, рече: „къдѣ есть братъ“? Они же рѣша ему: „стоитъ на сѣнехъ“. И вставъ Давыдъ, рече: „азъ иду по нь; а ты, брате, посѣди“. И вставъ иде вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка, въ 5 ноябрья, и оковаша и въ двои оковы, и приставиша къ нему сторожѣ на ночь. Наутрия же Святополкъ созва боляръ и Княнъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ: яко „брата ти убилъ, а на тя свѣчался съ Володимеромъ, и хочеть тя убити и грады твоя зяяти“. И рѣша боляре и людье: „тобѣ, княже, достонть блюсти головы своее; да аще есть право молвилъ Давыдъ, да приметъ Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да приметъ мѣсть отъ Бога и отвѣчаетъ предъ Богомъ“. И увѣдѣша игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: „ото Давыдъ“. Увѣдѣвъ же се Давыдъ, нача поущати на ослѣпленье: „аще ли сего не створишь, а пустишь и, то ни тобѣ княжити, ни мнѣ“. Святополкъ же хотяше пустити и, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша и Бѣлугороду, иже градъ малъ у Києва яко 10 верстъ въдале, и привезоша и на колѣхъ, окована суца, ссадиша и съ колъ, и ведоша и въ истобку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко Торчина остряща ножъ, и разумѣ, яко хотять и слѣпити, възни къ Богу плачемъ великимъ и стенаньемъ. И се влѣзоша послании Святополкомъ и Давыдомъ, Сновидъ Изечевичъ конюхъ Святополчъ, и Дѣмитръ, конюхъ Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерша яста Василка и хотяща и поврещи; и боряшеться съ нима крѣпко, и не можаста его поврещи. И се влѣзше друзии повергоша и, и связаша и, и снемше доску съ печи, и възложиша на перси его; и сѣдоста

обаполы Сновидъ Изечевичъ и Дмитръ, и не можаста удержати; и приступиста ина два, и сняста другую дску съ печи, и сѣдоста, и удавиша и рамяно, яко персемъ троскотати. И приступи Торчинъ, именовъ Беренди, овчюхъ Святополчъ, держа ножъ и хотя ударити в око, и грѣшися ока и перерѣза ему лице, и есть рана та на Василкѣ и нынѣ; и посемъ удари и въ око, и изя зѣницу, и посемъ въ другое око, и изя другую зѣницу; и томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И взявше и на коврѣ възложиша на кола яко мертва, повезоша и Володимерю. И бысть везому ему, сташа съ нимъ перешедше мость Звиженьскый, на торговищи, и сволокоша съ него сорочку, кроваву сущю, и вдаша попадѣи опрати; попадѣя же оправши възложи на нь, онѣмъ обѣдующимъ, и плакаться нача попадѣя, яко мертву сущю оному. И очюти плачь, и рече: „кдѣ се есмь“? Они же рекоша ему: „въ Звиждени городѣ“. И вприси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи въ онъ душа, и упомянуся, и пощюпа сорочки и рече: „чему есте сняли съ мене? да быхъ въ той сорочкѣ кровавѣ смерть приялъ и сталь предъ Богомъ“. Онѣмъ же обѣдавшимъ, поидоша съ нимъ вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць грудень, рекше ноябрь; и придоша съ нимъ Володимерю въ 6 день. Приде же и Давыдъ съ нимъ, акы нѣкакъ уловъ уловивъ; и посадиша и въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужъ стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко. Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: „сего не бывало есть въ Русьскѣй земли, ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцехъ нашихъ, сякого зла“. И ту абѣ посла къ Давыду и къ Олгови Святославичема, глаголя: „пойдѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Русьскѣй земли и въ насъ, въ брати, оже вверженъ въ ны ножъ; да аще сего не правимъ, то болшее зло встанеть в насъ, и начнетъ братъ брата закалати, и погыбнетъ земля Руская, и врази наши, Половци, пришедше возьмутъ землю Русьскую“. Се слышавъ Давыдъ и Олегъ печална быста велми и плакастася, рекуща:

„яко сего не было въ родѣ нашемъ“. И ту абѣ собравъша воѣ, придоста къ Володимеру. Володимеру же съ вои стоящу въ бору, Володимеръ же и Давыдъ и Олегъ послаша мужѣ свои, глаголюще къ Святополку: „что се зло створилъ еси въ Русьстѣй земли, и ввергль еси ножъ въ ны? чему еси слѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы и предъ нами, и упрѣвъ бы и ¹⁾, створилъ ему; а нынѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси“. И рече Святополкъ: яко „повѣда ми Давыдъ Игоревичъ: яко Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе хочеть убити и зяяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берестие и Погорину, а заходилъ ротѣ съ Володимеромъ, яко сѣсти Володимеру Кыевѣ, а Василкови Володимери; а неволя ми своее головы блюсти, и не язъ его ослѣпилъ, но Давыдъ, и велъ и къ собѣ“. И рѣша мужи Володимери, и Давыдови и Олгови: „извѣта о семъ не имѣй, яко Давыдъ есть слѣпилъ и; не въ Давыдовѣ городѣ ятъ, ни слѣпленъ, но въ твоємъ градѣ ятъ и слѣпленъ“; и се имъ глаголющимъ разидошася разно. Наутрия же хотящимъ чрезъ Днѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотѣ побѣгнуги изъ Кіева, и не даша ему Кыеане побѣгнуги, но послаша Всеволожою и митрополита Николу къ Володимеру, глаголюще: „молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли; аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудомъ великимъ и храбрѣствомъ, побарающе по Русьскѣй земли, ины земли пріискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую“. Всеволожая же и митрополитъ придоста къ Володимеру и молиастася ему, и повѣдаста молбу Кыеанъ, яко творити миръ, и блюсти землѣ Русьскыѣ, и брань имѣти съ поганими. Се слышавъ Володимеръ, расплакавъся и рече: „по истинѣ отци наши и дѣди наши сблюли землю Русьскую, а мы хочемъ погубити“; и преклонися на молбу княгинину,

¹⁾ Доказавъ его вину. (Сол. И. Р. П. Гл. I).

чтяшетъ ю акы мать, отца ради своего, бѣ бо любимъ отцю своему повелику, и въ животѣ и по смерти, не ослушавъ его ни въ чемъ же; тѣмже и послуша ея, акы матери, и митрополита такоже чтяше, санъ святительскій, и не преслуша молбы его, Володимеръ бо такъ баше любезнивъ: любовь имѣя къ митрополитомъ и къ епископомъ и къ игуменомъ, паче же и чернечскій чинъ любя, и черници любя, приходивъ къ нему напаше и напаяше, акы мати дѣти своя; аще кого видяше ли шюмна, ли въ коемъ зазорѣ, не осужаше, но вся на любовь прекладале и утешаше. Но мы на свое възвратимся. Княгини же бывши у Володимера, приде Къеву, и повѣда вся рѣчи Святополку и Кияномъ, яко миръ будетъ. И начаша межи собою мужѣ слати, и умиришася на семь, яко рѣша Святополку: „яко се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и“; Святополкъ же емъся по се, и цѣловаша крестъ межю собою, миръ створше. Василкови же сущю Володимери, на прежерѣченѣмъ мѣстѣ, и яко приближися постъ великый, и мнѣ ту сущю Володимери, въ едину ношь присла по мя князь Давыдъ. И придохъ къ нему, и сѣдяху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: „се молвилъ Василко си ночи къ Уланови и Колчи, рекль тако: се слышу, оже идетъ Володимеръ и Святополкъ на Давыда; да же бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужъ свой къ Володимеру воротиться, вѣдѣ бо ся съ нимъ что молвилъ, и не поидеть; да се, Василю, шлю тя, иди къ Василкови, тезу своему, с сима отрокома, и молви ему тако: оже хоцещи послати мужъ свой, и воротится Володимеръ, то вдамъ ти которой ти городъ любъ, любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль“. Азъ же идохъ къ Василкови, и повѣдахъ ему вся рѣчи Давыдовы. Онъ же рече: „сего есмъ не молвилъ; но надѣюся на Богъ, пошлю, да быша не прольали мене ради крови; но сему ми дивно, даетъ ми городъ свой, а мой Тербовль, моя власть, пождавши и нынѣ“; якоже и бысть, вскорѣ бо прія власть свою. Мнѣ же рече: „иди къ Давы-

дови и рци ему: пришли ми Кульмѣя, то пошлю къ Володимеру“. И не послуша его Давыдъ, и посла мя пакы река: „нѣту Кулмѣя“. И рече ми Василко: „посѣди мало“, и повелѣ слузѣ своему ити вонъ, и сѣде со мною, и нача ми глаголати: „се слышю, оже мя хочеть дати Ляхомъ Давыдъ; то се мало ся насытилъ крове моея, а се хочеть болѣ насытитися, оже мя вдасть имъ? азъ бо Ляхомъ много зла творихъ, и хотѣлъ есмь створити и мстити Русьскѣй земли. И аще мя вдасть Ляхомъ, не боюся смерти; но се повѣдаю ти по истинѣ, яко на мя Богъ наведе за мое възвышенье: яко приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ Берендичи, и Печенѣзи, и Торци, и рекохъ въ умѣ своемъ: оже ми будутъ Берендичи и Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володареву и Давыдови: даѣта ми дружину свою молодшую, а сама пийта и веселитася; и помыслихъ: на землю Лядскую наступлю на зиму, и на лѣто и возму землю Лядскую, и мьщю Русьскую землю; и посемъ хотѣлъ есмь переяти Болгары Дунайскыѣ, и посадити я у собѣ; и посемъ хотѣхъ проситися у Святополка и у Володимера ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю; ино помышленье въ сердци моемъ не было ни на Святополка, ни на Давыда, и се кленуся Богомъ и его пришествіемъ, яко не помыслилъ есмь зла брати своей ни въ чемъ же, но за мое възнесенье низложи мя Богъ и смири“. Посемъ же приходящю Велику дни, поиде Давыдъ, хотя переяти Василкову волость; и усрѣте и Володарь, братъ Василковъ, у Божьска, и не смѣ Давыдъ стати противу Василкову брату, Володарю, и затворися въ Бужьскѣ, а Володарь оступи и въ городѣ. И нача Володарь молвити: „почто зло створивъ и не каешися его? да уже помянися, колико еси зла створилъ“. Давыдъ же на Святополка нача извѣтъ имѣти, глаголя: „ци я се створилъ, ци ли въ моемъ городѣ? я ся самъ боялъ, аще быша и мене яли и створили такоже; неволя ми было пристати въ совѣтъ, ходяче въ руку“. И рече Володарь: „Богъ свѣдѣтель тому, а нынѣ пусти

братъ мой, и створю съ тобою миръ“. И радъ бывъ Давыдъ посла по Василка, и приведъ и дастъ Володарю, и створиста миръ, и разидостася. И сѣде Василко Теробовли, а Давыдъ приде Володимерю; и наставши веснѣ, приде Володарь и Василко на Давыда, и придоста ко Всеволожу, а Давыдъ затворися Володимери. Онѣма же ставшима около Всеволожа, и взяста копьемъ градъ и зажгоста огнемъ и бѣгоша людье огня; и повелѣ Василко исѣчи вся, и створи мщенье на людехъ неповинныхъ, и проля кровь неповинну. Посемъ же придоста къ Володимерю, и затворися Давыдъ въ Володимери, и си оступиша градъ. И посласта къ Володимерцемъ, глаголюще: „вѣ не придоховѣ на градъ вашъ, ни на васъ, но на врагы своя, на Туряка, и на Лазаря и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ естъ послушалъ Давыдъ и створилъ се зло; да аще хочете за сихъ битися, да се мы готови, а любо выдайте врагы наша“. Гражане же се слышавъ, созваша вѣче, и рѣша Давыдови людье: „выдай мужи сія, не бьемся за сихъ, а за тя битися можемъ; аще ли, то отворимъ врата граду, а самъ промышляй о собѣ“; и неволя бысть выдати я. И рече Давыдъ: „нѣту ихъ здѣ“, бѣ бо я послалъ Лучьску; онѣмъ же пошедшимъ Лучьску, Турякъ бѣжа Кыеву, а Лазарь и Василь воротистася Турійску. И слышаша людье, яко Турійскѣ суть, кликнуша людье на Давыда и рекоша: „выдай, кого ти хотять; аще ли, то предаемься“. Давыдъ же пославъ приведе Василя и Лазаря, и дастъ я; и створиша миръ въ недѣлю. А заутра, по зори, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Василковичи, и идоша отъ града. Се же 2-е мщенье створи его же не баше лѣпо створити, дабы Богъ отместникъ былъ, и взложити было на Бога мщенье свое, якоже рече Пророкъ: и вздамъ мечь врагомъ, и ненавидящимъ мя вздамъ, яко кровь сыновъ своихъ мщаетъ и мститъ, и вздасть мечь врагомъ и ненавидящимъ его. Симъ же отъ града отшедшимъ, сею же снемше погребоша я. Святополку же обѣщавшюся прогнати Давыда, поиде къ Берестью къ Ляхомъ; се слышавъ Давыдъ,

иде въ Ляхы къ Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помагати, и взяша у него злата 50 гривень, рекуще ему: „пойди съ нами Берестью, яко се вабитъ ны Святополкъ на снемъ, и ту умиримъ тя съ Святополкомъ“; и послушавъ ихъ Давыдъ, иде Берестью съ Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градъ, а Ляхове на Бугу, и сослася рѣчьми Святополкъ съ Ляхы, и вдасть дары великы на Давыда; и рече Володиславъ Давыдови: „не послушаетъ мене Святополкъ, да иди опять“. И приде Давыдъ Володимерю, и Святополкъ съвѣтъ створи съ Ляхы, поиде къ Пиньску, пославъ по воѣ; и приде Дорогобужю, и дожда ту вой своихъ и поиде на Давыда къ граду, и Давыдъ затворися въ градъ чая помощи въ Лясѣхъ, бѣша бо ему рекли: „яко аще придуть на тя Русскыѣ князи, то мы ти будемъ помощници“; и солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка. Святополкъ же оступи градъ, и стоя Святополкъ около града 7 недѣль; и поча Давыдъ молитися: „пусти мя изъ града“. Святополкъ же обѣщася ему, и цѣловаста крестъ межи собою, и изиде Давыдъ изъ града, и приде въ Червень; а Святополкъ вниде въ градъ въ великую субботу, а Давыдъ бѣжа въ Ляхы. Святополкъ же прогнавъ Давыда, нача думати на Володоря и на Василка, глаголя: „яко се есть волость отца моего и брата“; и поиде на ня. Се слышавъ Володарь и Василко, поидоста противу, взяше крестъ, его же бѣ цѣловаль къ нима на семъ: яко „на Давыда пришелъ есмъ, а съ вама хочю имѣти миръ и любовь“. И преступи Святополкъ крестъ, надѣяся на множество вой. И срѣтошася на поли на Рожни, исполчившимся обоимъ, и Василко възвыси крестъ, глаголя: „яко сего еси цѣловаль, се перьвѣе взялъ еси зракъ очью моею, а се нынѣ хочещи взяти душу мою; да буди межи нами крестъ съ“; и поидоша къ собѣ къ боеви, и сступишася полци, и мнози чловѣци благовѣрнии видѣша крестъ надъ Василковы вой възвышьяся велми. Брани же велицѣ бывши и мнозѣмъ падающимъ отъ обою полку, и видѣвъ Святополкъ, яко люта брань, и побѣже, и прибѣже

Володимерю; Володаръ же и Василко побѣдивша, стага ту, рекуща: „довлѣеть нама на межи своей стати“, и не идоста никаможе. Святополкъ же прибѣже Володимерю, и съ нимъ сына его 2, и Ярополчича 2, и Святоша сынъ Давыдовъ Святославича, и прочая дружина. Святополкъ же посади въ Володимери Мстислава....., а Ярослава посла въ Угры, вабя Угры на Володаря, а самъ иде Кыеву. Ярославъ же, сынъ Святополчь, приде съ Угры, и король Коломанъ и 2 пископа, и стага около Перемышля по Вагру, а Володаръ затворися въ градѣ. Давыдъ бо въ то чинъ пришедъ изъ Ляховъ, и посади жену свою у Володаря, а самъ иде въ Половцѣ; и устрѣте и Бонякъ, и воротися Давыдъ, и поидоста на Угры. Идущема же има, стага ночлѣгу; и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отъѣха отъ вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози; Бонякъ же приѣхавъ повѣда Давыдови, яко „побѣда ны есть на Угры заутра“. И наутрия Бонякъ исполчи вой своѣ, и бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300; и раздѣли я на 3 полкы, и поиде къ Угромъ; и пусти на воропъ Алтунапу въ 50 чади, а Давыда постави подъ стягомъ, а самъ раздѣлился на 2 части, по 50 на сторонѣ. Угри же исполчишася на заступы, бѣ бо Угръ числомъ 100 тысящъ. Алтунопа же пригна къ 1-му заступу, и стрѣливше побѣгнуша предъ Угры, Угри же погнаша по нихъ; яко бѣжаше минуша Боняка, и Бонякъ погнаше сѣкы въ тыль, а Алтунопа възвратяшеться вспять, и не допустяху Угръ опять, и тако множицею убивая сбиша ѣ въ мячь; Бонякъ же раздѣлился на 3 полкы, и сбиша Угры акы въ мячь, яко се соколь сбиваетъ галицѣ. И побѣгоша Угри, и мнози истопоша въ Вягру, а друзии въ Сану; и бѣжаше возлѣ Санъ у гору, и спихаху другъ друга, и гнаша по нихъ 2 дни, сѣкуще; ту же убиша и пископа ихъ Купана и отъ боляръ многы; глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысящъ. Ярославъ же бѣжа на Ляхы, и приде Берестью, а Давыдъ заимъ Сутѣску и Червень, приде внезапно и зая Володимерцѣ, а Мстиславъ затворися въ градѣ съ засадою,

иже бѣша у него Берестьяне, Пиняне, Выгошеви; и ста Давидъ, оступивъ градъ, и часто пристунаше. Единою поступиша къ граду подъ вежами, онѣмъ же бьющимъ съ града, и стрѣляющимъ межи собою, идяху стрѣлы акы дождь; Мстиславу же хотящу стрѣлити, внезапно ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею, и сведоша и, и на ту ноцъ умре, и таиша и 3 дни, и въ 4-й день повѣдаша на вѣчи. И рѣша людье: „се князь убьенъ; да аще ся вдамы, Святополкъ погубить ны вся“; и послаша къ Святополку, глаголюще: „се сынъ твой убьенъ, а мы изнемогаемъ голодомъ; да аще не придеши, хотять ся людье предати, не могуще глада терпѣти“. Святополкъ же посла Путятю, воеводу своего; Путятя же съ вои пришедъ къ Лучьску къ Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святошѣ, заходилъ бо бѣ ротѣ Святоша къ Давыдови: „аще поидеть на тя Святополкъ, то повѣмъ ти“; и не створи сего Святоша, но изъима мужи Давыдовы, а самъ поиде на Давыда. И приде Святоша и Путятя августа въ 5 день, Давыдовымъ воемъ облежающимъ градъ, въ полуденъе Давыдови снѣщю, и нападоша на ня и почаша сѣчи; и горожане скочиша съ града, и почаша сѣчи воѣ Давыдовы, и побѣже Давидъ и Мстиславъ, сыновець его. Святоша же и Путятя прияста градъ, и посадиста посадника Святополча Василя; и приде Святоша Лучьску, а Путятя Кыеву. Давидъ побѣже в Половцѣ, и усрѣте и Бонякъ; и поиде Давидъ и Бонякъ на Святошу къ Лучьску, и оступиша Святошу в градѣ, и створиша миръ. И изиде Святоша изъ града, и приде къ отцю своему Чернигову; а Давидъ перся Лучьскъ, и оттуду приде Володимерю, посадникъ же Василь выбѣже, а Давидъ перся Володимеръ и сѣде в немъ. А на 2-е лѣто Святополкъ, Володимеръ, Давидъ и Олегъ привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужь, в немъ же и умре; а Святополкъ перся Володимеръ, и посади в немъ сына своего Ярослава.

1098. Въ лѣто 6606. Приде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ, якоже и в прежнее лѣто сказахъ.

1099. Въ лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда къ Володимерю, и прогна Давыда в Ляхы. В се же лѣто побѣени Угри у Перемышля. В се же лѣто убьенъ Мстиславъ, сынъ Святополчъ, в Володимери, мѣсяца юня в 12 день.

1100. Въ лѣто 6608. Выиде Мстиславъ отъ Давыда на море, мѣсяца юня в 10. В томъ же лѣте братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, въ Увѣтичихъ, мѣсяца августа въ 10 день. Того же мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вся сняшася, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, и приде къ нимъ Игоревичъ Давыдъ, и рече къ нимъ: „начто мя есте привабили? осе есмъ; кому до мене обида“? И отвѣща ему Володимеръ: „ты еси прислалъ къ намъ: хочю, братья, прити к вамъ и пожаловатися своея обиды; да се еси пришелъ и сѣдишь с братъею своею на одиномъ коврѣ: то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба“? и не отвѣща Давыдъ ничтоже. И сташа вся братья на конихъ; и ста Святополкъ съ своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ съ своею разно, кромѣ себе, а Давыдъ Игоревичъ сѣдѣше кромѣ, и не припустяху его къ собѣ, но особъ думаху о Давыдѣ. И сдумавше послаше къ Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путятю, Володимеръ Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина; послании же придоша къ Давыдови и рекоша ему: „се ти молвять братья: не хочемъ ти дати стола Володимерьскаго, зане вверглъ еси ножъ в ны, его же не было въ Русьскѣй земли; да се мы тебе не имемъ, ни иного ти зла не створимъ, но се ти даемъ: шедъ сяди въ Бужьскѣмъ, въ Острозѣ, а Дубенъ и Черторьескъ то ти даетъ Святополкъ, а се ти даетъ Володимеръ 200 гривень, а Давыдъ и Олегъ 200 гривень“. И тогда послаша слы своя къ Володареви и къ Василкови: „поими брата своего Василка къ собѣ, и буди вама едина власть, Перемышль; да аще вамъ любо, да сѣдита, аще ли ни,

да пусти Василка сѣмо, да его кормимъ сдѣ; а холопы наша выдайта и смерды“; и не послуша сего Володарь, ни Василко. А Давыдъ сѣде Божьскѣмъ, и посемъ вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, въ немъ же и умре; а Володимерь вда сынови своему Ярославу.

1101. Въ лѣто 6609. Преставися Всеславъ, Полотьскый князь, мѣсяца априля въ 14 день, въ 9 часъ дне, въ среду. В то же лѣто заратися Ярославъ Ярополчичъ Берестьи, и иде на нь Святополкъ, и заста и въ градѣ, и емъ и, и окова, и приведе и Кыеву; и молися о немъ митрополитъ и игумени, и умолиша Святополка, и заводиша и у раку святою Бориса и Глѣба, и сняша съ него оковы, и пустиша и. Томъ же лѣтѣ совокупишася вся братья: Святополкъ, Володимерь, и Давыдъ, и Олегъ, Ярославъ, братъ ею, на Золотъчи; и прислаша Половци слы отъ всѣхъ князий ко всей брати, просяще мира; и рѣша имъ Русскыи князи: „да аще хочете мира, да совокупимся у Сакова,“; и послаша по Половцѣ, и сняшася у Сакова, и створиша миръ съ Половци, и пояшатали межи собою, мѣсяца септября въ 15 день, и разидошася разно.

1102. Въ лѣто 6610. Выбѣже Ярославъ Ярополчичъ изъ Кыева, мѣсяца октября въ 1. Того же мѣсяца на исходѣ, предствивъ Ярославъ Святополчичъ Ярослава Ярополчича, и ятъ и на Нурѣ, и приведе и къ отцю Святополку, и оковаша и. Томъ же лѣтѣ, мѣсяца декабря въ 20, приде Мстиславъ, сынъ Володимерь, съ Новгородци, бѣ бо Святополкъ съ Володимеромъ рядъ имѣлъ, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой в немъ, а Володимеру посадити сынъ свой Володимери; и приде Мстиславъ Кыеву, и сѣдоша въ избѣ, и рѣша мужи Володимери: „се прислалъ Володимерь сына своего, да се сѣдятъ Новгородци; да поимше сына твоего и идутъ Новугороду, а Мьстиславъ да идетъ Володимерю“. И рѣша Новгородци Святополку: „се мы, княже, прислани къ тобѣ, и ркли ны тако: не хотимъ Святополка, ни сына его; аще ли 2 главѣ имѣеть сынъ твой,

то пошли и; а сего ны даль Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шель отъ насъ“. И Святополкъ же многу прю имѣвъ съ ними, онѣмъ же не хотѣвшимъ, поимше Мстислава, придоша Новгороду. В то же лѣто бысть знаменье на небеси, мѣсяца генваря въ 29 день, по 3 дни, акы пожарная заря отъ востока и уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю ночь, акы отъ луны полны свѣтящся. В то же лѣто бысть знаменье в лунѣ, мѣсяца февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье въ солнци: огородилося бяше солнце въ три дугы, и быша другыя дугы хребты къ собѣ. И сія видяще знаменья, благовѣрнии чловѣци со въздыханьемъ молахуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро. На придущее лѣто вложи Богъ мысль добру въ Русьскыѣ князи, умыслиша дерзнути на Половцѣ и поити в землю ихъ, еже и бысть, якоже скажемъ послѣже в пришедшее лѣто. В се же лѣто преставися Ярославъ Ярополчичъ, мѣсяца августа въ 11 день. В се же лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава, мѣсяца ноября въ 16 день.

1103. Въ лѣто 6611. Богъ вложи в сердце княземъ Русскимъ Святополку и Володимеру, и снятася думати на Долобьскѣ; и сѣде Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею въ единомъ шатрѣ. И почаша думати и глаголати дружина Святополча: „яко негодно нынѣ веснѣ ити, хотимъ погубити смерды и ролью ихъ“. И рече Володимеръ: „дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ, и прѣхавъ Половчинъ ударить и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его, и дѣти его, и все его имѣнье? то лошади жаль, а самого не жаль ли“? И не могоша отвѣщати дружина Святополча. И рече Святополкъ: „се язъ готовъ уже“; и вста Святополкъ, и рече ему Володимеръ: „то ти, брате, велико добро створиши землѣ Русскѣй“. И посласта ко Олгови и Давыдови, глаго-

люща: „пойдита на Половци, да любо будемъ живи, любо мертви“. И послуша Давыдъ, а Олегъ не всхотѣ сего, вину река: „не сдравлю“. Володимеръ же цѣловавъ брата своего, и поиде Переяславлю, а Святополкъ по немъ, и Давыдъ Святославичъ, и Давыдъ Всеславичъ, и Мстиславъ Игоревъ внукъ, Вячеславъ Ярополчичъ, Ярополкъ Володимеричъ; и поидоша на конихъ и в лодьяхъ, и придоша ниже порогъ, и сташа в протолчехъ в Хортичемъ островѣ; и всѣдоша на конѣ, и пѣшци изъ лодей выседше идоша въ полѣ 4 дни, и придоша на Сутѣнь. Половци же слышавше, яко идетъ Русь, собрашася безъ числа и начаша думати. И рече Урособа: „просимъ мира у Руси, яко крѣпко имуть битися съ нами, мы бо много зла створихомъ Русскѣй земли“. И рѣша унѣйшии Урособѣ: „аще ты боишися Руси, но мы ся не боимъ; сія бо избивше, поидемъ в землю ихъ и примемъ грады ихъ, и кто избавить и отъ насъ“? Русскіѣ же князи и вои вси моляхуть Бога, и обѣты вздаяху Богу и Матери его, овъ кутьею, овъ же милостынею убогимъ, инии же манастыремъ требованья. И сиче молящимся, поидоша Половци и послаша предъ собою в сторожѣ Алтунопу, иже словяше в нихъ мужствомъ; такоже Русскіѣ князи послаша сторожѣ своѣ. И устерегоша Русскіѣ сторожеве Олтунопу, и обступивъше и, и убиша Алтунопу и сущая съ нимъ, и не избысть ни единъ, но вся избиша. И поидоша полкове, аки борове, и не бѣ презрѣти ихъ; и Русь поидоша противу имъ. И Богъ великій вложи ужасть велику в Половцѣ, и страхъ нападе на ня и трепеть отъ лица Русскихъ вой, и дремаху сами, и конемъ ихъ не бѣ спѣха въ ногахъ; наши же съ весельемъ на конѣхъ и пѣши поидоша къ нимъ. Половци же видѣвше устремленье Русское на ся, не достигивше побѣгоша предъ Русскими полки; наши же погнаша, сѣкуща я. Дни 4 априля мѣсяца велико спасенье Богъ створи, а на врагы наша дастъ побѣду велику. И убиша ту в полку князий 20: Урособу, Кчія, Аръсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря, и прочая князий ихъ;

а Белдюзя яша. Посемъ же сѣдоша братья, побѣдивше врагы своя, и приведоша Белдюзя къ Святополку, и нача Белдюзь даяти на собѣ злато, и сребро, и конѣ и скоть; Святополкъ же посла и къ Володимеру. И пришедшю ему, нача впрашати его Володимеръ: „то вѣдѣ яла вы рота; многажды бо ходивше ротѣ, воевасте Русскую землю; то чему ты не казаше сыновѣ своихъ и роду своего не преступати роты, но проливашеть кровь хрестьяньску? да се буди кровь твоя на главѣ твоей“; и повелѣ убити и, и тако расѣкоша и науды. И посемъ сняшася братья вся, и рече Володимеръ: „съ день, иже створи Господь, възрадуемъ и възвеселимъ въ оны; яко Господь избавилъ ны есть отъ врагъ нашихъ, и покори врагы наша, и скруши главы змиевыя, и даль еси сихъ брашно людемъ Русьскимъ“; взяша бо тогда скоты, и овцѣ, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ съ добыткомъ и съ челядью, и заяша Печенѣгы и Торкы съ вежами. И придоша в Русь съ полономъ великимъ, и съ славою и съ побѣдою великою. Семъ же лѣтѣ придоша ирузи, августа в 1 день. Того же мѣсяца въ 18 день иде Святополкъ, и сруби городъ Гюргевъ, его же бѣша пожгли Половци. Того же лѣта бися Ярославъ съ Мордвою, мѣсяца марта въ 4 день, и побѣженъ бысть Ярославъ.

1104. Въ лѣто 6612. Ведена дщи Володарева за царевичъ за Олексиничъ, Цесарюгороду, мѣсяца иулія въ 20. Томъ же лѣтѣ ведена Передъслава, дщи Святополча, в Угры, за королевичъ, августа в 21 день. Томъ же лѣтѣ приде митрополитъ Никифоръ в Русь, мѣсяца декабря въ 6 день. Того же мѣсяца преставися Вячеславъ Ярополчичъ въ 13 день. Того же мѣсяца въ 18 Никифоръ митрополитъ на столѣ посаженъ. Се же скажемъ: сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путяту на Мѣнескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олегъ самъ иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича; и не успѣша ничтоже, и възвратишася опять. И родися у Святополка сынъ, и нарекоша имя ему Брячиславъ. В се же лѣто бысть знаменье: стояше солнце в крузѣ, а

посредѣ круга крестъ, а посредѣ креста солнце, а внѣ круга обаполы два солнца, а надъ солнцемъ кромѣ круга дуга, рогома на сѣверъ; такоже знаменье и въ лунѣ тѣмъ же образомъ, мѣсяца февраля въ 4 и 5 и 6 день, въ дне по 3 дни, а въ ношъ въ лунѣ по 3 нощи.

1106. Въ лѣто 6614. Воеваша Половци около Зарѣчьска, и посла по нихъ Святополкъ Яня и Иванка Захарьича, Козарина; и угониша Половцѣ, и полонъ отъяша. В се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣто 90, въ старости маститѣ; живъ по закону Божью, не хужий бѣ первыхъ праведникъ, отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ отъ него же слышахъ; бѣ бо мужъ благъ, и кротокъ, и смѣренъ, огребаяся всякая вещи, его же и гробъ есть въ Печерьскомъ монастыри, въ притворѣ, идѣже лежитъ тѣло его положено мѣсяца иуня въ 24. Въ се же лѣто пострижеса Еупракси, Всеволожа дщи, мѣсяца декабря въ 6. Въ то же лѣто прибѣже Избыгнѣвъ къ Святополку. Въ то же лѣто пострижеса Святославъ, сынъ Давыдовъ, внукъ Святославль, мѣсяца февраля въ 17 день. Томъ же лѣтѣ побѣдиша Зимѣгола Всеславичъ, всю братью, и дружины убиша 9 тысящъ.

1107. Въ лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. Въ се же лѣто преставися Володимеря, мѣсяца мая въ 7 день. Того же мѣсяца воева Бонякъ и зая конѣ у Переяславля. Томъ же лѣтѣ приде Бонякъ, и Шаруканъ старый, и ини князи мнози, и сташа около Лубна; Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Ярополкъ идоша на Половци къ Лубну, и въ 6 часъ дне бродишася чрезъ Сулу, и кликнуша на нихъ. Половци же ужасошася, отъ страха не възмогша ни стяга поставити, но побѣгоша хватающе кони, а друзии пѣши побѣгоша; наши же почаша сѣчи, женуши я, а другыѣ руками имати, и гнаша ноли до Хорола. Убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече; отбѣгоша же товара своего, еже взяша

Русский вои, мѣсяца августа въ 12, и възвратишася всояси съ побѣдою великою. Святополкъ же приде въ Печерський монастырь на заутреню на Успенье святыя Богородица, и братья цѣловаша и съ радостью великою, глаголюще, яко врази паша побѣжени быша, молитвами святыя Богородица и святаго отца нашего Θεодосья; такъ бо обычай имаше Святополкъ: коли идяше на войну, или инамо, толи поклонився у гроба Θεодосьева и молитву вземъ у игумена, ту сущаго, тоже идяше на путь свой. Въ то же лѣто преставися княгини, Святополча мати, мѣсяца генваря въ 4 день. Томъ же лѣтѣ, мѣсяца того же, иде Володимеръ, и Давыдъ, Олегъ къ Аепѣ и другому Аепѣ, и створиша миръ; и поя Володимеръ за Юргя Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дчерь, Гиргенеу внуку, мѣсяца генваря 12 день.

1108. Въ лѣто 6616. Заложена бысть церкы святаго Михаила, Золотоверхая, Святополкомъ княземъ, въ 11 иулия мѣсяца; и кончаша трапезницу Печерскаго монастыря при Θεоктистѣ игуменѣ, иже ю и заложилъ повелѣньемъ Глѣбовымъ, иже ю и стяжа. Въ се же лѣто вода бысть велика въ Днѣпрѣ, и въ Деснѣ, и въ Припетѣ. Въ семь же лѣтѣ вложи Богъ въ сердце Θεоктисту игумену Печерскому, и нача възвѣщати князю Святополку, дабы вписалъ Θεодосья въ сѣнаникъ; и радъ бывъ, обѣщася и створи, повелѣ митрополиту вписати въ синодикъ; и повелѣ вписывати по всѣмъ епископьямъ, и вси же епископи съ радостью вписаша, и поминати и на всѣхъ соборѣхъ.

1110. Въ лѣто 6618. Идоша веснѣ на Половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ; и допедше Воиня, и воротишася. Томъ же лѣтѣ бысть знаменье въ Печерстѣмъ монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явися столпъ огненъ отъ земля до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и въ небеси погромѣ въ часъ 1 нощи; и весь миръ видѣ; сей же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Θεодосьевымъ, и потомъ ступи на верхъ акы ко

востоку лицемъ, и потомъ невидимъ бысть. Се же бѣаше не огненный столпъ, но видъ ангелескъ: ангель бо сице является, ово столпомъ огненнымъ, ово же пламенемъ; якоже рече Давидъ: творя ангелы своя духы и слугы своя огнь палящъ: и шлеми суть повелѣньемъ Божьимъ, а може хощеть Владыка и Творецъ всѣхъ. Ангель бо приходитъ кдѣ благая мѣста и молитвенни домове, и ту показаетъ нѣчто мало видѣнья своего, яко мощно видѣти человѣкомъ; не мощно бо зрѣти человѣкомъ естества ангельскаго, яко и Моиси великій не возможе видѣти ангельскаго естества: водяшетъ бо я въ день столбъ облаченъ, а въ ноци столпъ огненъ, то се не столпъ водяше ихъ, но ангель идяше предъ ними въ ноци и въ дне. Тако и се явленье нѣкоторое показываше, ему же бѣ быти, еже и бысть: на 2-е бо лѣто не съ ли ангель вождь бысть на иноплеменники и супостаты, якоже рече: ангель предъ тобою предъидеть, и пакы: ангель твой буди съ тобою?

Игумень Силвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ.

Матеріалы для изученія лѣтописи.

1. Источники лѣтописи.

Ф. А. Терновскаго.

Іоаннъ антїохійскій Малала (что значитъ въ переводѣ съ сирійскаго: риторъ) жилъ, должно полагать, въ VI вѣкѣ, при императорѣ Юстиніанѣ, царствованіемъ котораго заканчиваетъ свою лѣтопись, описывая послѣднія событія съ живымъ чувствомъ очевидца. Хронографъ Малалы въ XVIII книгахъ содержитъ въ себѣ всемірную исторію отъ Адама до 36 года царствованія Юстиніанова или до 563 г. нашей эры. Хронографъ безъ заключенія обрывается на половинѣ разказа.

Малала, какъ видно, былъ широко образованъ и многосторонне знакомъ съ историческою литературою: онъ любитъ цитировать источники, которыми пользуется при своемъ повѣствованіи, мудрѣйшихъ хронографовъ: Африкана, Иринея, Домнина, Несторіана и т. д. Въ своихъ сужденіяхъ Малала отличается значительною терпимостью; онъ позволяетъ себѣ дѣлать добрые отзывы о языческихъ императорахъ, и даже о Юліанѣ не говоритъ худого слова, характеризуя его въ слѣдующихъ сдержанныхъ выраженіяхъ: „Онъ былъ извѣстенъ краснорѣчіемъ, но прозванъ отступникомъ за то, что оставивъ ученіе своихъ предковъ христіанъ, сдѣлался эллиномъ. Былъ же другомъ и современникомъ Ливанія, знаменитаго софиста антїохійскаго“. Можемъ думать поэтому, что Малала едва ли былъ духовнымъ лицомъ и что, во всякомъ случаѣ, христіанство не подавило въ немъ любви къ классической литературѣ и древности; это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей хроники (напр. при описаніи антїохійскаго землетрясенія въ кн. XVIII) Малала высказываетъ мысли и чувствованія, вполне свойственныя вѣрующему христіанину.

Какъ антїохіанинъ, любящій свою родину, Малала съ особенною охотою любитъ рисовать портреты историческихъ дѣятелей, обозначая вмѣстѣ физическія и нравственныя черты, которыми отличалась извѣстная личность. Вотъ, напр., портретъ Юстиніана I: „Юстиніанъ былъ съ виду приземистъ, съ крѣпкою грудью, съ красивымъ носомъ, былъ кудрявъ, круглолицъ, благообразенъ, лысоватъ, свѣжъ лицомъ, съ просѣдью на головѣ и бородѣ, великодушенъ, преданъ христіанству“. Эта особенность Малалы послужила причиною его важнаго значенія для иконографіи какъ греческой, такъ и русской. Другая особенность Малалы, стоящая въ связи съ первою, состоитъ въ томъ, что онъ всегда тщательно отмѣчаетъ, какой партіи въ циркѣ держался тотъ или другой византійскій императоръ.

Въ славянскомъ переводѣ Малала появился очень рано, именно при болгарскомъ князѣ Симеонѣ до 927 г. Древній славянскій переводчикъ, какъ видно, имѣлъ подъ руками гораздо болѣе полный списокъ Малалы, чѣмъ какимъ пользовались боннскіе издатели XI вѣка. Поэтому въ славянскомъ переводѣ мы встрѣчаемъ болѣе любимыхъ Малалюю подробностей объ Антиохіи и о наружномъ видѣ историческихъ дѣятелей, чѣмъ въ греческомъ печатномъ текстѣ боннскаго изданія.

Въ составъ широко распространенныхъ на Руси компилятивныхъ хронографовъ вошли изъ Малалы слѣдующія выдержки касательно византійской исторіи: а) о царствованіи Юліана, б) о Іовіанѣ, в) о Маркіанѣ и Пульхеріи, г) о Львѣ великомъ, д) о Львѣ маломъ, е) о Зинонѣ, ж) объ Анастасіи Диррахатѣ, з) о царствованіи Юстина и паденіи Антиохіи, и) о царствованіи Юстиніана.

Въ византійской, а еще болѣе въ переводной древне-славянской письменности, видное мѣсто занимаетъ хроника Георгія Амартола. Составитель ея жилъ въ 1-й половинѣ IX вѣка и довелъ свое бытописаніе до 842 г., непосредственно за коимъ помѣчено: „до здѣ хроника Георгія“. О жизни Георгія лѣтописателя мы знаемъ мало. Только въ одномъ мѣстѣ своей лѣтописи Георгій выступаетъ съ заявленіемъ, бросающимъ немного свѣта на его біографію.

Повѣствуя о монашествѣ IV в., Амартоль говоритъ: „Особенно въ пустыняхъ патрійскихъ были мужи, жившіе и дѣйствовавшіе не по образу прочихъ людей, но посредствомъ вѣры имѣвшіе общеніе въ жизни и дѣятельности съ ангелами небесными. И я уже самъ лично видѣлъ таковое житіе, и говорю о такихъ дѣлахъ, въ которыхъ сподобился быть общникомъ и сподвижникомъ“. Отсюда заключаемъ, что Георгій былъ монахъ и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть своей жизни провелъ въ Египтѣ. Это подтверждается и общимъ монашескимъ міросозерцаніемъ его бытописанія и тѣмъ, что онъ повѣствуетъ о Египтѣ и Але-

ксандрии, если не съ такимъ усиленнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ, какъ Малала объ Антиохіи, то во всякомъ случаѣ, съ большею подробностью, чѣмъ о какой нибудь другой греческой мѣстности, за исключеніемъ Константинополя. Въ надписаніяхъ хроники, сдѣланныхъ, быть можетъ, рукою современника, Георгій также называется монахомъ и даже архимандритомъ. Что же касается до прозванія Амартолъ (грѣшникъ), то должно думать, что это было не фамильное прозвище Георгія, а скорѣе эпитетъ, принятый имъ на себя изъ смиренія.

Переходимъ къ самой хроникѣ. Она раздѣляется на 4 книги, изъ коихъ только одна послѣдняя излагаетъ исторію византійской имперіи отъ Константина до Михаила (319—842) и слѣдовательно, подлежитъ нашему разсмотрѣнію. Для характеристики историческаго міросозерцанія Амартола весьма важно указать его отношеніе къ современной ему эпохѣ. Амартолъ жилъ въ эпоху иконоборства и относится къ ней самымъ живымъ и опредѣленнымъ образомъ, какъ защитникъ иконъ и монашества и какъ врагъ иконоборства. Тонъ его лѣтописи здѣсь рѣзкій, желчный, пристрастный, нерѣдко переходящій въ тонъ панегирика или памфлета. Напр., перваго иконоборца императора Льва Исавра (716—741) Амартолъ обзываетъ: „богоборцемъ, взбѣсившимся противъ правой и древней вѣры, лютѣйшимъ звѣремъ и худороднымъ мѣдникомъ, немилосерднымъ львомъ или дракономъ, всесквернымъ“. О сынѣ, преемникѣ Льва, Константинѣ (741—775) еще болѣе рѣзкіе отзывы. Вотъ извѣстіе о его воцареніи (741): „Послѣ Льва Исавра царствовалъ сынъ его Константинъ Кавамень 34 года, отъ страшнаго Льва происшедшій пестрообразный леопардъ, согласно съ словомъ пророка, говорящаго, что отъ сѣмени зміева происходятъ аспидъ и змій летающій и сущій отъ Дана антихристъ“. Льва армянина (813—820) Амартолъ называетъ „отступникомъ Сауломъ, обнаженнымъ отъ божественной благодати и преданнымъ злему духу, тираномъ, звѣроправнымъ, паче нежели звѣроименнымъ“ и т. д. Тео-

фила, послѣдняго иконоборнаго императора (829—842), Амартоль называетъ „новымъ Валтасаромъ и отступникомъ, богоненавистникомъ и святыхъ иконъ обругателемъ и разрушителемъ и оскверненнымъ“. Поборники иконопочитанія, напротивъ того, ублажаются щедрыми похвалами. При Константинѣ и матери его Иринѣ, говоритъ Амартоль, „благочестивый догматъ началъ съ дерзновеніемъ возглашаться и слово Божіе множилось и монастыри со всякою безбоязненностью и тщаніемъ возсоздались и возсіяло всякое церковное устроеніе“. О самой императрицѣ Иринѣ (803) Амартоль отзывается такъ: „Она была весьма благочестива и любила добродѣтель, и устроила многія страннопріимницы и сиротопитательницы и монастыри, сдѣлала облегченіе податей и множество другихъ исправленій“. Хвалитъ Амартоль и царицу Θεодору, „вѣрную и православную“, и сына ея Михаила, провозгласившихъ „издревле богоутвержденную, священную и правѣйшую вѣру“, и заканчивая свою лѣтопись описаніемъ торжества православія на константинопольскомъ соборѣ 842 г., кажется, склоненъ видѣть въ этомъ событіи не только завершеніе своего личнаго труда, но и общій результатъ, къ которому промыслъ Божій привелъ человѣчество путемъ многовѣковой исторической жизни.

Закончивъ свой трудъ эпохою иконоборства, которую, какъ очевидецъ и близкій свидѣтель, описываетъ сравнительно болѣе подробно, Амартоль остается чуждъ тѣхъ воззрѣній, какими проникнуты были греки слѣдующаго поколѣнія, современники великаго раздѣленія церквей: онъ отзывается о Римѣ и папахъ съ почтеніемъ и сочувствіемъ, безъ малѣйшаго признака раздраженія, и даже сообщаетъ факты, которыми оправдываются позднѣйшія папскія притязанія. Эпоха иконоборства, хотя описываемая въ концѣ хроники, тѣмъ не менѣе служитъ исходнымъ пунктомъ для историческихъ воззрѣній Амартола и придаетъ всему бытоописанію его извѣстную тенденціозность. Такъ вездѣ, гдѣ можно, Амартоль старается исторически обосновать законность иконопочитанія,

вездѣ является жаркимъ апологетомъ монашества и восхвалителемъ монашескихъ добродѣтелей. Приписывая устройство первыхъ монастырей евангелисту Марку, поставивъ монаховъ въ историческую связь съ ессеями, восхваляя высоту монашескаго житія и оправдывая монашескіе идеалы даже авторитетомъ языческихъ мудрецовъ, Амартолъ рассказываетъ нѣсколько случаевъ, когда монашескія доблести возблистали даже передъ глазами язычниковъ.

Какъ монахъ по званію и убѣжденію, Амартолъ любитъ вращаться въ кругѣ идей, которыми аскетизмъ питается и поддерживается. Загробныя приключенія составляютъ любимую тему эпизодическихъ рассказовъ, вставленныхъ въ бытоописаніе Амартола.

Элементъ чудеснаго далеко не чуждъ хроникѣ Амартола. Чуть не на каждой страницѣ встрѣчаются рассказы о видѣніяхъ, знаменіяхъ и разнаго рода необыкновенныхъ событіяхъ, передаваемые съ полною вѣрою въ ихъ дѣйствительность. Какъ будто въ изображеніи этихъ событій бытописатель полагаетъ свою прямую задачу, поставляя обыкновенный ходъ дѣлъ человѣческихъ ниже своего вниманія. Обиліе такихъ рассказовъ придаетъ всему бытописанію фантастическій и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный колоритъ; читая Амартола, мы какъ бы прислушиваемся къ голосу человѣка, который на половину живетъ въ другомъ мірѣ.

Вотъ немногіе изъ многихъ рассказовъ о знаменіяхъ. Въ Іерусалимѣ (въ 166 г. до Р. Х.) „случилось, что передъ цѣлымъ городомъ въ теченіе почти 40 дней видимы были на воздухѣ вооруженные всадники въ златотканыхъ одѣяніяхъ и шпикъ съ обѣихъ сторонъ, и движеніе оружія, и блистаніе золотыхъ уборовъ на бойцахъ, закованныхъ въ разнообразныя доспѣхи; всѣ думали, что это знаменіе на добро, а оно предвѣщало злое нашествіе Антіохово“. Въ другое время (при Неронѣ), въ Іерусалимѣ же „явилась звѣзда надъ городомъ, подобная копью, и въ иное время восточная мѣдная дверь города, запираемая желѣзнокюванными засовами

и съ трудомъ отворяемая 30 мужами, около 8 часу найдена отворенною“.

По своему историческому міросозерцанію Амартоль служилъ полнымъ первообразомъ подражавшаго ему Нестора и другихъ русскихъ лѣтописцевъ, которые были тоже, большею частію, монахи, проникнутые аскетическими идеалами, жившіе предчувствіемъ загробной жизни, видѣвшіе въ исторіи дѣйствіе двухъ силъ—Божьяго предопредѣленія и дьявольскихъ искушеній, охотно описывавшіе чудеса, видѣнія и знаменія съ полною вѣрою въ ихъ дѣйствительность. Этимъ тождествомъ основныхъ воззрѣній объясняется и значительная аналогія, существующая,—какъ увидимъ, между хроникою Амартола и русскими бытописаніями.

Не маловажнымъ достоинствомъ лѣтописи Амартола служитъ то, что она легко и съ интересомъ читается. Этотъ интересъ поддерживается рассказами о чудесахъ, знаменіяхъ и загробныхъ приключеніяхъ, также и сообщеніемъ остроумныхъ изреченій и занимательныхъ анекдотовъ иногда и о неважныхъ предметахъ.

Благодаря занимательности разказа или вслѣдствіе совпаденія историческаго міросозерцанія автора со вкусами читателей, а можетъ быть, и по случайнымъ обстоятельствамъ, Амартолу посчастливилось и въ греческой, и славянской письменности.

Не говоря о значительномъ количествѣ греческихъ списковъ Амартола, которыхъ, по исчисленію Муральта, до нашего времени сохранилось 27, изъ Амартола главнымъ образомъ черпали другіе византійскіе историки, въ особенности Георгій Кедринъ, писавшій въ половинѣ XI вѣка, и Левъ Грамматикъ, писавшій въ началѣ XII вѣка. Еще болѣе посчастливилось Амартолу въ славянскомъ мірѣ. Прошло около ста лѣтъ отъ написанія подлинника, и въ новорожденной славянской письменности появились переводы Амартола сербскіе и болгарскіе, перешедшіе впослѣдствіи на Русь. Изъ уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени славянскихъ переводовъ

Амартола, кромѣ другихъ, заслуживаютъ упоминанія: характерный списокъ лѣтописи Георгія Амартола съ лицевыми изображеніями самого Георгія Амартола и современнаго ему греч. царя Михаила, хранящійся въ библіотекѣ Троицко-Сергіевской лавры, и неизвѣстный доселѣ библіографамъ списокъ Амартола, хранящійся на Аѳонѣ, въ Свято-Павловскомъ монастырѣ. Конечно, одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ Амартола былъ подъ руками у нашего лѣтописца Нестора и, быть можетъ, далъ ему идею о его историческомъ трудѣ, во всякомъ случаѣ, послужилъ ему первообразомъ. Но всего болѣе Амартолѣ доходилъ до свѣдѣнія русскихъ читателей черезъ посредство многочисленныхъ хронографовъ. Въ хронографахъ различнаго состава различна степень и заимствованія изъ Амартола. Иные хронографы составлены исключительно по Амартолу; въ другихъ редакціяхъ есть вставка и изъ другихъ византійскихъ лѣтописцевъ, но во всякомъ случаѣ, Амартолу принадлежитъ первенствующее положеніе.

Несторъ самъ не скрываетъ своего источника, когда предъ началомъ выписки изъ Амартола о нравахъ разныхъ народовъ говоритъ: „глаголетъ Георгій въ лѣтописаньи“. Сличеніе между Несторомъ и Амартоломъ съ несомнѣнною очевидностью даетъ намъ знать, что Несторомъ заимствованы слѣд. мѣста изъ Амартола: 1) о нравахъ различныхъ народовъ — сирійцевъ, бактрійцевъ, халдеевъ, британцевъ, амазонокъ; 2) о раздѣленіи земли сыновьямъ Ноевымъ и о странахъ, доставшихся въ удѣлъ Симу, Хаму и Іафету; 3) о захватѣ потомками Хама чужого удѣла и объ изгнаніи ихъ оттуда; 4) объ Аполлоніи Тіанскомъ и о волшебныхъ дѣлахъ; 5) о зловѣщихъ знаменіяхъ предъ нашествіемъ Антіоха на Іерусалимъ.

Несторъ относился къ Амартолу не рабски, но совершенно свободно и какъ слѣдуетъ мыслящему человеку. Видно, что онъ не разъ и не два прочелъ славянскій переводъ Амартола прежде, чѣмъ принялся за свою историческую работу. Самыя выписки изъ Амартола Несторъ дѣлаетъ съ большимъ тол-

комъ, съ яснымъ пониманіемъ цѣли, для которой дѣлается выписка, а иногда съ искусными дополненіями и обобщеніями. Такъ: 1) приведши изъ Амартола выписку о нравахъ разныхъ народовъ, Несторъ добавляетъ ее изображеніемъ обычаевъ половецкихъ и заканчиваетъ превосходнымъ указаніемъ на даруемый христіанствомъ высшій нравственный законъ, которымъ объединяются всѣ народности. „Мы же христіане, елико земля, иже вѣрують въ святую Троицу, въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имама единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся“.

2) Сказаніе о раздѣленіи земли между сыновьями Ноевыми, находящееся у Амартола далеко не въ началѣ хроники, Несторъ выдвигаетъ впередъ, полагаетъ въ основу своего бытописанія, присоединяетъ отъ себя въ составъ удѣла Іафетова словѣнъ и затѣмъ легко и естественно переходитъ къ самостоятельному изложенію этнографіи и географіи Россіи и странъ сосѣдственныхъ. Такимъ образомъ, Несторъ пользуется сказаніемъ о раздѣленіи земли между сыновьями Ноевыми для того, чтобы сразу же связать исторію своей отечественной страны съ исторіею библейско-всемирной.

3) Заключение сказанія Амартолова о раздѣленіи земли, состоящее въ томъ, что потомки Хамовы завладѣли Палестиною, частью удѣла Симова, и, по повелѣнію Божію, были изгнаны оттуда, — Несторъ опускаетъ, предоставляя себѣ воспользоваться имъ въ послѣдствіи. И дѣйствительно, пользуется при описаніи удѣльныхъ распрей, чтобы показать, что „не добро есть преступати предѣла чужего“.

4) Смерть Олега, свершившаяся, по преданію, согласно предсказанію кудесника, заставила Нестора призадуматься о причинахъ чародѣйской силы. И вотъ для разъясненія своихъ недоумѣній онъ выписываетъ изъ Амартола сказаніе о чудесахъ Аполлонія Тианскаго и, кажется, остается доволенъ предлагаемымъ у Амартола объясненіемъ подобныхъ чудесъ. Объясненіе же, предлагаемое Амартоломъ, таково: „всѣ такіа чудеса совершаются по поущенію діавольскому, дабы

черезъ нихъ искушалась наша православная вѣра, бодра ли она и крѣпко ли привержена къ Господу и не колеблется ли вражьими мечтательными чудесами и сатанинскими дѣлами, совершаемыми черезъ рабовъ и служителей злобы“.

5) Необыкновенныя явленія въ природѣ, при началѣ удѣльнаго періода, побудили Нестора выбрать изъ 5 различныхъ мѣстъ хроники Амартола извѣстія о подобныхъ же знаменіяхъ и закончить сводъ этихъ извѣстій слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ: „знаменья въ небеси, или звѣздахъ, ли солнцѣ, ли птицами, ли етеромъ чимъ не на благо бывають; но знаменья сице на зло бывають, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють“.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ одномъ весьма важномъ пунктѣ—именно въ своихъ сужденіяхъ о пользѣ книгъ Несторъ не только не слѣдуетъ Амартолу, но стоитъ съ нимъ въ прямой противоположности. Амартоль не благоволилъ къ книжной учености, какъ вселяющей духовную гордость. Несторъ, напротивъ, не находитъ словъ для восхваленія книгъ, кои суть „рѣки, напояющи вселенную, исходяща мудрости“ и т. д. для доказательства того, что „велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго“. Конечно, эта разница во взглядахъ зависѣла отъ различія положенія—грека Амартола, имѣвшаго подъ руками литературу не только церковно-христіанскую, но и языческую и еретическую, и славянина Нестора, знакомаго съ книгами, какъ съ проводниками ученія божественнаго.

2) Составъ и характеръ лѣтописи.

М. Н. Сухомлинова.

Составъ лѣтописи обнаруживаетъ, что она не была дополненіемъ къ хронографу византійскому. Съ первыхъ же страницъ, съ извѣстія о раздѣленіи земель между народами, въ числѣ которыхъ были и славяне, главнымъ предметомъ лѣтописи является русская земля съ жителями ея и собы-

тіями, въ ней происходившими. Число извѣстій, касающихся Греціи и большею частью краткихъ, незначительно въ сравненіи съ извѣстіями русскими, изложенными съ большими подробностями. Участіе византійскихъ образцовъ въ появленіи русской лѣтописи можетъ быть до нѣкоторой степени определено формою, въ которой впервые она явилась. Во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ лѣтопись имѣетъ форму погоднаго разсказа: происшествія описываются изъ года въ годъ, и впереди всегда выставленъ годъ, а за нимъ уже слѣдуетъ описаніе, какого бы объема оно ни было. Такая форма встрѣчается и въ лѣтописяхъ византійскихъ, какъ, напримѣръ, въ хроникѣ Теофана, писателя начала IX вѣка. Въ ней счетъ идетъ отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова, и къ нимъ присоединяются годы царствованія государей римскаго и персидскаго и управленіе епископовъ: римскаго, константинопольскаго, іерусалимскаго, александрійскаго и антioxійскаго. Такая же форма господствуетъ и въ большей части древнихъ лѣтописей, веденныхъ на югѣ и на сѣверѣ христіанской Европы. Неописанные года наводятъ на мысль о таблицахъ, послужившихъ основаніемъ для внѣшняго порядка лѣтописей.

Внимательное чтеніе лѣтописи удостовѣряетъ въ томъ, что въ ней находится единство внутреннее и единство внѣшнее. Первое заключается въ духѣ, проникающемъ повѣствованіе, независимо отъ личныхъ усилій автора. Второе состоитъ въ соблюденіи порядка, принятаго самимъ лѣтописцемъ, какъ и всѣми вообще лѣтописцами, и сохраняемаго постоянно и настойчиво. Мы говоримъ о порядкѣ лѣтъ, годовъ, имѣющемъ такое важное значеніе въ лѣтописяхъ. Всѣ повѣствованія, какого бы объема они ни были, примыкаютъ къ году, выставленному въ началѣ ихъ и объясняющему отчасти самое ихъ появленіе. Одною изъ причинъ, почему событіе занесено въ лѣтопись, остается непремѣнно годъ, въ которомъ оно случилось. Напротивъ того, годы внесены совершенно независимо отъ событій. Доказательствомъ этому

служать сто семь лѣтъ, означенныхъ, но не описанныхъ въ древней лѣтописи. Отсюда слѣдуетъ самое заключеніе и объ остальныхъ годахъ: значить и они выставлены были прежде, нежели понадобились для опредѣленія времени какого либо событія. Рядъ пустыхъ годовъ былъ вполнѣ у мѣста только на пасхальныхъ таблицахъ, гдѣ каждый изъ нихъ имѣлъ смыслъ по отношенію къ кругу церковныхъ праздниковъ. Такимъ образомъ, рядъ лѣтъ является древнѣйшею и существенною особенностью лѣтописи, опредѣлившею навсегда ея форму. Первыми начатками лѣтописанія по данной формѣ должны быть признаны, безъ сомнѣнія, тѣ извѣстія, которыя отличаются отъ другихъ, во первыхъ сообщеніемъ событій наиболѣе древнихъ, во вторыхъ—краткостью.

Обычай подробно описывать достойное замѣчанія образовался позднѣе: если изъ двухъ извѣстій одно заключается въ нѣсколькихъ словахъ, другое обставлено подробностями, то съ большею вѣроятностью можно допустить, что первое ближе къ своему начальному виду, нежели второе. Къ числу лѣтописныхъ замѣтокъ, представляющихся древнѣйшими какъ по формѣ, такъ и по точности, которая возможна только для времени самаго близкаго къ событію, принадлежатъ слѣдующія:

Въ лѣто 6416. Въ лѣто 6417. Въ лѣто 6418. Въ лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западѣ копѣйнымъ образомъ.

Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ. Въ лѣто 6512. Въ лѣто 6513. Въ лѣто 6514. Въ лѣто 6515. Принесени святии (т. е. иконы) въ святую Богородицю.

Въ лѣто 6516. Въ лѣто 6517. Въ лѣто 6518. Въ лѣто 6519. Преставися царица Володимеряя Анна.

Первоначальныя краткія замѣтки мало по малу увеличивались въ своемъ объемѣ.

Число событій, отмѣчаемыхъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ, постепенно возрастало; многія изъ нихъ описывались пространно; сверхъ того дѣлаемы были извлеченія изъ различныхъ сочиненій, явившихся независимо отъ лѣтописи.

Лѣтопись дѣлалась все сложнѣе и сложнѣе посредствомъ заимствованій изъ сочиненій, излагавшихъ тѣ же предметы, о которыхъ упоминалось подъ ея годами. Еще ранѣе XII вѣка были у насъ описанія жизни святыхъ, поученія пастырей, памятники законодательства, и т. п. Всѣ эти произведенія въ большей или меньшей степени послужили къ обогащенію лѣтописи, къ приданію ей внѣшней полноты и внутренняго значенія. Мѣста, заимствуемая изъ различныхъ источниковъ, находились въ прямой связи съ лѣтописнымъ рассказомъ. Такъ въ замѣткѣ 6559 года: „постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ Русина“, присоединена повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, ведущемъ свое начало отъ Иларіона. Въ двухъ спискахъ древней лѣтописи, непосредственно за извѣстіемъ о возвращеніи оправданнаго епископа Луки Жидяты на свою паству, помѣщено поученіе его — замѣчательный памятникъ русской словесности XI вѣка, и т. п. Разнородныя дополненія къ основному тексту при его внутреннемъ развитіи сообщили лѣтописи тотъ характеръ, въ которомъ является она въ древнѣйшихъ спискахъ. Разнообразіе, замѣчаемое въ ихъ составѣ, усвоило за ними названіе не лѣтописей собственно, а лѣтописныхъ сборниковъ. Изъ источниковъ, послужившихъ къ составленію лѣтописи, главнѣйшими могутъ быть названы книги св. Писанія.

Книги св. Писанія составляли постоянное и наиболѣе цѣнное чтеніе нашихъ предковъ. Мысль и чувство, возвышающіяся надъ обыкновенными, облакались лѣтописцами въ слово божественныхъ писателей, въ образы библейскіе. Большею частью тексты являются сами собою, вызываемые предметомъ повѣствованія. Въ нашей лѣтописи приводятся мѣста изъ писаній ветхаго и новаго завѣта: изъ книгъ Моисеевыхъ, псалмовъ Давида, притчей Соломона, книги Іова, пророковъ: Осіи, Амоса, Даніила, евангелія Іоанна, евангелія Луки, посланій апостола Павла. Особенно часто приводятся слова Соломона, то въ видѣ изреченій, вставленныхъ въ самый рассказъ, то въ пространной выпискѣ изъ книгъ притчей,

какъ, на примѣръ, разсужденіе о злыхъ и добрыхъ женахъ. Такое же изобиліе мѣстъ изъ св. Писанія замѣчаемъ и у другихъ лѣтописцевъ европейскихъ, отъ Георгія Амартола до Георгія Турскаго.

Вліяніе Палеи на нашу лѣтопись также несомнѣнно. Подъ именемъ Палеи, какъ особеннаго сочиненія, извѣстно въ славянскихъ рукописяхъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ добавленіями изъ книгъ апокрифическихъ и съ толкованіями. Это изложеніе имѣетъ характеръ полемики противъ іудеевъ и отчасти противъ магометанъ. Изъ ветхаго завѣта вошли въ Палею, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, книги: Моисея, Иисуса Навина, Судей, Руоъ и Царствъ. За повѣствованіемъ о Давидѣ помѣщено собраніе его пророчествъ. Большая часть лѣтописныхъ извѣстій подъ 6494 годомъ — о предложеніи вѣръ Владиміру — находятся и въ Палеѣ. Отзывъ греческаго миссіонера о вѣрѣ болгаръ, приведенный въ лѣтописи, объясняется полемическими выходками Палеи противъ магометанства. За указаніемъ разности ученія магометанъ, папистовъ и іудеевъ помѣщена въ лѣтописи проповѣдь греческаго миссіонера, въ которой съ особенною подробностью излагается ветхозавѣтная исторія. Въ этомъ изложеніи основа удержана библейская, но внесено много такого, о чемъ не упоминается въ св. Писаніи. Когда убитъ былъ Авель, говоритъ лѣтопись, то Адамъ и Ева, впервые увидѣвшіе смерть, не знали, что дѣлать съ мертвымъ тѣломъ сына, пока не прилетѣли двѣ птицы, изъ которыхъ одна умерла, а другая вырыла яму и положила въ нее умершую; увидѣвъ это, Адамъ и Ева выкопали яму и погребли Авеля. Аранъ, братъ Авраама, погибъ въ пламени, бросившись за идолами: это былъ первый сынъ, умершій прежде отца, и съ тѣхъ поръ начали умирать сыновья прежде отцовъ и т. п. Несходство лѣтописныхъ извѣстій съ Библіею объясняется посредствомъ Палеи: въ ней встрѣчается большая часть добавленій лѣтописи сравнительно съ Библіею.

Въ нашей лѣтописи подъ 898 годомъ говорится о нашествіи угровъ и войнѣ съ моравами и чехами, принадлежащими къ имени славянскому. Для славянъ то, прибавляетъ лѣтописецъ, переведены были св. книги, отчего и грамота прозвалась славянская, употребляемая теперь въ Россіи и въ Болгаріи. За упоминаніемъ о грамотѣ лѣтопись сообщаетъ самыя обстоятельства перевода книгъ: говоритъ о призывѣ къ этому дѣлу Кирилла и Меѳодія, объ изобрѣтеніи азбуки, о гоненіи на святыхъ братьевъ и, наконецъ, о совершеніи ими подвига, къ которому были призваны. Свѣдѣнія свои о первоучителяхъ лѣтописецъ почерпалъ преимущественно изъ такъ называемыхъ Паннонскихъ жизнеописаній. Самый богатый источникъ для знакомства съ судьбою Кирилла и Меѳодія заключается въ ихъ житіяхъ, писанныхъ по-славянски въ Панонніи. Полагаютъ, что житіе св. Кирилла писано ученикомъ его Климентомъ, епископомъ болгарскимъ. Житіе св. Меѳодія признается столь же древнимъ памятникомъ, явившимся въ той же странѣ. Начало лѣтописнаго повѣствованія сходно съ Паннонскими житіями въ общихъ чертахъ, а не въ подробностяхъ, что даетъ поводъ думать объ участіи другого какого-либо источника, доступнаго лѣтописцу. Но скорѣе можно допустить, что причина несходства заключается въ томъ, что самыя житія дошли до насъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а со многими сокращеніями и дополненіями, отчасти русскими. Въ дальнѣйшемъ изложеніи сходство открывается не въ однихъ мысляхъ, но въ самыхъ выраженіяхъ, изъ которыхъ инья удержаны лѣтописцемъ дословно, другія въ сокращеніи.

Разсмотрѣвши заимствованія, находящіяся въ древней лѣтописи, переходимъ къ ея содержанію самостоятельному.

Особенности древней лѣтописи, какъ произведенія литературнаго, могутъ быть наблюдаемы въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, въ самомъ содержаніи лѣтописи, въ тѣхъ данныхъ, изъ коихъ она составлена; во вторыхъ, въ способѣ сообщенія данныхъ, излагаемыхъ въ опредѣленномъ порядкѣ.

Главный предмет лѣтописи ясно указанъ первыми ея словами: „Се повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла русская земля, и кто въ ней нача первое княжити“. Такъ читается начало лѣтописи въ большей части списковъ. Судьба русской земли рассказывалась во множествѣ событій, и выборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ для внесенія въ лѣтопись зависѣлъ отъ личной цѣли и взгляда лѣтописца.

Передъ изложеніемъ происшествій собственно русскихъ Несторъ сообщаетъ свѣдѣнія о единоплеменныхъ русскому народу славянахъ: моравахъ, чехахъ, сербахъ и др.; затѣмъ о племенахъ, вошедшихъ, уже въ Несторово время, въ составъ народа русскаго: полякахъ, древлянахъ, новгородцахъ и т. д. Подъ 862 годомъ встрѣчаемъ имя перваго русскаго князя, судьба потомковъ котораго сливается съ судьбою русскаго народа. Преданіе о призывѣ первыхъ князей сообщено съ большею точностью, безъ всякихъ украшеній, съ которыми являются древнія преданія у большей части лѣтописцевъ. Извѣстія о послѣдующихъ князьяхъ сообщаются также съ точностью, которая возрастаетъ, по мѣрѣ приближенія событій ко времени жизни лѣтописца. Въ княженіи Олега отмѣчены преимущественно его походы; двигаясь къ югу, онъ покорилъ жителей Смоленска, Любеча, Кіева; потомъ древлянъ, сѣверянъ, радимичей. Походъ Олега въ Грецію переданъ съ большою подробностью, при чемъ приведенъ и пространный договоръ съ греками. Въ описаніи княженія Игоря также говорится подробно о походѣ на грековъ и договоръ съ ними и о войнѣ Игоря съ древлянами. Вся исторія Святослава есть исторія походовъ на хозаръ, ясовъ, печенѣговъ, грековъ и другихъ народовъ, съ которыми Святославъ былъ въ постоянной враждѣ. По смерти Святослава описываются междоусобія сыновей его Ярополка, Олега, Владиміра. Большая часть извѣстій о княженіи Ярослава состоитъ изъ описаній войны этого князя съ Святополкомъ и съ ляхами и печенѣгами, призванными Святополкомъ; борьбы Ярослава съ Брячиславомъ, внукомъ Вла-

димировымъ, и Мстиславомъ; единоборства Мстислава съ княземъ Касожскимъ; походовъ Ярослава на ятвяговъ, Литву, мазовшанъ, и т. п. Подъ 1016 годомъ упоминается впервые о нашествіи половцевъ на Русь; подъ 1067 годомъ говорится весьма подробно о набѣгахъ половецкихъ и приводится поученіе Θεодосія, объясняющее причину несчастія, постигшаго русскую землю. Начиная съ 1061 г. по 1110 г., почти при половинѣ годовъ, находятся извѣстія о половцахъ, то въ видѣ краткихъ замѣтокъ, то въ видѣ описаній довольно пространныхъ, каковы помѣщены подъ 1093, 1095, 1096, 1103, 1107 годами. Описаніе несчастныхъ слѣдствій борьбы съ непріятелями идетъ рядомъ съ описаніемъ раздоровъ княжескихъ, которыхъ самая полная, вѣрная и печальная картина представлена въ повѣсти объ ослѣпленіи Василька.

Вѣрно изображая дѣйствительность, лѣтопись Нестора была бы самою грустною повѣстью, если бы не передавала другой, свѣтлой стороны жизни того времени. Эта свѣтлая сторона—вѣра, двигавшая умомъ и чувствомъ Нестора, какъ и лучшей части его современниковъ. Самыя бѣдствія получали другой смыслъ въ возрѣніи религіозномъ. Страданія, понесенныя во имя вѣры, представлялись не несчастіемъ, не паденіемъ, а побѣдою духа надъ силою внѣшнею, залогомъ будущаго блаженства. Примѣры подвиговъ вѣры дѣйствуютъ благотворно, а потому описаніе ихъ не могло не имѣть высокаго значенія для лѣтописца, не могло не найти мѣста въ его трудѣ, посвященномъ замѣчательнымъ событіямъ родины. Разказъ о борьбѣ князей между собою и съ чужеземцами соединяется въ лѣтописи со сказаніемъ о борьбѣ внутренней, выдержанной подвижниками противъ враговъ ихъ душевнаго блага, слившихся поколебать ихъ усердіе къ вѣрѣ. Подъ 983 годомъ находится первое подобное сказаніе о варягѣ и его сынѣ: они погибли за то, что остались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ самомъ обширномъ объемѣ излагаетъ лѣтописецъ княженіе Владиміра, утвердившаго христіанство въ русской землѣ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ Владиміра можно

назвать главнымъ лицомъ лѣтописи, подвиги его изображены съ наибольшею подробностью и живымъ сочувствіемъ. Описывая дѣйствія Владиміра, его отношенія къ новообращенному народу, лѣтописецъ не забываетъ и предметовъ внѣ области вѣры, имѣвшихъ привлекательность для современнаго Владиміру русскаго общества, описываетъ и пиры съ дружиною, сохранившею обычай старины, и схватки съ врагами, вызывавшими русскихъ удалцевъ перевѣдаться съ ними силою. Будучи истиннымъ и ревностнымъ христіаниномъ, Несторъ вмѣстѣ съ тѣмъ писатель народный; общее не заглушаетъ въ немъ частнаго, народнаго: онъ постоянно удерживаетъ двойственный характеръ христіанина и русскаго писателя XI вѣка. Дѣйствія силы высшей всего скорѣе обнаруживались въ храмахъ, посвященныхъ истинному Богу; поэтому сооруженіе церкви считалось важнымъ событіемъ и тщательно отмѣчалось какъ нашими лѣтописцами, такъ и западно европейскими. Мѣстомъ священнымъ почитаемы были также монастыри. Подобно другимъ европейскимъ лѣтописцамъ, Несторъ неоднократно упоминаетъ о созданіи церквей и учрежденіи монастырей. Однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ княженіе Ярослава, по словамъ лѣтописца, было то, что при немъ „нача вѣра христіанская и плодишися и расширяти и черноризьцы начаша множитися, и монастыреви починаху быти“.

Въ повѣствованіи о крещеніи Владиміра и всей земли русской лѣтописецъ нашъ слѣдовалъ автору „Житія блаженнаго Володимера“. Оно съ вѣроятностью можетъ быть приписано монаху Іакову, русскому писателю XI вѣка. Отдѣльнымъ эпизодомъ, вставленнымъ въ лѣтопись, является житіе святыхъ Бориса и Глѣба.

Въ лѣтописи подъ 6575 (въ иныхъ спискахъ подъ 6576) и 6582 годами приводятся мѣста изъ поученій преподобнаго Θεодосія Печерскаго (1074). Описаніе событій перваго года начинается такъ: на русскую землю пришли иноплеменники половцы, Изяславъ же, Святославъ и Всеволодъ выступили

противъ враговъ на Альту; но по грѣхамъ нашимъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, попустилъ Богъ поганныхъ: русскіе князья бѣжали, а половцы побѣдили. Вслѣдъ за этими словами приводится поученіе Θεодосія о причинахъ, по которымъ Богъ попускаетъ нашествіе иноплеменниковъ. Поученіе передается почти дословно, что дѣлается очевиднымъ при сравненіи его съ текстомъ лѣтописи.

Въ числѣ событій, описанныхъ подъ 6605 (1097) годомъ, главное мѣсто занимаетъ ослѣпленіе князя Василька Ростиславича. При описаніи какъ самаго злодѣянія, такъ и близкихъ къ нему происшествій, лѣтописецъ пользовался письменнымъ рассказомъ того Василія, который велъ переговоры съ ослѣпленнымъ княземъ. Лѣтописецъ руководствовался своимъ источникомъ не вполне, передавая по своему его содержаніе.

Лѣтописцы наши пользовались византійскими источниками: на это указываетъ и составъ лѣтописей, и собственныя слова лѣтописцевъ, означавшихъ иногда, откуда почерпнуто имъ то или другое свѣдѣніе. Между византійскими хронистами всѣхъ ближе во многихъ отношеніяхъ къ нашимъ лѣтописцамъ Георгій Амартоль. Въ древней лѣтописи приводятся неоднократно мѣста изъ его хроники, по разнымъ поводамъ изъ различныхъ частей ея. Отсюда слѣдуетъ заключить, что древнему лѣтописцу извѣстна была хроника Амартола во всемъ ея объемѣ. Составляя хронику, Георгій Амартоль имѣлъ опредѣленную цѣль и придалъ труду своему опредѣленное направленіе, которыя ясно выражаются въ предисловіи. Авторъ обѣщаетъ изложить паденіе ложныхъ языческихъ ученій, начало и распространеніе монашеской жизни, борьбу истинной вѣры, съ злою ересью иконоборческою и другими ересями. Дѣйствительно во всей хроникѣ главнымъ предметомъ являются судьбы вѣры и церкви, торжество православія надъ еретиками. Преобладающая мысль сочиненія высказывается съ большею или меньшею силою, сообразно съ свойствомъ описываемыхъ предметовъ. Хроника начинается крат-

кимъ обзоромъ замѣчательнѣйшихъ лицъ древняго міра, частью историческихъ, частью миѳическихъ. Потомъ излагается исторія библейская, исторія вавилонскаго царства, исторія римской монархіи въ періодъ языческой и, наконецъ, исторія византійскаго государства до смерти царя Михаила. Слѣдовательно, Амартоль писалъ до 867 года; все же, что относится къ событіямъ послѣ 867 года, къ которымъ принадлежатъ и походы руссовъ, описано не имъ, а его продолжателями. Судьба христіанской церкви составляетъ тотъ предметъ, которымъ преимущественно занимается Амартоль при изложеніи исторіи съ эпохи Константина Великаго.

Поэтому на первомъ планѣ является описаніе вселенскихъ соборовъ, какъ событій, упрочившихъ спокойствіе церкви, а съ другой стороны, описаніе ересей, усилія лжеучителей разрушить единство церкви и положить предѣль распространенію истинной вѣры. Возмущенія, произведенныя иконоборцами, изложены съ особенной подробностью и энергіей. Обличая ложность началъ, руководившихъ изступленными еретиками, Амартоль расточаетъ укоризны ихъ представителямъ и защитникамъ. Такое же мѣсто занимаютъ при описаніи другихъ царствованій подвиги святыхъ и учителей церкви съ извѣстіемъ о чудесахъ, совершенныхъ ими.

Вмѣстѣ съ происшествіями чудесными въ собственномъ смыслѣ, Амартоль описываетъ и вещи просто диковинныя. Такъ онъ рассказываетъ о фокусникѣ, который отбиралъ кольца у зрителей, а собака возвращала каждому по принадлежности. Сравненіе соотвѣтствующихъ мѣстъ нашей лѣтописи и хроники Амартола показываетъ, что инья заимствованія изложены лѣтописцемъ въ сокращеніи и отчасти своими словами, другія же выписаны почти дословно.

На Меѳодія Патарскаго ссылается лѣтописецъ нашъ при рассказѣ о нашествіи половцевъ въ 1096 году. Безбожные сыны Измаиловы, говоритъ лѣтопись, пришли изъ пустыни Етревской. Меѳодій свидѣтельствуетъ, что 8 колѣнъ убѣжало въ пустыню, и по сихъ 8 колѣнъ, въ кончинѣ вѣка

выйдетъ нечистое племя, заключенное Александромъ Македонскимъ. Отрокъ Гюраты новгородца узналъ отъ Югры о неслыханномъ чудѣ: о горахъ, „зайдучи луку моря“, въ которыхъ вѣчный крикъ и говоръ, и люди сѣкутъ гору, „хотяще высѣчися“. Это и есть люди, заключенные Александромъ Македонскимъ. Затѣмъ приводится свидѣтельство о нихъ изъ сочиненій того же Меѳодія. Упоминаемый въ лѣтописи авторъ „Меѳодій Патарскій, былъ епископомъ сперва въ Олимпѣ, городѣ малоазіатской области Ликии, потомъ въ главномъ городѣ той же области Патарѣ, наконецъ въ Тирѣ, и пострадалъ во время преслѣдованій Діоклитіана около 311 года.

Сверхъ всего этого, въ лѣтопись вводились иногда оффиціальныя документы, какъ договоры. По лѣтописи извѣстны четыре договора: подъ 907 годомъ приводится договоръ Олега съ царями Львомъ и Александромъ, подъ 912 г. договоръ Игоря съ царемъ Романомъ и сыновьями его Константиномъ и Стефаномъ; подъ 971 годомъ — договоръ Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ.

Таковы главнѣйшіе источники, послужившіе къ составленію древней лѣтописи. Въ выборѣ ихъ ясно обнаруживаются вѣкъ и образованность лѣтописца, а въ цѣли заимствованій искусство его, какъ писателя. Въ этомъ отношеніи замѣчательно подчиненіе всего вноснаго главной мысли повѣствованія. Извлеченіями изъ разныхъ источниковъ объясняются тѣ явленія въ русскомъ мірѣ, которыя по своей важности или по своей необычности нуждались въ объясненіи для людей мыслящихъ, не вовсе равнодушныхъ къ причинамъ событій. Между источниками первое мѣсто занимаютъ книги св. Писанія. Затѣмъ сами собою представлялись вниманію лѣтописца произведенія его соотечественниковъ, родныя ему по слову и по духу. Въ связи съ памятниками русскими находятся памятники литературы византійской, чрезъ посредство которой русское общество ознакомилось съ идеями христіанскими. Въ способѣ пользоваться источниками какъ отечественными, такъ и иностранными, замѣтны единство, одинаковость

пріемовъ: лѣтописецъ обыкновенно не выписываетъ свидѣтельства своего источника дословно во всемъ его объемѣ, а приводитъ изъ него извлеченія, связывая его съ главнымъ предметомъ повѣствованія...

Передавая различныя событія, лѣтописецъ сообщаетъ свѣдѣнія о лицахъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ. Извѣстія о лицахъ состоятъ обыкновенно изъ замѣтокъ о годѣ ихъ рожденія, описанія ихъ дѣйствій, преимущественно военныхъ, и изъ упоминанія о годѣ смерти и мѣстѣ погребенія. За извѣстіемъ о смерти часто слѣдуютъ отзывы, болѣе или менѣе знакомящіе со свойствами умершихъ. Отзывы о лицахъ касаются какъ внутреннихъ ихъ качествъ, такъ и наружныхъ и, несмотря на всю краткость, ясно указываютъ различіе между упоминаемыми лицами. О князѣ Ростиславѣ († 1065) лѣтописецъ говоритъ: „Бѣ же Ростиславъ мужъ добль, ратень, возрастомъ же лѣтъ и красенъ лицомъ и милостивъ убогимъ“. О Глѣбѣ († 1078): „бѣ бо Глѣбъ милостивъ убогимъ, и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ“.

Вмѣстѣ съ свѣдѣніями о замѣчательныхъ происшествіяхъ и о личныхъ свойствахъ князей и другихъ общественныхъ дѣятелей, лѣтопись сообщаетъ и нѣкоторыя черты быта внутренняго: говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ общества, о нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ большинства людей съ болѣе вѣрнымъ взглядомъ на вещи. Эти черты разсѣяны по разнымъ мѣстамъ лѣтописи. Въ завѣщаніи Ярослава видно господство семейнаго начала въ древне-русскомъ княжескомъ бытѣ. Умирающій Ярославъ говоритъ своимъ дѣтямъ: „Се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ, и покоритъ вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающесе, то погибнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ

великимъ. Но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ себѣ мѣсто столь старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ; сего послушайте, якоже послушаете мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто, а Свято-славу даю Черниговъ, а Всеволоду — Переяславль“ и т. д. О любознательности Ярослава и мѣрахъ къ распространенію образованія свидѣтельствуя слѣдующія слова лѣтописи: „И бѣ Ярославъ книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра писецѣ многы, и прекладаше отъ грекъ на славянское письмо, и списаша книги и многы списка, ими же поучающеса вѣрнии людье, наслажаются ученья божественнаго“.

Отъ содержанія древней русской лѣтописи, въ которое вошли довольно разнообразные предметы, обращаемся къ способу изложенія этихъ предметовъ.

Не смотря на строгій хронологическій порядокъ, вслѣдствіе коего сопоставлялись происшествія, лишенные внутренней связи между собою, не смотря на краткость и какъ бы случайность разныхъ замѣтокъ, древнюю лѣтопись отнюдь нельзя назвать сборникомъ отрывочныхъ извѣстій, не имѣющихъ одно съ другимъ ничего общаго. Содержаніе ея не состоитъ изъ ряда сухихъ фактовъ, а изложеніе изъ безцвѣтныхъ описаній: она получаетъ жизнь и колоритъ отъ искусства лѣтописца, который, будучи человекомъ мыслящимъ и способнымъ сочувствовать общему горю и общей радости, многими чертами въ повѣствованіи обнаруживаетъ свои понятія и чувства, составляющія, такъ сказать, внутреннюю сторону изображаемой имъ дѣйствительности. Понятія его выражаются въ указаніи причинъ происшествій и преимущественно въ объясненіи ихъ, какъ въ одной изъ самыхъ яркихъ особенностей нашей древней лѣтописи. Въ большей части приводимыхъ причинъ лѣтописецъ остался вѣренъ общему мнѣнію и духу вѣка, не стараясь толковать событія произвольно; но въ тѣхъ случаяхъ, когда молва народа не могла удовлетворить человека начитаннаго и разсудительнаго,

лѣтописецъ, указывая ея неосновательность, выражаетъ свое мнѣніе, основанное на свидѣтельствахъ вполне достовѣрныхъ.

При сужденіи о причинѣ событій, указываемой въ лѣтописи, необходимо держаться исторической точки зрѣнія. То, что намъ кажется маловажнымъ, для предковъ нашихъ имѣло совершенно другое значеніе, вслѣдствіе различныхъ условій ихъ быта, съ коими находится въ связи тотъ или другой взглядъ на вещи. Высшею причиною событій, достопамятныхъ для потомства, лѣтописецъ признаетъ волю Господню, праведный судъ Божій: благая мысль и благое чувство возникаютъ по дѣйствию небесной силы.

Не только въ событіяхъ историческихъ, въ дѣйствіяхъ людей, но и въ явленіяхъ внѣшней природы лѣтописецъ не допускаетъ случайности. По его понятію, различныя явленія на землѣ и небѣ происходятъ не сами по себѣ, не лишены всякой связи съ судьбою человѣка: напротивъ, ихъ таинственный смыслъ можетъ быть разгаданъ только наблюденіемъ дѣлъ человѣческихъ. Такая вѣра въ родство человѣка съ природою, въ единство всѣхъ силъ вселенной, средоточіемъ которой является человѣкъ съ его замыслами и поступками, съ его ограниченными нуждами,—есть слѣдъ давно минувшаго быта, удержанный сказаніями лѣтописи. Возникнувъ во времена первобытныя, эта вѣра оживляла многія поколѣнія, къ ряду коихъ принадлежитъ и поколѣніе, современное нашему лѣтописцу. Простымъ и необходимымъ явленіемъ природы онъ придаетъ значеніе высшее, какъ бы осмысляетъ ихъ, что показываетъ самое названіе: знаменіе—явленіе знаменательное, предвѣщавшее что-либо доброе или злое. „Знаменія бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро“, говоритъ лѣтописецъ. Въ знаменіяхъ искали пророческаго смысла всѣ: и простолюдины, и люди высшаго сословія, даже духовенство; лѣтописецъ также принимаетъ общее мнѣніе, какъ видно и изъ собственныхъ словъ его о причинѣ знаменій и изъ одобрительнаго отзыва о людяхъ, прибѣгающихъ къ Богу съ молитвою о томъ, чтобы Онъ явленія небесныя

обратилъ на добро. Но не все то, чему въ простотѣ сердца вѣрили массы, признавалъ за достовѣрное и лѣтописецъ. Когда случались солнечныя затменія, народъ говорилъ, что солнце съѣдено; такъ думали во времена Нестора. Отголосокъ того же мнѣнія сохраняется и доселѣ въ устахъ народа. Лѣтописецъ отвергаетъ толки народа, называя „невѣ-голосыми“ тѣхъ, которые думаютъ, что солнце съѣдается. Въ самомъ же затменіи лѣтописецъ допускаетъ связь съ событиями земными, коимъ будто бы служить оно предзнаменованіемъ...

Мысль о событіяхъ выражается въ лѣтописи не въ отвлеченной формѣ, а въ живой связи съ повѣствованіемъ. Лѣтописецъ высказываетъ мнѣніе о томъ, что близко его душѣ, что имѣло вліяніе на судьбу русской земли, а потому мысли его исполнены одушевленія, соединяясь съ чувствами, вызванными тѣми же предметами, о коихъ излагаетъ онъ свое мнѣніе. Чувство лѣтописца иногда высказывается въ замѣчаніи, вставляемомъ въ рассказъ, какъ, на примѣръ, въ слѣдующихъ словахъ: „Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русьскѣй много зло створиша, проливше кровь хрестьянску, ея же крове възыщеть Богъ отъ руку его, и отвѣтъ дати има за погубленье душа хрестьянскы“. Иногда же чувства выражаются въ формѣ болѣе пространной, какъ заключеніе предлагаемаго описанія, почему встрѣчаются при извѣстіяхъ о смерти достопамятнаго лица или о совершеніи замѣчательнаго подвига. Особенное сочувствіе лѣтописца вызываютъ подвиги для блага русской земли, для улучшенія ея состоянія нравственнаго, умственнаго, общественнаго. Отзывъ объ Ольгѣ, первой изъ русскихъ, вошедшей въ царство Божіе, полонъ душевнаго участія. Изъ всѣхъ качествъ и дѣйствій Ярослава, его любовь къ просвѣщенію и мѣры къ его поддержанію наиболѣе цѣнны лѣтописцемъ, признающимъ великую пользу отъ ученія книжнаго. Доводы его проникнуты живымъ чувствомъ, которое выражается и въ превосходномъ сравненіи заслугъ Владиміра и

Ярослава. Общественное благо потрясемо было набѣгами вражескими и междоусобіями князей; описаніе и тѣхъ и другихъ несчастій сопровождается изліяніемъ горестнаго чувства. Половцы пришли на землю русскую, и на Руси открылась печальная картина: „Ови ведутся полонени; друзіи посѣкаемы бывають; друзіи на мечь даемы бывають, горкую смерть приемлюще; друзіи трепечуть; зряще убиваемыхъ; друзіи гладомъ уморяемы и водною жажею“. Внутреннія смуты также печалили мыслящаго лѣтописца. Согласіе между братьями лѣтописецъ признаетъ залогомъ счастья русской земли и, по поводу братолюбія Изяслава, доказываетъ необходимость любви. Описываетъ ли подвиги своихъ соотечественниковъ, говоритъ ли о чужеземцахъ, Несторъ не увлекается ни слѣпою любовью, ни беспощадною ненавистью. Чувства его не безотчетны; они основываются на вѣрномъ взглядѣ на вещи; похвалы и порицанія находятъ положительное подтвержденіе въ самомъ повѣствованіи. Безпристрастіе и преобладаніе мысли, сдерживающей увлеченія чувства, составляютъ существенныя внутреннія качества Нестора. Они выразились всюду, гдѣ можетъ быть наблюдаема личность лѣтописца: въ его отзывахъ объ историческихъ лицахъ, въ описаніи событій, въ его рассказѣ вообще.

Отличительное свойство повѣствованія Нестора заключается въ ровности изложенія: у него нѣтъ порывовъ и витіеватыхъ отступленій и воззваній. Рѣчь его чужда искусственныхъ украшеній, изысканныхъ троповъ и фигуръ, но зато она исполнена внутренней силы: слова ясно и точно передаютъ мысль, и ихъ сказано не болѣе и не менѣе, какъ сколько нужно для яснаго и точнаго выраженія мысли. Описанія сраженій и побѣдъ, нечаянной смерти и т. п. особенно благопріятствуютъ тропамъ и фигурамъ, и у словоохотливыхъ повѣствователей самыя краснорѣчивыя страницы посвящаются подобнымъ описаніямъ. Но у Нестора и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, господствуютъ ровность и простота изложенія. Къ нѣкоторымъ событіямъ лѣтописецъ

питаль особенное сочувствіе, и оно выразилось не отрывистыми, восторженными фразами, а послѣдовательнымъ описаніемъ происшествій.

Бѣдствія, постигшія землю съ нашествіемъ половцевъ, описаны, повидимому, съ большимъ спокойствіемъ; но въ этой спокойной рѣчи много такого, что можетъ вызвать чувство читателя скорѣе самыхъ затѣйливыхъ описаній.

3. Значеніе Поученія Владиміра Мономаха.

С. Протопопова.

Въ Мономаховомъ Поученіи можно замѣтить три главныя мысли, которыя авторъ старается развивать, имѣя въ виду начертать правила поведенія человѣка-христіанина вообще и князя-христіанина въ особенности. Первая и самая главная мысль опредѣляетъ отношеніе человѣка къ Богу; вторая касается отношенія между властью и подданными; третья мысль указываетъ на отношеніе человѣка къ самому себѣ и опредѣляетъ взаимныя отношенія между людьми. Общій составъ и порядокъ Поученія можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ: въ началѣ описывается случай, подавшій поводъ къ написанію Поученія. Самое Поученіе начинается выписками изъ Псалтыри, за коими слѣдуютъ размышленія о величїи Божіемъ, далѣе общія нравственныя наставленія, потомъ особыя наставленія, обращенныя именно къ дѣтямъ, касательно образа дѣйствій на войнѣ, во время мирныхъ отношеній съ сосѣдями, при исправленіи обязанностей судьи, въ домашнемъ быту, между своими братьями князьями. Наконецъ, слѣдуетъ автобіографія Мономаха, въ которой находится много новыхъ обстоятельствъ, умолченныхъ лѣтописями, а главное представляется общее изображеніе княжеской жизни того времени, домашнія занятія, хозяйственныя распоряженія, непрерывныя путешествія изъ города въ городъ по всѣмъ областямъ, составлявшимъ то или другое княжество.

Мысль Мономаха — по возможности опредѣлить отношеніе человѣка къ Богу, мысль, весьма важная для того вре-

мени, когда Русь только что приняла христианство, только что начала сознавать себя подъ вліяніемъ новыхъ христианскихъ понятій. Во времена господства язычества отношенія человѣка къ божеству обыкновенно бывають слишкомъ внѣшні, формальны; человѣкъ даже и не предполагаетъ тогда возможности какихъ либо иныхъ, болѣе внутреннихъ, сердечныхъ отношеній къ божеству. Язычество вообще характеризуется, какъ натурализмъ: язычникъ обоготворяетъ внѣшнюю природу и ея явленія. Не подозрѣвая существованія неизмѣнныхъ законовъ, которыми управляется природа, язычникъ предполагаетъ такія же произвольныя желанія, какія онъ сознаетъ въ себѣ. Но въ то же время онъ представляетъ природу, съ одной стороны, могучею и властною, а потому боится ея и спѣшитъ умиловитивить чисто внѣшнимъ образомъ—жертвами; но, съ другой стороны, въ его умѣ возникаетъ мысль о возможности покорить, подчинить себѣ эту природу. Разумѣется, не всякій человѣкъ имѣетъ силу покорять природу: такую силу, по мнѣнію народа, имѣють только чародѣи, люди вѣщіе, знающіе. Такое внѣшнее, формальное отношеніе къ божеству, по которому человѣкъ то униженно склонялся передъ природою, то признавалъ себя надъ нею могущественнымъ царемъ, передъ магическимъ словомъ котораго она должна преклоняться, еще болѣе усилилось въ русскомъ язычествѣ съ того времени, какъ въ немъ стала развиваться идея рока, судьбы. Въ русскомъ язычествѣ совершенно отсутствовала нравственная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій. Одни люди являлись любимцами боговъ—„богатыми“; другіе „убогими“—слово, означающее отверженцевъ боговъ. Чтобы восполнить бездну, оставленную отсутствіемъ нравственнаго содержанія въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, язычество и создало идею судьбы (рока), которая должна опредѣлять ходъ человѣческой жизни. Эту судьбу прежде соединяли съ непосредственнымъ вліяніемъ звѣздъ и планетъ; впоследствии звѣзды превратились въ „роженицъ“ или дѣвѣ судьбы, которыя опредѣляютъ будущее.

Съ принятіемъ на Руси христіанства, явилась нужда опредѣлить отношеніе человѣка къ божеству, основанное на христіанскихъ началахъ, явилась необходимость разъяснить новымъ христіанамъ, что Богъ есть живое, дѣятельное, полное безконечной любви къ міру Существо, которое, въ свою очередь, требуетъ не пустого, формальнаго отношенія къ нему, а внутренней, живой, чистосердечной любви и безпредѣльной преданности его волѣ. Еще до Мономаха были люди, которые старались проводить въ среду тогдашняго общества такую мысль. Такъ, митрополитъ Иларіонъ (1051—1054), въ извѣстномъ своемъ словѣ о законѣ и благодати, старается изъ догмата о двухъ естествахъ во Христѣ—Божескомъ и человѣческомъ—вывести идею о необходимости для христіанина внутренняго сердечнаго общенія съ Божествомъ. Эта же мысль сквозитъ въ той части его слова, гдѣ онъ говоритъ о достоинствѣ христіанской религіи сравнительно съ язычествомъ. „Взыщемъ Бога рыданіемъ, слезами, пощеніемъ, бдѣніемъ, покореніемъ же и послушаніемъ“, говоритъ преп. Θεодосій Печерскій въ одномъ изъ своихъ поученій, желая провести ту же мысль. Кромѣ Иларіона и Θεодосія, мысль о необходимости духовнаго отношенія человѣка къ Богу проводилась и еще нѣкоторыми проповѣдниками, жившими до Владиміра Мономаха; но при всемъ томъ приходится сознаться, что русская проповѣдь того времени слишкомъ мало обращала вниманія на этотъ важный вопросъ. Потому ли, что сами русскіе проповѣдники смутно и неясно понимали его, или по другимъ какимъ либо причинамъ, только они главнымъ образомъ направляли свою проповѣдь съ обличеніемъ противъ пороковъ, сильно развитыхъ въ обществѣ, или же призывали вѣрующихъ къ исполненію внѣшнихъ обрядовъ благочестія, какъ-то: къ соблюденію постовъ, посѣщенію храмовъ и т. д., а о томъ, какъ христіанинъ долженъ относиться къ Богу, они упоминали только изрѣдка, вскользь. Первую, болѣе или менѣе удовлетворительную попытку къ рѣшенію этого важнаго вопроса встрѣчаемъ мы въ

Поученіи Владиміра Мономаха. Мы называемъ эту попытку Мономаха въ томъ смыслѣ удовлетворительною, что она рѣшаетъ указанный вопросъ не теоретически-отвлеченно, какъ напримѣръ, у Иларіона, и потому едва ли понятно для большинства, а практически, наглядно, примѣнительно къ непосредственному сознанію простыхъ, неразвитыхъ русскихъ людей той эпохи. Мономаха можно включить въ число тѣхъ немногихъ русскихъ людей своего времени, которые правильнѣе и чище остального общества понимали сущность христіанской религіи. Это особенно видно изъ того, что христіанство Владиміра Мономаха было не обрядовое, а дѣятельное. Отъ совѣта о поклонахъ и молитвѣ онъ переходитъ къ дѣламъ милосердія и правды—и говоритъ: „всего же паче убогихъ не забывайте“. Человѣкъ съ такими истинно-христіанскими понятіями не могъ не замѣтить, въ чемъ особенно нуждается современное ему общество, не могъ не понять, что это общество совсѣмъ не знаетъ свойствъ христіанскаго Бога, отчего отношенія человѣка къ Божеству являются внѣшними, а не живыми, полными любви и преданности. Вотъ почему Мономахъ такъ обстоятельно посвящаетъ первую часть своего Поученія разъясненію внутренняго смысла и значенія христіанской религіи, дѣлая все это не въ формѣ отвлеченныхъ разсужденій, а въ видѣ религіозныхъ предписаній и нравственныхъ наставленій.

Въ той части своего Поученія, въ которой Мономахъ обращается къ своимъ дѣтямъ, какъ князьямъ, правителямъ ввѣреннаго имъ народа, онъ имѣетъ въ виду опредѣлить отношеніе власти къ подданнымъ. Владиміръ Мономахъ былъ прекраснымъ государемъ и тѣмъ не безъ причины заслужилъ искреннюю любовь народа, которою онъ такъ славенъ въ древней исторіи Руси. Такой достойный государь очень хорошо понималъ, что требуется отъ князя для того, чтобы народъ былъ счастливъ. Это, прежде всего, постоянная заботливость и неусыпный надзоръ за строгимъ и безкорыстнымъ исполненіемъ правосудія. Въ своемъ поученіи Мономахъ даже

требуетъ отъ дѣтей-князей по возможности личнаго исправленія обязанности судьи, — „вдовицу оправдите сами“, говоритъ онъ, чтобы тѣмъ самымъ было больше истиннаго правосудія, такъ какъ, по его же словамъ, нельзя было надѣяться на честность посадниковъ и бирючей.

Владимиръ Мономахъ, какъ лучшій человекъ своего времени, хорошо понималъ всю безнравственность несоблюденія данныхъ обязательствъ и глубоко скорбѣлъ при видѣ этой язвы тогдашняго общества. Весьма трогательно онъ умоляетъ своихъ дѣтей не клясться и не творить крестнаго цѣлованія, если они не имѣютъ въ виду соблюсти клятвеннаго обѣщанія. „Не клянитесь Богомъ, ни хреститесь“, говоритъ онъ, „нѣту бо ти нужна никоея же; аще ли вы будетъ крестъ цѣловати къ брати, или къ кому, али управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, тоже цѣлуйте и цѣловавше блюдѣте, да не преступни погубите душѣ своей“. Соблюденіе крестнаго цѣлованія особенно было важно среди княжескихъ политическихъ отношеній, такъ какъ оно, въ большинствѣ случаевъ, обезпечивало миръ страны и спокойное состояніе гражданъ, постоянно страдавшихъ отъ внутреннихъ усобицъ; а между тѣмъ князья то и нарушали главнымъ образомъ крестное цѣлованіе, данное другъ другу въ обезпеченіе неприкосновенности ихъ взаимныхъ мирныхъ отношеній. Такъ извѣстенъ случай, бывшій съ великимъ княземъ Святополкомъ.

Требуя отъ дѣтей-князей, по возможности, личнаго производства суда надъ своими подданными, съ цѣлью лучшаго соблюденія правды въ отношеніи къ нимъ, Мономахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, заботился и о милости при произнесеніи приговора суда надъ преступникомъ: „Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убивати его“, говоритъ онъ.

Удерживая судей отъ смертныхъ приговоровъ, Владимиръ Мономахъ не столько, можетъ быть, боялся въ смертной казни проявленія невыносимаго для него духа мести, сколько страшился загубить душу преступника, котораго продолжалъ

считать христіаниномъ, такъ какъ послѣдній черезъ скорую смерть лишался времени, необходимаго для исправленія и покаянія. „Аще будетъ повиненъ въ смерти и тогда душа не погубяете никакая же хрестьяны“, говоритъ Мономахъ. Какой христіански гуманный взглядъ! Изъ этихъ словъ понятна та твердость и рѣшительность, съ которою современникъ Мономаха, митрополитъ Никифоръ, „печаловался“ предъ этимъ княземъ за осужденныхъ. Митрополитъ очень хорошо зналъ, что онъ имѣетъ дѣло съ образованнымъ и гуманнымъ княземъ христіаниномъ, которому собственное его сердце подскажетъ личность тамъ, гдѣ слова защитника не будутъ достаточно убѣдительно. „О семъ испытай, княже мой“, писалъ Никифоръ въ одномъ посланіи къ Мономаху, о томъ помысли: о изгнанныхъ отъ тебѣ, о осужденныхъ отъ тебѣ наказанія ради, о презрѣнныхъ; въспомяни о всѣхъ, кто на кого изрекль и кто кого оклеветалъ, и самъ суди разсуди таковыя, и якоже отъ Бога наставляемъ, всѣхъ помяни, и тако сътвори и отпусти, да ти ся отпустятъ и отдаждь, да что ся отдасть. Аще бо не отдамы.... грѣхопадениі чловѣкомъ, ни отецъ небесный оставитъ намъ прегрѣшеній нашихъ“... Чтобы князь не подумалъ, что митрополитъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ по какимъ либо частнымъ обстоятельствамъ, а не по наставленію церкви, Никифоръ прибавляетъ: „нѣтъ, ради благовѣрія твоего, просто написалъ я такъ на воспоминаніе тебѣ, потому что великія власти великаго напоминанія требуютъ, великую пользу приносятъ онѣ и великимъ грѣхамъ подвержены“.

Обычай печалованія, которымъ такъ знаменитъ былъ въ разсматриваемую эпоху митрополитъ Никифоръ, и который вошелъ въ особенное употребленіе въ позднѣйшее время, въ періодъ Московскаго единодержавія, составлялъ издавна неотъемлемое право духовенства, проистекавшее изъ того высокаго уваженія, какимъ оно пользовалось въ древней Руси. Отсюда понятно то благоговѣніе, съ какимъ Мономахъ говоритъ о почитаніи духовенства, требуя отъ дѣтей, чтобъ

они не отклоняли отъ себя лицъ духовнаго сана, но съ любовію принимали ихъ благословенія и молитвы: „епископы, и попы, и игумены съ любовью взимаите отъ нихъ благословенье, и не устраняйтея отъ нихъ, а по силѣ любите и набдите, да примите отъ нихъ молитву отъ Бога“. Владимірь и на самомъ дѣлѣ глубоко уважалъ духовенство, что видно особенно изъ отзыва о немъ лѣтописца: „Володимеръ бо такъ быше любезнивъ: любовь имѣя къ митрополитомъ и къ епископомъ и къ егуменомъ, паче же и чернечскый чинъ любя и черницы любя“.....

Итакъ, говоря объ отношеніи власти къ подданнымъ, Владимірь Мономахъ требуетъ отъ дѣтей-князей прежде всего заботы объ истинномъ правосудіи въ ихъ вотчинахъ, въ частности же соблюденія на судѣ принципа правды и милости. Далѣе онъ совѣтуетъ строго соблюдать крестное цѣлованіе, данное князьями въ обезпеченіе міра страны, наконецъ просить князей во всемъ руководиться любовью къ своимъ подданнымъ, особенно любить лицъ духовнаго сана, которыхъ, кромѣ того, уважать и слушаться ихъ совѣтовъ.

Третья мысль, которую развиваетъ въ своемъ поученіи Мономахъ, показываетъ, какъ долженъ человѣкъ относиться къ самому себѣ, а также опредѣляетъ взаимныя отношенія людей между собою. Вся эта часть Поученія, по своему внѣшнему виду, представляетъ ничто иное, какъ рядъ нравственныхъ правилъ поведенія человѣка въ его обыкновенномъ повседневномъ бытѣ, и съ этой стороны имѣетъ большое внѣшнее сходство съ Домостроемъ попа Сильвестра, также опредѣлявшемъ обыкновенный повседневный бытъ русскаго человѣка своего времени. Но какая огромная внутренняя разница между Домостроемъ древней Руси и Домостроемъ XVI вѣка. На сколько нравствененъ принципъ Домостроя Мономахова, на столько же, можно сказать, безнравствененъ (въ смыслѣ отсутствія нравственной идеи) принципъ Домостроя Сильвестрова. У Сильвестра всюду видно начало уклончивости, примѣнительности къ жизни и угодливости къ

людямъ. Множество его наставленій направлены именно къ тому, чтобы научить—какъ ужиться съ разными людьми въ жизни, и при этомъ только по возможности сохранять правду, жертвуя при случаѣ ею, чтобы не поссориться съ несправедливыми людьми и тѣмъ не повредить ни своимъ добрымъ къ нимъ отношеніямъ, ни другимъ своимъ интересамъ. Такой принципъ уклончивости, примѣнительности и угодливости людямъ, который въ жизни легко переходитъ въ совершенное равнодушіе къ правдѣ и неправдѣ и въ потворство неправдѣ, такой принципъ, въ концѣ концовъ, можетъ привести къ совершенному безразличію общественнаго мнѣнія и суда надъ людьми несправедливыми, къ уничтоженію прямыхъ и искреннихъ отношеній между людьми и къ совершенному ослабленію нравственной жизни общества. Совсѣмъ не таковъ взглядъ Мономаха. Не только въ разсматриваемой части Поученія, но и во всемъ этомъ произведеніи, мы не найдемъ ничего сходнаго съ принципомъ Сильвестра. Русскій человѣкъ XII вѣка гораздо нелицемѣрнѣе смотрѣлъ на людскія отношенія и болѣе вѣрилъ въ искренность этихъ отношеній, нежели русскій же человѣкъ XVI вѣка, и въ противоположность послѣднему, скорѣе былъ готовъ пожертвовать собственными интересами за правду, чѣмъ примѣняться къ обстоятельствамъ, льстить и угождать несправедливымъ людямъ. Вотъ въ какую дурную сторону уклонилась нравственная жизнь XVI вѣка, очевидно, еще носившая тогда мрачные слѣды двухвѣковаго рабства азіатскимъ варварамъ. Но зато какъ свѣжи, какъ отрадны понятія молодой, еще неиспорченной государственными бѣдствіями до татарской Руси! Ея безхитростныя понятія являются подчасъ даже наивными — въ нихъ пріятно звучитъ юношеская неопытность народа, сравнительно съ отталкивающею и холодною старческою расчетливостью современниковъ Сильвестра. Сильвестръ совѣтуетъ, на примѣръ, угостить, а иногда и подарить заѣзжаго купца, съ тѣмъ практическимъ расчетомъ, чтобы купцы, зная гостепріимство человѣка, „мимо его добраго товара не про-

дали“ (гл. XL). Мономахъ также предписываетъ гостепрѣимство, особенно къ чужеземцамъ, но совсѣмъ не съ такимъ сухимъ матеріальнымъ расчетомъ, какой обнаруживается у Сильвестра. Какъ всякій человѣкъ, Мономахъ не лишенъ былъ нѣкотораго тщеславія; но это чувство выражается у него до крайности наивно, просто и добродушно. Онъ потому совѣтуетъ угощать чужестранцевъ, что они мимоходомъ прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ. „Болѣе же чтите гостя“, предписываетъ Мономахъ, „откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или соль, аще не можете даромъ брашномъ и питьемъ, ти бо мимоходячи прославить человѣка по всѣмъ землямъ, либо добрымъ либо злымъ.“

Опредѣляя отношенія, въ коихъ человѣкъ долженъ стоять къ самому себѣ, Мономахъ требуетъ не имѣть гордости ни въ сердцѣ, ни въ умѣ; но рцемъ: смертни есми, днесъ живи, а завтра въ гробѣ“. Онъ хорошо понималъ, что гордость есть величайшій порокъ, который препятствуетъ человѣку идти по пути къ нравственному самосовершенствованію. Гордость ума дѣлаетъ человѣка обыкновенно заносчивымъ, заставляя его кичиться нерѣдко мнимыми достоинствами, и черезъ то забывать, что всѣ люди равны, какъ по происхожденію отъ одного Творца, такъ и по одинаковой смертности всего вообще человѣчества. Вотъ почему онъ совѣтуетъ постоянно помнить о смертномъ часѣ: „смертни есмы, днесъ живи, а завтра въ гробѣ“, такъ какъ памятованіе о смерти, всегда готово встрѣтить человѣка, всего лучше умѣряетъ гордость. Но еще болѣе могла казаться Мономаху недостойною христіанина гордость въ сердцѣ, такъ какъ эта гордость окончательно уничтожаетъ христіанскую любовь къ ближнимъ, дѣлаетъ человѣка безсердечнымъ и безчувственнымъ къ несчастіямъ ближнихъ. Онъ совѣтуетъ постоянно говорить себѣ: „се все, что ны (ты) еси (Господи) вдалѣ, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало днѣй“, и въ силу этой мысли, онъ прибавляетъ: „въ земли не хороните, то есть великъ грѣхъ“, то есть не копите, не прячьте въ землю сво-

ихъ прибитковъ, но раздавайте неимущимъ вашимъ ближнимъ, ибо прятать великій грѣхъ.

Опредѣливъ внутреннее отношеніе человѣка къ самому себѣ, Мономахъ старается указать нѣкоторыя правила внѣшняго поведенія человѣка у себя дома и въ обществѣ. Съ этой стороны, поученіе Мономаха особенно близко сходится съ Домостроемъ Сильвестра, содержащимъ, главнымъ образомъ, наставленія, какъ вести себя дома и въ людяхъ. Но и тутъ нельзя не отдать превосходства Мономаху предъ Сильвестромъ. Сильвестръ непріятно поражаетъ мелочностію своихъ наставленій, часто совершенно излишнихъ. Мелочность Сильвестра доходитъ иногда до того, что онъ, на примѣръ, совѣтуетъ покупать хозяйственные припасы въ свое время (гл. XL), покупать не по мелочамъ, а массой (XLI), купленные припасы сберегать, чтобъ они не испортились или не были раскрадены. Такъ всюду и проглядываетъ черствый, практический и расчетливый умъ Сильвестра, который выше всего на свѣтѣ ставитъ, чтобъ „у рубля полтина сбереглась“. Гораздо проще и короче касается всего этого Мономахъ. Онъ говоритъ только: „въ дому своемъ не лѣнитесь, но все видите“, и этого достаточно; тутъ ясно, что домохозяину не должно лѣниться, но за всѣмъ самому смотрѣть, а при такихъ условіяхъ само собою все будетъ въ порядкѣ. Далѣе у Мономаха прибавляется: „не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящїи къ вамъ и дому вашему ни обѣду вашему“, и затѣмъ онъ снова говоритъ противъ лѣни особенно на войнѣ, во время которой совѣтуетъ не предаваться продолжительному сну и даже по возможности не снимать оружія во время сна, такъ какъ отъ лѣности не трудно погибнуть на войнѣ: „лѣнощами внезапно бо человѣкъ погибаетъ“. Владиміръ Мономахъ, какъ замѣтно, почему-то особенно часто говоритъ въ своемъ поученіи противъ лѣности. Въ одномъ мѣстѣ поученія онъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣляетъ лѣность и указываетъ на дурные результаты этого порока: „лѣность бо всему мати, еже умѣетъ, то за-

будеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣннати ни на что же доброе“. Не указываютъ ли такія настойчивыя и частыя повторенія наставленій не лѣнниться на то, что наши предки отличались неповоротливостью, апатичностью въ веденіи своихъ дѣлъ и отсутствіемъ подчасъ необходимой энергіи? Если эта особенность русскаго характера и въ настоящее время даетъ иногда себя знать, то съ большею вѣроятностью можно предположить то же самое и у современниковъ Мономаха. Отсутствие необходимой жизненной энергіи и лѣнивый, неподвижный характеръ древняго русскаго человѣка даже побудили русскую проповѣдь того времени употребить свое слово противъ указаннаго общаго недостатка. Въ „поученіи лѣнивымъ, иже не дѣлають“, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Взбуждайте спящая и на дѣло подвизайте ихъ лѣнивыхъ. Аще бо земныя убѣгаете страдѣ (трудоу) вы, то не баныхъ не узрите благыхъ, иже дѣлателямъ Богъ обѣщаль есть. Отъ труда убо здравіе и отъ страды спасеніе; лѣнивый же, по апостолу, да не ясть... Лѣность бо всѣмъ дѣломъ злыма есть... кто убо на дѣло лѣнивъ, той и о души своей не подвизается“....

Весьма наивны и простосердечны предписанія Мономаха относительно ночныхъ поклоновъ, которые всего лучше отгоняють діавола, имѣющаго ночью, по понятію нашихъ предковъ, особенную власть и силу надъ людьми. „Не грѣшите“, говоритъ Мономахъ, „ни одну же ночь, аще можете поклонитесь до земли, али вы ся начнетъ, не мочи, а трижды; а того не забывайте, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола, а что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ человѣкъ избываетъ“. Убѣжденіе нашихъ предковъ въ томъ, что діаволь имѣеть большую силу надъ людьми по ночамъ, сохранялось на Руси отъ далекихъ временъ язычества, по вѣрованіямъ котораго темныя демоническія силы боятся дневного свѣта и начинаютъ свою дѣятельность только при наступленіи ночи и преимуще-

ственно въ темныхъ мрачныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ дремучихъ лѣсахъ, топкихъ болотахъ и водяныхъ омутахъ.

Утромъ вставать послѣ сна Мономахъ предписываетъ до солнечнаго восхода: „да не застанеть васъ солнце въ постели“. Пробудившись, нужно „первое къ церкви“ и „заутренню“ отдать „Богови хвалу“. Такимъ образомъ, Мономахъ предписываетъ начинать день молитвою въ храмѣ.

Безъ сомнѣнія, имѣя въ виду своихъ дѣтей-князей, Мономахъ совѣтуетъ, немедленно-же послѣ молитвы, „сѣдше думать съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати“. „Спанье“, замѣчаетъ Владиміръ, „есть отъ Бога присужено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь и птица и человѣци“. И дѣйствительно, обычай послѣобѣденнаго, полуденнаго сна былъ во всеобщемъ употребленіи въ древнее время. „И придоша (Половцы) въ монастырь Печерскій“, рассказываетъ лѣтописецъ, „намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ до заутрени“, то есть, послѣ заутрени, около полудня. Несторъ, въ житіи пр. Θεодосія, рассказываетъ про нѣкоего Судислава Гедевича, который далъ обѣщаніе пожертвовать двѣ гривны золота и вѣнецъ на икону Богородицы въ монастырь Θεодосія, но забылъ исполнить. „И се по двѣхъ нѣкіихъ спящу ему въ полудне“, явилась ему икона, напомнивъ о данномъ обѣщаніи. Обычай полуденнаго сна ведетъ свое начало изъ отдаленной древности. По стариннымъ мѣлическимъ представленіямъ древнихъ языческихъ славянъ, въ полдень, преимущественно на поляхъ, являются какія-то духовныя существа, называемыя полудницами, съ серпами въ рукахъ, и всякаго, замѣшковашагося на работѣ, эти полудницы останавливаютъ, начинаютъ спрашивать: какъ обрабатывать и прѣсть ленъ и т. д., и кто не устоитъ противъ разспросовъ, тому срубаютъ голову серпомъ. Отсюда сонъ въ полдень — самое лучшее средство къ тому, чтобъ избѣжать пагубной встрѣчи съ полудницами.

„Лжѣ блюди́ся и пьянства, въ томъ бо душа погыбаетъ и тѣло“, предписываетъ Мономахъ. Ложь — порокъ весьма обыченъ въ то темное время, когда нравственное сознание было еще до того слабо, что многіе даже не признавали и порока во лжи. Пьянство нужно отнести къ тѣмъ порокамъ, которые достигли наибольшаго развитія въ тогдашнемъ обществѣ. Понятно, что они вызвали Мономаха сдѣлать предостереженіе противъ нихъ своимъ современникамъ.

Мы замѣтили, сопоставляя Сильвестровскій Домострой XVI вѣка съ Поученіемъ Владиміра Мономаха, что въ послѣднемъ отношенія, долженствующія быть между людьми, рисуются болѣе искренними и правдивыми, сравнительно съ не совсѣмъ честною примѣнительностію и угодливостію людямъ, возведенною въ руководительный принципъ Домостроемъ XVI вѣка. Мы должны прибавить, что эта искренность и правдивость отношеній чловѣка къ другимъ людямъ, предписываемая Владиміромъ Мономахомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ проникнута въ высшей степени христіанскою гуманностію, достойною чловѣка, воспитавшагося и не при тогдашнемъ, еще весьма низкомъ, уровнѣ общественнаго развитія. Среди чловѣческихъ отношеній, отношенія между мужемъ и женою, безспорно, самыя ближайшія и тѣснѣйшія. По понятіямъ церковнымъ, мужъ и жена составляютъ одно существо, и связь между ними должна продолжаться до самой смерти кого либо изъ нихъ. Владиміръ Мономахъ хорошо понималъ, что такая тѣсная связь между супругами, проповѣдуемая церковью, невозможна безъ любви, и потому предписываетъ: „жену свою любите“.

Дальнѣйшія предписанія Мономаха объ отношеніи чловѣка къ другимъ людямъ (такъ же, какъ и все въ его Поученіи) проникнуты чисто евангельскимъ духомъ: „больного присѣтите, надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмы.... убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите и придавайте сиротѣ“. Всѣ эти нравственныя предписанія, несмотря на ихъ обще-извѣстность и не новостъ, имѣли боль-

шее значеніе для того времени. Тогда нужны были постоянныя напоминанія и повторенія самыхъ простыхъ и несложныхъ требованій евангельской любви, такъ какъ при всеобщей почти религіозной и нравственной неустойчивости эти требованія скоро забывались. Замѣчательно, что Мономахъ старается, чтобъ и чисто внѣшнія, формальныя и случайныя отношенія между людьми были проникнуты искренностью и глубокимъ участіемъ, чтобы въ нихъ не было даже никакихъ признаковъ грубости, холодности, индифферентизма. „Человѣка не минѣте“, говоритъ онъ, „не привѣчавше (не привѣтствуя), добро слово ему дадите... куда же поидете, идѣже станете, напоите, накормите унеина“, то есть обласкайте, будьте привѣтливы, окажите участіе къ слабымъ, безпомощнымъ бѣднякамъ.

Переходимъ теперь къ заключительной мысли Поученія Владиміра Мономаха.

Въ самомъ концѣ Поученія, Мономахъ приводитъ мысль о промыслѣ Божіемъ, простирающемся на каждый случай жизни человѣческой. Еще въ срединѣ Поученія онъ говорилъ, что въ основѣ всего, всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, долженъ лежать страхъ Божій, то есть постоянная мысль о Богѣ и о томъ, что онъ видитъ всѣ дѣла и помышленія человѣка, и что потому нужно всегда „страшиться“ оскорбить Его дурными поступками: „се же вы конецъ всѣму — страхъ Божій имѣйте выше всего“. Теперь, какъ бы дополняя прежде сказанное, онъ говоритъ, что въ жизни съ человѣкомъ даже ничего не можетъ случиться безъ воли Божіей. Вотъ подлинныя слова этой заключительной мысли Мономаха: „никто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья, не могутъ отъяти... Божье блюденье лѣплѣе есть человѣческаго“. Поставленныя въ концѣ Поученія, эти слова имѣли значеніе показать, что слѣдуя неуклонно тѣмъ правиламъ поведенія человѣка-христіанина, которыя предлагаются во всемъ поученіи, и чрезъ то, угождая Богу,

человѣкъ пусть не опасается, что съ нимъ въ жизни могутъ случиться какія либо несчастія или напрасная смерть, потому что ничего не совершается въ мірѣ безъ воли Божьей, и промыслъ сохранить того человѣка отъ всѣхъ несчастій за выполненіе нравственныхъ предписаній Евангелія. Если же человѣкъ не станетъ исполнять заповѣдей Божіихъ, то охраняющій промыслъ оставитъ его, и пусть онъ тогда не надѣется на людей: „ни отецъ, ни мать, ни братья, не спасутъ его, ибо Божье блюденіе дѣлѣе есть человѣческаго“.

СЛОВАРЬ.

А.

Абіе, абье. Тотчасъ, немедленно.
Амо. Куда.
Ать, ать. Да, дабы, то, да, пусть.
Аци. А ежели.
Аче. См. аще.
Аще. Если, хотя, когда.

Б.

Биричь. Полицейскій, объявлявшій народу распоряженія власти; глашатай.
Бо. Ибо, потому что.
Божонка. Церковь, часовня.
Больми. Весьма, болѣе, крѣпче, сильнѣе.
Болонье, болонь. Пространство между двумя валами, окружавшими городъ; предместье.
Болъ. Прош. вр. гл. бости, бодать.
Борзый. Скорый.
Боръ; мн. ч. борове. Сосновый лѣсъ.
Бохमितь. Магометъ.—Бохъмитчь. Магометанскій.
Бранити. Запрещать.
Братеникъ. Братъ.

Братичичь. Сынъ брата.
Брашно. Пища вообще, снѣдь.
Бчелка. Боченокъ.
Бѣла. Бѣлка.
Бѣль. Бѣличьи шкуры, въ качествѣ древней монетной единицы.

В.

Вабить. Подбивать, приманивать, призывать.
Варити. Предварить, предупредить, приманивать.
Вгажати, прич. наст. вгажающе. Угождать, нравиться.
Вдати, прич. усѣч. владуче. Вручать, выдавать.
Вдаша на щиты. Отдали въ плѣнь ратникамъ.
Ведро. Зной, засуха, жарь.
Вежа. См. вѣжа.
Ветъхъ. Ветошь, тряпка.
Взорати. Вспахать.
Видѣти, прич. усѣч. вида.
Вира. Пеня за уголовное преступленіе.
Взяти, прич. усѣч. возма.
Воину, выну. Всегда.
Волшьство. Колдовство.
Волшьвеніе. Волхованіе.

Ворожбитъ. Врагъ.
Воропъ. Нападеніе, аттака.
Вотола. Ткань изъ льна и поско-
ни. Верхняя одежда.
Вотолопъ. Сдѣланный изъ вото-
лы.
Впити, въпити. Вопить, кричать.
Времянный. Прошедшій, прош-
лый.
Възнати; прош. соверш. дв. ч.
възняста. Поднять.
Въспяти; прош. соверш. мн. ч.
въспяша. Поднять.
Въстятнутися. Удерживаться,
крѣпиться, воздерживаться.
Въскопитися; прич. прош. усѣч.
въскопивъся. Вскочить.
Вѣверица. Вѣкша, бѣлка, ла-
сочка.
Вѣдѣти; дв. ч. вѣвѣ. Знать.
Вѣжа. Шатеръ, палатка; башня.
Вѣно. Плата за невѣсту, вывод-
ное.

Г.

Галица. Галка.
Гобино. Урожай, обиліе, доволь-
ство.
Година. Пора, время, часть.
Годъ. Время, пора.
Горѣ. Вверхъ.
Гребля. Насыпь.
Гридь. Тѣлохранители князя,
дружина.
Гридьница. Помѣщеніе при двор-
цѣ для стражи.
Гробля. Окопъ, ровъ.
Грудень. Ноябрь мѣсяць.
Груда. Распутица; отсюда груд-
ный.

Грѣшиться. Промахнуться.
Гугнанье. Косноязычіе, заика-
ніе.
Гугнивый. Косноязычный, заика-
ющійся.
Гугнявый. Гнусливый, говорящій
въ носъ.

Д.

Дебель. Толстый, полный, гру-
бый.
Деместникъ. Пѣвчій.
Дивій. Дикій, свирѣпый, гру-
бый.
Дну. Внутрь.
Дѣнѣшній. Внутренній.
Долѣ. Внизу.
Дѣля. Для, ради.
Дѣтескъ. Маль, молодъ.
Дѣтський. Отрокъ, состоявшій
при князѣ.

Е.

Единецъ. Дикій кабанъ.
Еже, иже, яже. Которое, кото-
рый, которая; что, если, когда.
Елико. Сколько.
Елма, ельма. Когда уже.
Етеръ. Другой, иной, нѣкоторый.

Ж.

Желвь. Желвакъ.
Женути; наст. вр. мн. ч. жѣнутъ.
Гнать.
Жерло. Гирло, устье рѣки.
Жито. Поле.
Жръти, жрети; прош. вр. жря-
ху. Приносить жертву.

З.

Забороло. Заборъ, стѣна, ограда; забрало.
Забральный. Принадлежащій къ забралу.
Заводивше кресту. Приведя ко кресту, къ присягѣ.
Закыханье. Чиханье.
Зане. Ибо, потому что.
Заратиться. Начать войну.
Запона. Завѣса, покровъ.
Засобъ. Особо.
Заходивше ротѣ. Принявъ присягу.
Заступа. Уступъ.
Заяти; прош. вр. зая. **Захватить,** занять.
Знамянья. Памятники.

И.

И, я, е. Онъ, она, оно.
Иждену. Изгоню.
Иже, яже, еже. Который,—ая,—ое.
Излиха. Излишне, особенно много сверхъ того.
Изънимати. Взять въ плѣнъ.
Имемся по дань. Беремся платить дань.
Индиктъ. 15-ти лѣтній періодъ времени, начиная съ 1 сентября; число этого періода, соответствующее данному году.
Индитья. Престольная одежда.
Ирій. Теплая страна, куда на зиму улетаютъ птицы; свѣтлое заоблачное пространство.
Исполчитися. Построиться въ боевой порядокъ.

Истопка, истьба. Изба.

Исходище. Истокъ рѣки; рас-
путье.

К.

Казати; прич. наст. **кажай.** Наказывать, казнить.
Кало. Пометъ.
Кальній. Нечистый, грязный.
Клада. Костеръ, бревно. См. колода.
Клѣть. Холодная изба, кладовая.
Ключитеса. Привлечься случиться.
Кметь, кметье. Воинъ, витязь, дружинникъ.
Кобъ. Гаданіе по примѣтамъ.
Кола. Колесо; телѣга, дровни.
Колода. См. клада.
Колодникъ. Узникъ, арестантъ.
Комонь Конь.
Корзно. Верхняя одежда, епанча.
Кормилецъ. Пѣстунъ, дядька, воспитатель.
Корста, верста. Гробъ, гробница.
Котка. Кошка.
Котопанъ. Чиновникъ, служилый.
Котора. Распря, раздоръ, смута.
Которатися. Спорить, ссориться.
Кромѣ. Безъ, внѣ, въ сторону.
Кропійный, кропинный. Полотняный.
Крънетъ. Купить.
Кресити, крѣсити. Воскрешать.
Кубара. Судно, ладья.
Куна. Кунья шкурка, какъ монетная единица.

Л.

Лагодить. Отдаваться, предаваться чему.
Латка. Глиняная сковорода.
Лимень, лиманъ. Заливъ.
Ловище. Мѣсто, гдѣ ловятъ звѣрей, рыбу.
Луда. Верхняя одежда, плащъ.
Лука. Морской извилистый берегъ. Коварство, обманъ.
Лукно, лукъно. Лукошко, мѣра сыпучихъ тѣлъ.
Лыскаръ. Лопата.
Лѣповъ. Приворотное зелье.
Ладъ. Мореходное судно, ладья.
Лядный. Корабельный.

М.

Мѣдуша. Погребъ для храненія меда и другихъ напитковъ.
Мовь, мовня. Баня.
Мотыка. Заступъ.
Мъскъ, мъска. Муль.
Мыто. Пошлина за проѣздъ.

Н.

Набѣдѣти; прич. усѣч. **набдя.**
Снабжать, надѣлять, хранить.
Навье. Мертвецъ.
Налѣзти. Добыть, найти.
Намѣнити. Упомянуть.
Наполы. Пополоамъ.
Напрасный. Внезапный, нечаянный.
Напяти. Растянуть, напаялить.
Нарочитый. Отличный, знаменитый, важный.

Нарубити. Стоять, набирать силой.
Насадъ. Плоскостонное судно.
Населникъ. Поселенецъ, житель.
Насмисатися. Насмѣхаться.
Находникъ. Пришлецъ.
Невѣгласъ, невѣголось. Невѣжда.
Недѣля. Воскресный день.
Неключимый. Негодный, бесполезный.
Нетій, мн. ч. нети. Племянникъ по сестрѣ.
Ноли. Даже.

О.

Оброщити. Окрасить, запятнать.
Ово. То-то, или, либо, ли.
Овогда, овѣгда. Иногда.
Овый. Иной.
Овгюхъ. Овгаръ.
Огребатися. Удаляться, уклоняться.
Одалати. Одолѣвать.
Одва. Едва.
Одоблѣть. Отвердѣть, ожесточиться.
Одрина. Опочивальня, жилой покой.
Оже. Ежели, когда; что, потому что.
Оканьни. Окаянный.
Оксапсалма. Шестипсалміе.
Оле. Еле.
Оли. Даже, а, пока.
Олядъ, олядія. Судно, ладья.
См **лядъ.**
Оправливати. Давать судъ и праву, судить.

Опрати. Вымыть, омыть. Попирать ногами.
 Орудіе, орудье. Дѣло.
 Острогъ. Укрѣпленіе изъ бревенъ.
 Отай. Тайно.
 Отень. Отчій, отеческій.
 Отя. Отбилъ.
 Отрокъ. Служитель, рабъ при дворѣ князя.
 Очитить. Послышать, оцупать.
 Охабитися. Удаляться, оберегаться, устраняться.

II.

Паволока. Шелковая или полотняная ткань.
 Паволочитый. Сдѣланный изъ паволоки.
 Пардусъ. Барсъ.
 Перевѣсище. Мѣсто, гдѣ развѣшивались сѣти для ловли звѣрей и птицъ.
 Перегъбѣхъ. Перегибы въ одеждѣ, складки.
 Переклюкать. Перехитрить.
 Плищъ. Шумъ и крикъ.
 Поверзывать. Привязывать.
 Повозъ. Подводная, извозная повинность.
 Повозникъ. Возница, кучеръ.
 Повость. Волость, округъ.
 Повреши. Повергать.
 Погребъ. Темница.
 Подъклада. Потникъ подъ сѣдомъ.
 Подпасть; прич. усѣч. подпадше. Подкрасться.
 Подтыкать; прич. подътоюще. Подстрекать.

Покосный. Удобный, попутный.
 Поохритатися. Посердиться, подосадовать.
 Попинь. Попъ.
 Поприще. Мѣра путевой длины.
 Попріяти. Споспѣшествовать, помочь.
 Порещи. Упрекнуть, охулить.
 Породный. Природный.
 Породитися. Возродиться.
 Порты. Одежда, ткань.
 Порубъ. Темница, острогъ.
 Послужъ. Свидѣтель.
 Пострегтать. Заскрежетать.
 Потяти; буд. вр. потнемъ. Убить.
 Потъснутися. Поспѣшить, постараться.
 Потягнути. Напрячь силы, устремиться.
 Превабити. Переманить.
 Пря; предл. п. при. Споръ, тяжба, распря.
 Пря. Парусъ.
 Привабити. Привлечь, призвать.
 Прицловить. Сдѣлать что вполонину.
 Приполь. Пола.
 Приспа. Насыпь.
 Пристряпати. Устремиться, приступить.
 Притяскли бяху. Лежали плотно, прилипли.
 Пробѣгли суть. Пропали.
 Проваръ. Напитокъ, приготовленный въ одинъ заторъ, въ одинъ приемъ.
 Продажа. Убытокъ; незаконный поборъ.
 Проказа. Несчастіе, преступленіе.
 Прокъ. Остатокъ.

Проскѣпъ. Тиски, клещи.
Протолка. Узкій протокъ, рукавъ рѣки.
Пругъ; мн. ч. пружи. Саранча.
Псати. Писать.
Пуша. Пуща, чаща, густой лѣсъ.

Р.

Разсваритися. Разсоритися.
Рака. Гробъ.
Рало. Плугъ, соха.
Рамѣно, рамяно. Очень, сильно.
Рамо. Плечо.
Растяти, растинати. Разсѣкать, разрубать.
Рогаліе. Землекопное орудіе.
Родинъ. Родственникъ.
Роженъе. Дитя.
Ролья. Пашня.
Ропать. Капище.
Росутися; прич. нескл. росулися. Разсыпать, разсѣять.
Ротѣ. Клятва, присяга.
Рубль. Обрубокъ, клинъ; $\frac{1}{4}$ ч. разрубленной гривны.
Рухло. Домашняя утварь.
Рѣнь. Отмель, коса.

С.

Сани. Родъ повозки, на которой возили покойниковъ.
Сваживать. Смущать, ссорить.
Сваритися. Ссоритися, бранитися.
Сватитися. Сближаться, дружитья.
Свѣдѣти; 1 л. дв. ч. свѣвѣ. Знать.
Се. Вотъ.
Скважня. Скважина.

Скедія. Лодка.
Сколота. Смута.
Скорѣ. Шкура животныхъ; рухлядь мягкая.
Скотъ. Деньги.
Скотница. Казнохранилище.
Скупити, совкупити. Соединить, собрать.
Скупъ, скупъ. Сборъ.
Скутъ. Пола у одежды.
Слебное. Посольское.
Смердъ. Человѣкъ простого званія, селянинъ.
Снемъ. Собраніе, сеймъ, сонмъ.
Снятися. Собираться.
Солба. Посольство.
Соль. Посоль.
Сомжарити. Смежить, зажмурить.
Спрятати. Убирать, одѣвать.
Средовичъ. Человѣкъ среднихъ лѣтъ.
Становище. Мѣсто остановки; хуторъ.
Столпье. Ограда.
Странъ. Цѣль, мишень.
Строй земельъ. Земское устройство, распорядокъ.
Стрый. Дядя по матери.
Стрѣлище. Разстояніе полета стрѣлы.
Стрѣхѣ. Крыша, кровля.
Стужати. Докучать, стѣснять.
Стягъ. Знамя.
Стяжати. Снискивать, пріобрѣтать, содержать.
Сустугъ. Застежка.
Съсудъ, сосудъ. Орудіе.
Съсути. Ссыпать.
Сыновець. Племянникъ.
Сѣмо Сюда.

Т.

Та. И, да.
Таже, тажде. Потомъ.
Таль. Заложникъ.
Таче. Также.
Тезъ, тьзъ. Тотъ-же, одноименный.
Темьянъ. Өиміамъ.
Те(п)ти; прич. тепенома. Бить.
Тивунъ, тіунъ. Судья низшей инстанціи, сельскій прикащикъ.
Товаръ, таборъ. Военный станъ, обозъ.
Толи. Тогда.
Тольстина. Холстина.
Тоць. Пустой, тщетный, бесполезный.
Требить путь. Исправлять, очищать дорогу.
Трусъ. Землетрясеніе, ураганъ.
Трызна. Воинскія игры въ память усопшаго, поминки.
Трѣска. Коль.
Тутьнъ. Стукъ, гулъ, шумъ, громъ.

У.

Уводы. Похищеніе.
Увозъ. Перевозъ, спускъ съ берега.
Удѣся. Сдѣлалось.
Удъ. Членъ тѣла.
Ужикъ. Родственникъ.
Ужь. Канать, веревка.
Узорочье. Драгоценныя вещи и ткани съ литыми, рѣзными, шитыми или ткаными узорами.
Уй. Материнъ братъ.

Уклады. Оклады дани, налогъ.
Умыканіе. Увозъ невѣсты.
Умыкивать. Похищать.
Унеинъ (отъ оунити — просить).
 Прозящій милостыню, бѣднякъ.
Уньтій. Лучшій.
Унець; мн. ч. унци. Молодой быкъ или молодой олень.
Упругъ. Мачта.
Упрѣти. Переспорить, одержать верхъ въ преніи.
Уранити. Подняться рано.
Урокъ. Оброкъ, подать, окладъ.
Услѣти. Принести пользу.
Усние. Сыромятныя кожи.
Уснианъ, уснианный (квасъ). Наваръ изъ кислой травы, которымъ мылись въ банѣ для очищенія кожи; щелокъ.
Усрѣсти. Встрѣчать.
Утль. Дырявый.
Утлизна. Скважина, дыра.
Утолочити. Промять, притоптать.

Ф.

Фофудья. Кафтанъ.

Х.

Харатья. Хартія, пергаментъ.
Хвощеватися. Натирать тѣло въ банѣ хвощемъ, чѣмъ-нибудь жесткимъ.
Хлѣбное. Съѣстные припасы.
Холопъ. Свободный человѣкъ, но за долгъ обязавшійся служить другому.
Хрусть; мн. ч. хрустове. Насѣкомое хрущъ.
Хъза. Кожа.

Ц.

Ци, цы. Что, вопросит. част.

Цѣжь. Жидкій, кисельный рас-
творъ.

Цѣръ. Сѣра, фитиль.

Ч.

Чадъ Дружина, челядь.

Черевн. Обувь.

Чермень. Румянь.

Чи. См. ци.

Чинь. Пора, время.

Ш.

Шибнути. Ударить.

Щ.

Щлягъ, шлягъ. Монета ши-
лингъ.

Я.

Ядро. Нѣдро.

Яже. См. еже.

Язвено. Язва.

Ятися; прош. вр. яся. Взятся.
доставаться.

Віснѣскі Педэгагічны
ІНСТЫТУТ ім. С. М. КІРІЛЛА